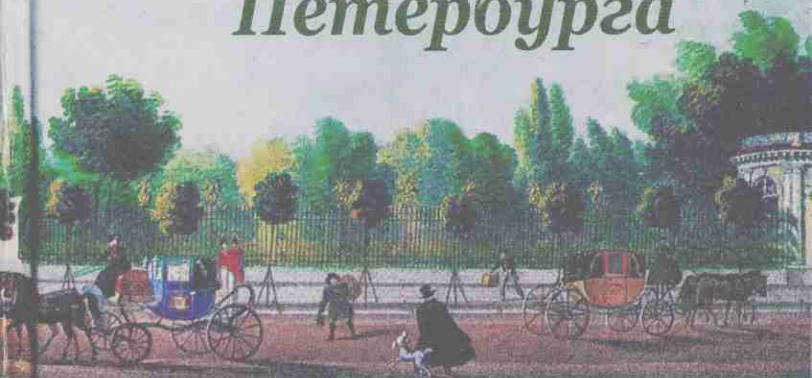

Т. К. Горьшина

*Зелёный мир
старого
Петербурга*

«Искусство—СПБ»

Т. К. Горышина

Зеленый мир старого Петербурга

Санкт-Петербург
«Искусство—СПБ»
2003

УДК 71
ББК 85.118.7
26.891
Г67

**Издание выпущено при поддержке Комитета по печати и связям
с общественностью Санкт-Петербурга**

Оформление художника *Ю. О. Хайретдинова*

Макет *О. Н. Олиной*

На переплете: *И. Иванов по оригиналу В. С. Садовникова. Панорама Невского
проспекта. 1830-е гг. Фрагмент*

Предисловие

Когда мы говорим о городе, то прежде всего представляем себе здания и магистрали, промышленные предприятия и культурные учреждения, жителей и их занятия. В последнее время все чаще упоминаем городскую экологическую среду. Но есть и еще одна составляющая той сложной системы, которую представляет собой город, — это городская природа, и в первую очередь наиболее зримая ее часть — растительный мир, принимающий самые разные обличья: парки и уличные посадки; растения — случайные поселенцы на обочинах дорог, парапетах набережных и даже крышах; декоративные цветочные культуры; уличные сорняки; комнатные растения; а на окраинах — пустыри и огородные грядки. Встречаются в городах и остатки «дикой» растительности — последние клочки лесов и лугов.

Этот столь разнообразный по облику и пестрый по составу зеленый мир города имеет двойственный характер. С одной стороны, это природное явление, мир живых организмов, подчиняющийся законам природы. А с другой стороны, городская растительность, создававшаяся также и при участии человека (сознательном или невольном), —

это одновременно и составная часть окружающей человека городской среды, материальной культуры города и быта его жителей. И потому она интересна не только натуралисту, но и культурологу.

В настоящей книге читатель познакомится (в обоих ракурсах) с растительным миром старого Петербурга (XVIII — начала XX века) — одним из ликов нашего многоликого города. Тема эта интересна еще и потому, что в различных сочинениях по истории Петербурга — архитектурных, искусствоведческих, демографических и других — история петербургской природы и ее взаимоотношений с жизнью города еще практически не затрагивалась. Для петербургского исторического краеведения это новая глава.

Автор — ботаник по специальности и любитель истории Петербурга — постарался не только показать городской растительный мир с традиционной для ботаника точки зрения (что, где и почему растет), но и по возможности представить его роль и место в жизни Петербурга и петербуржцев в разные эпохи истории города (включая и место в мире «отраженном» — топонимике, беллетристике, поэзии).

Материалы книги заимствованы из разнообразных источников: научных изданий (трудов ботаников, географов, историков), мемуарной и художественной литературы, а также из иконографии Петербурга (живописных и графических изображений) и старинных карт города. В книгу не вошли вопросы искусствоведческие и архитектурные, касающиеся паркостроения и декоративного озе-

ления (это тема отдельного большого исследования, она ждет своих авторов).

Книга как сочинение научно-популярное рассчитана на широкий круг читателей с разным уровнем подготовки — от биологов и историков до любителей краеведения и знатоков Петербурга (а также тех, кто хотел бы стать ими).

Все замечания читателей по содержанию и оформлению будут приняты с интересом и благодарностью.

Растительный покров Приневской низменности до основания Санкт-Петербурга

В очерке «Прогулка в Академию художеств» К. Н. Батюшков в 1814 году писал: «...я сделал себе следующий вопрос: что было на этом месте до построения Петербурга? Может быть, сосновая роща, сырой дремучий бор или топкое болото, поросшее мхом и брусникою; ближе к берегу — лачуга рыбака...» Но, оказывается, еще за несколько лет до того, как был задан этот вопрос, другой поэт ответил на него от имени Невы, изобразив картины ее берегов до основания северной столицы:

Мне кажется, в иной долине
Пустынны я вела край.
Доселе сосна, ель тенисты
Гляделися в моих водах;
Граниты стропотны, лесисты,
Где волчий взор в дубраве рдел,
Как огонь в зелену ночь горел.

А что же было на самом деле — каков был первоначальный природный фон, как выглядел растительный покров местности, в которой возник и развивался Санкт-Петербург? Казалось бы, сейчас судить об этом трудно: за редкими исключениями (такими, как отпечатки на угле, сохранившиеся остатки в торфе и янтаре), растения прошлых эпох не оставляют после себя материальных следов, по которым можно было бы восстановить облик растительности. В этом отношении ботаники могут только позавидовать археологам, способным восстановить картины исчезнувших поселений по сохранившимся остаткам материальной культуры. И все же существует возможность составить общее представление о первоначальной растительности, используя разные источники. Это и данные ученых — ботаников и географов, у которых есть специальные методы реконструкции «восстановленного» растительного покрова, и некоторые материалы топонимики, и старинные карты устья Невы XVII — начала XVIII века, и, наконец, сохранившиеся свидетельства очевидцев — современников основания и первых лет жизни города.

* Приводимые в книге стихотворные строки взяты из трех поэтических антологий, посвященных Петербургу [112; 113; 162]. Здесь и далее по тексту в квадратных скобках даны ссылки на источники в списке литературы, помещенном в конце книги.

Природа Приневской низменности имеет сложную и долгую историю. Достаточно сказать, что в период великого оледенения наша территория по меньшей мере четыре раза оказывалась под ледяным панцирем толщиной во многие сотни метров. Отступая, ледник оставлял после себя множество валунов (одному из них выпала поистине громкая слава — это «Гром-камень», доставленный из Лахтинского болота для «Медного всадника»). Проходили века и тысячелетия, на месте отступившего ледника последовательно возникали водоемы, получившие у ученых звучные названия по наименованиям обитавших в них моллюсков: Йольдиевое море, Анциловое озеро, Литориновое море. Последнее отступило всего около 3800 лет назад, войдя в привычные для нас границы Финского залива. Поскольку уровень его оказался на 17—18 метров ниже уровня соседнего Ладожского озера, озерные воды не могли не устремиться на запад, к морю; так родилась река Нева. Свидетелями (а возможно, и жертвами) этих событий были первые поселенцы, уже тогда обитавшие в Приневской низменности (о чем говорят остатки скелетов и изделия каменного века в отложениях литоринового времени). Но по-настоящему человек начал осваивать эту местность гораздо позже — около тысячи лет назад.

К этому времени уже сложился растительный покров Приневской низменности в таком виде, в каком его застали основатели и строители Петербурга. Сложились и основные ландшафты. Географы определяют их как ландшафты озерно-ледниковых заболоченных равнин, расположенных большей частью на ленточных слоистых гли-

нах и приуроченных к древним впадинам в дочетвертичных породах, заполненным ледниковыми и послеледниковыми отложениями [59]. Из этого длинного определения стоит обратить внимание на слова «ленточные глины» и «впадины» — они сразу же дают нам некоторое представление об условиях, определявших возможности жизни растений. Это водонепроницаемые грунты, слабый сток, а значит, постоянно переувлажненные почвы. Если добавить к этому такие особенности нашего атлантико-континентального климата, как умеренно холодная зима и нежаркое влажное лето и к тому же превышение осадков над испаряемостью, то нетрудно представить себе характер растительности Приневской низменности до основания Петербурга. Вот как увидел ее Пушкин глазами Петра I, обозревающего местность:

По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца;
И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел.

А. С. Пушкин. «Медный всадник»

Кратко, но точно: действительно, основной растительный покров территории будущей столицы и ее окрестностей составляли леса и болота.

Подобно тому как текст слагается из слов и букв, так и растительный покров местности складывается из растительных сообществ и отдельных растений. И как для чте-

ния текста необходимо знать алфавит языка, так и для знакомства с растительностью нужно сначала разобраться во флоре* данной местности. Что за растения росли там, где предстояло возникнуть будущей столице, и определяли состав и внешний облик приневских лесов и болот? Конечно, сейчас невозможно воссоздать полный список первоначальной флоры невских берегов, но можно попытаться обрисовать ее основные черты.

Флора Приневской низменности была очень молода по возрасту, ведь она сложилась только после отступления ледника, когда сюда стали проникать растения из прилегающих к леднику местностей — таежные и даже тундровые (например, карликовая березка, которую ботаники считают приледниковым реликтом). За сравнительно короткое время флора успела претерпеть немало изменений. Они хорошо прослеживаются по составу пыльцы растений, сохранившейся в болотном торфе — в его слоях, разных по глубине залегания, а значит, и по возрасту. Судя по данным пыльцевого анализа, в послеледниковое время в наших местах было несколько периодов с разными чертами климата; похолодания сменялись потеплениями, влажные периоды — сухими. Им соответствовали волны наступления и отступления то более холодостойких видов растений (арктических, таежных, горных), то более тепло-

* Слово «флора» имеет любопытную особенность: Флора (с прописной буквы) — имя богини цветов, юности и весеннего цветения в древнеримской мифологии; для ботаников же флора (со строчной буквы) — это набор видов растений, обитающих в данной местности, их «списочный состав».

любивых (растений лиственных лесов, лесостепных и даже степных), и каждая такая волна оставляла следы во флоре.

Примерно около тысячи лет назад, с началом расселения на северо-запад славянских племен и развитием их связей с более южными и юго-восточными районами Европы, во флору понемногу стали проникать отдельные виды из Средиземноморья, Передней Азии, а позже — и Средней Азии и даже Северной Америки. Но в допетербургские времена они составляли лишь ничтожную примесь.

В целом же флора этого района именуется ботаниками «бореальной» (от старинного названия севера — «борей») и имеет много общего с флорой обширной области распространения хвойных лесов в северном полушарии [90].

Среди лесов на Приневской низине преобладали хвойные, чаще всего ельники (из ели европейской) с напочвенным покровом из обычных спутников ели — зеленых мхов, черники, кислицы, майника, седмичника и т. д. На более возвышенных и песчаных местах селились сосняки или елово-сосновые леса. Вероятно, читателю покажется несколько неожиданным утверждение о том, что Санкт-Петербург был заложен среди таежных лесов, ибо слово «тайга» мы обычно относим к Сибири. Однако, с точки зрения ботаников и географов, приневские допетербургские леса с полным правом могут быть названы тайгой, поскольку этот район по характеру растительности относится к таежной зоне, а точнее — к ее южной подзоне [46]. От других таежных подзон ее отличает то, что в лесах кроме хвойных в небольших количествах растут и широколиственные породы (клен, липа, ясень), а в подлеске и

в напочвенном покрове — виды растений, свойственные более южным широколиственным лесам (дубравам).

Об обилии и отчасти составе лесов говорят названия деревень, встречающиеся в известном историческом документе — «Переписной окладной книге» 1500 года, в которой перечислены селения приневского края — Водской (Вотской) Пятины, принадлежавшей Великому Новгороду. Так, в Дудоровском погосте, куда входили, в частности, Стрельна и берега речки Лиги, были деревни Залесье, Подъелье, Подосинье, Черемха (последних несколько), в Келтушском погосте — Еловци, Заборье, На Бору, а в Ижерском погосте (у речки Ижеры) — Осинево и даже деревня Конец Бору. По берегам Невы часто встречались названия Березово, Березовец [111]. Последнее, кстати, говорит о давнем влиянии человека на исконные местные леса, ибо, как хорошо известно ботаникам, вырубленные еловые леса обычно сменяются березовыми и лишь столетия спустя на их месте могут восстановиться коренные ельники.

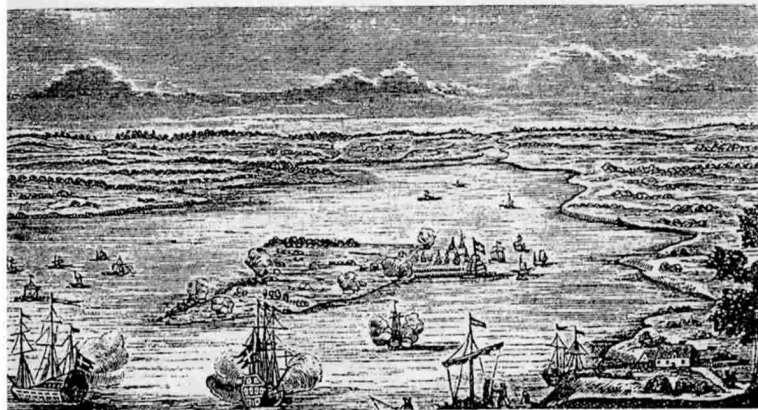
Самая ценная из широколиственных пород — дуб — задолго до основания Петербурга уже была здесь большой редкостью*. В этом районе, близко к северной границе

* Сведения о природе местности содержатся в первых описаниях Петербурга, сделанных иностранцами на немецком языке в 1713 г. (по впечатлениям 1710—1711 гг.), в 1718 г. (по впечатлениям 1716—1717 гг.), в 1721 г. и впоследствии переведенных на русский язык [100; 101; 27]. В том, что касается природных условий, два последних описания в большей мере повторяют первое, поэтому именно оно использовано нами в качестве основного источника, и лишь отдельные детали взяты из двух других.

естественного ареала (области распространения) дуба, которая проходит по Карельскому перешейку, его и вообще было немного. К тому же дубы наверняка в первую очередь истреблялись для хозяйственных надобностей, как это было в более южных областях Европейской равнины еще со времен трипольской культуры. Тем не менее в 1500 году по невским берегам стояли деревни с названиями Дуброво и Дубок на Неве (впрочем, последнее скорее говорит о дубе как редкой примете, привлекающей внимание). Ко времени основания города в окрестных лесах, по-видимому, встречались лишь отдельные деревья дуба. Так, в первом описании Петербурга 1710—1711 годов упоминается о том, что на взморье острова Ретусари (Котлин) росли два огромных старых дуба, которые Петр I велел содержать «в особом почете» и обнести оградой. В их тени была устроена беседка с видом на море, в которой царь «сживал с корабельщиками». О толщине дубов можно судить по тому, что в одном из них был вырублен «небольшой створчатый поставец для стаканов и тому подобного» [100]. Но уже в описаниях Петербурга 1716—1717 и 1721 годов никаких сведений об этих дубах нет [101; 27]. А в перечислении древесных пород, относящемся к 1751 году, дуб назван в числе тех, которых «помалу» [20].

Столь же редко встречалась в допетербургских лесах и другая ценная широколиственная порода — бук. В старой литературе она упоминается очень редко. (Кстати, автору этих строк довелось в 1950-х годах на экскурсии со студентами встретить отдельные — возможно, последние — деревья бука на Дудергофских высотах.)

Стоит отметить, что лесавокруг новорожденной столицы по внешнему облику были, конечно же, очень мало похожи на те пригородные «парковые» леса, которые мы привыкли видеть вокруг больших городов. Это были настоящие таежные дебри, дремучие и густые. Один из путешественников того времени, Бернарден де Сен-Пьер, писал о первом впечатлении при входе корабля в устье Невы — о мрачных хвойных лесах, которыми поросли ее берега [158]. О густоте и нетронутости приневских лесов свидетельствует изобилие населявших их зверей. Во мно-

*Боденер. Первоначальный вид Петербурга. Гравюра.
Начало XVIII в.*

Такой представляли себе за рубежом природу вокруг рождающегося Петербурга — сплошные болота и редкие перелески. Гравюра явно создана не с натуры, а на основе рассказов и воображения — об этом свидетельствуют неверные очертания берегов и Заячьего острова.

жестве водились медведи, лисицы, рыси; особенно много было волков. В первые годы строительства Петербурга ходили рассказы о том, как волки, забежавшие из окрестных густых лесов, зимой нападали на людей и лошадей, запряженных в сани, утаскивали собак, разрывали солдат перед Литейным двором и даже однажды среди бела дня съели женщину перед дворцом князя Меншикова. Вдоль одной из новопроложенных улиц (ныне Большой пр. Петроградской стороны) в начале XVIII века тянулась изгородь — «не от шведов, а от волков, которые в изобилии водились в окрестных лесах и пользовались всяким удобным случаем напасть и на скот, и на самого обывателя, если он выходил неосторожно» [147; 169].

Леса чередовались с болотами, поскольку, как уже говорилось, рельеф местности изобиловал понижениями с водонепроницаемым грунтом и очень слабым стоком. Здесь застаивалась вода, почвы были насыщены влагой, то есть создавались все условия для образования болот. И в самом деле, в таких местах стали поселяться болотные растения, постепенно накапливался торф (ученые считают, что торфообразование началось около десяти тысяч лет назад). Иными словами — обширные низменные территории стали покрываться болотами. Географы, создавшие карту «восстановленного» растительного покрова Приневской низменности, считают, что первоначально болотами было покрыто не менее половины ее территории (и сейчас, на уже значительно окультуренной территории Ленинградской области болота занимают около 12%). Это были главным образом так называемые верховые болота с хоро-

шо развитым слоем торфа и неровной поверхностью, на которой чередовались небольшие узкие гряды и топкие, опасные для путника мочажины. На грядах росли чахлые низкорослые сосенки и болотные кустарнички — багульник, голубика, клюква, вороника и другие, а мочажины были затянuty сверху слоем болотных мхов — сфагнума, кукушкина льна. Сейчас, чтобы получить представление о таких болотах, нужно ехать довольно далеко — на Рощинское болото (на Карельском перешейке) или на Порзоловское болото (в Ломоносовском районе).

На островах дельты, по-видимому, преобладали низинные болота, которые обычно образуются в пониженных местах с близкими грунтовыми водами или с притоком «намывных» вод. На таких болотах много трав и мхов, более требовательных к почвенному питанию. Есть и лесные низинные болота — с ольхой и березой. В те времена, когда закладывался Петербург, болота были повсюду. Вот что мы читаем в уже упомянутом описании территории: «Не только местность самого города, но и окрестности его были низки и болотисты»; «куда ни посмотришь, везде кустарники и тундры» [100]. Последнее слово вначале ставит нас в тупик: что за тундры на берегах Невы? Но оказывается, финским словом «тундра» в те времена часто обозначали заболоченные низменности*. Следует еще доба-

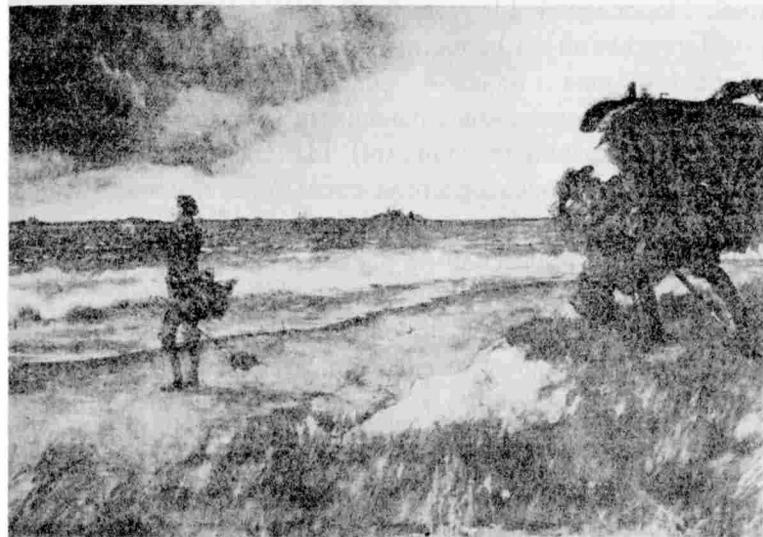
* В этом значении оно встречается и позднее, например у В. Г. Короленко в описании берегов Финского залива [69]; хотя уже в 1866 г. В. И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» дал близкое к современному определение гундры как физико-географической зоны.

вить, что и среди лесов было немало заболоченных, в таких случаях вместо ели преобладала более выносливая к заболачиванию сосна, а почва была покрыта ковром болотных мхов. На месте вырубок в болотистых хвойных лесах вырастали заболоченные березняки с примесью ольхи, сосны и осины.

Вообще же болота — не только одна из главных составляющих допетербургских ландшафтов, но и особая тема в истории нашего города, особая краска в его образе. И потому они заслуживают отдельного очерка, который читатель найдет далее в этой книге.

Мы недаром упомянули о вырубках. Ведь Петербург был заложен отнюдь не среди совсем нетронутой природы. Как уже говорилось выше, на берегах Невы и ее островах издавна селились люди. Так, в 1500 году, по данным «Переписной окладной книги», на Васильевском острове было пятнадцать крестьянских дворов. В составе Городненского погоста упоминаются деревни, находившиеся «на Неве у Моря», «на Мойке», «на усть Мьи», «на усть Охты», «на Фомине Острову» (нынешняя Петроградская сторона) [111]. А на шведской карте 1676 года вдоль Невы показано около сорока малых поселений. Это были скорее отдельные мызы, чем деревни; они ютились по берегам реки, опушкам лесов и более возвышенным местам, были редки и малолюдны. Тем не менее их жителям требовались земли для сельского хозяйства, древесина для построек и топлива. На ранних шведских картах видны небольшие клочки пашен и покосов на месте вырубленных лесов, а позже также и до-

вольно обширная вырубка вокруг крепости Ниеншанц. Впрочем, все эти окультуренные или вообще затронутые влиянием человека земли составляли лишь совсем небольшую часть среди ландшафтов Приневской низины и мало влияли на общий облик этого края хвойных лесов и болот. Правда, иногда следы деятельности человека сохранялись довольно долго: так, еще в 1717 году на левобережье Мойки (в районе нынешнего Вознесенского пр.)

А. Н. Бенца. «На берегу пустынных волн...».

Акварель. 1930-е гг.

Такой, по мнению художника, увидел Петр I местность, где ему предстояло построить город.

оставались борозды — следы бывших возделанных полей [101].

Несколько особый характер носила растительность островов Невской дельты. Представление о ней дают некоторые названия, сохранившиеся на старинных шведских картах, например на карте 1703 года: Halawi — от слов «ивовое дерево» (впоследствии остров Голодай), Wittsari — от слов «хворост», «ветви», что разными авторами затем переводилось по-разному — остров Кустарный, Порослевой, Прутовый, Кустарниковый (ныне остров Гутуевский). Очевидно, здесь были кустарниковые заросли из ивы и ольхи — обычная растительность речных пойм, повреждаемых паводками (а в дельте Невы — еще и нередкими наводнениями). На низменных, часто затопляемых островах не могла поселиться и прочно удержаться лесная таежная растительность. Лишь более возвышенные острова (или их части) были покрыты лесом, например удаленные от Невы части Васильевского острова и Елевый (по другим источникам — Березовый, Вороний) остров — ныне Аптекарский. Вероятно, кустарниковые заросли (возможно, заболоченные) тянулись и вдоль берегов Невы и ее протоков. На планах Санкт-Петербурга 1705 и 1716 годов хорошо видно, что леса не вплотную подходили к реке, отступая на 200—300 сажен (примерно на 400—600 метров).

Таким образом, когда Петр I стоял «на берегу пустынных волн», обозревая местность для закладки города, он, скорее всего, видел не общую картину, нарисованную Пушкиным, а чахлые заросли тростника и пойменных

кустарников, прежде всего ивы и ольхи, и лишь на дальнем плане — темную стену лесов. Поэт же показал панораму с высоты птичьего полета.

Первые годы XVIII столетия были последними годами сравнительно безмятежного существования природы Приневской низменности. В этой местности, столь мало пригодной по природным условиям для жизни людей (иначе, при ее выгодном положении, здесь давно был бы город!), «волей роковой» начиналось строительство будущей новой российской столицы.

Глава 2

О судьбе дикой растительности в городе

Начало строительства Петербурга произвело капитальную встряску в природном растительном покрове облюбованной Петром I территории. На участках, расчищаемых для застройки и прокладки дорог, растительность уничтожалась; но возникали при строительстве города и новые места для поселения растений, новые местообитания (с экологическими условиями, не похожими на прежние), где появлялись уже совсем иные виды. Флора и растительность осваиваемой местности стремительно менялись. (Пройдет два с половиной века, и в суровой для существования растений среде большого города сложится новый, своеобразный зеленый мир — составная часть городской экологической системы, — жизнь которого будет зависеть не столько от природных факторов, сколько от деятельности человека [38]).

О формировании городской флоры речь будет впереди, в отдельной главе; здесь же попытаемся проследить

судьбу остатков первоначального растительного покрова в строящемся городе. Хотя новую столицу и старались возводить по регулярному плану, среди застройки в разных местах города долго сохранялись нетронутые участки земли, занятые естественной растительностью, однако постепенно их становилось все меньше. Так было в течение всего XVIII века, поэтому и настоящий очерк ограничен рамками первого столетия существования столицы. В последующие времена и эти реликтовые клочки первоначальной растительности быстро исчезли под натиском застройки и освоения земель под сельскохозяйственные угодья.

Как принято в науке о растительном покрове — геоботанике, наш обзор мы проведем по основным типам растительности (леса, луга и др.) (Отметим попутно различие точек зрения историков архитектуры и историков городской природы: первых интересует, что и где было построено в городе, тогда как вторых — все, что было не застроено).

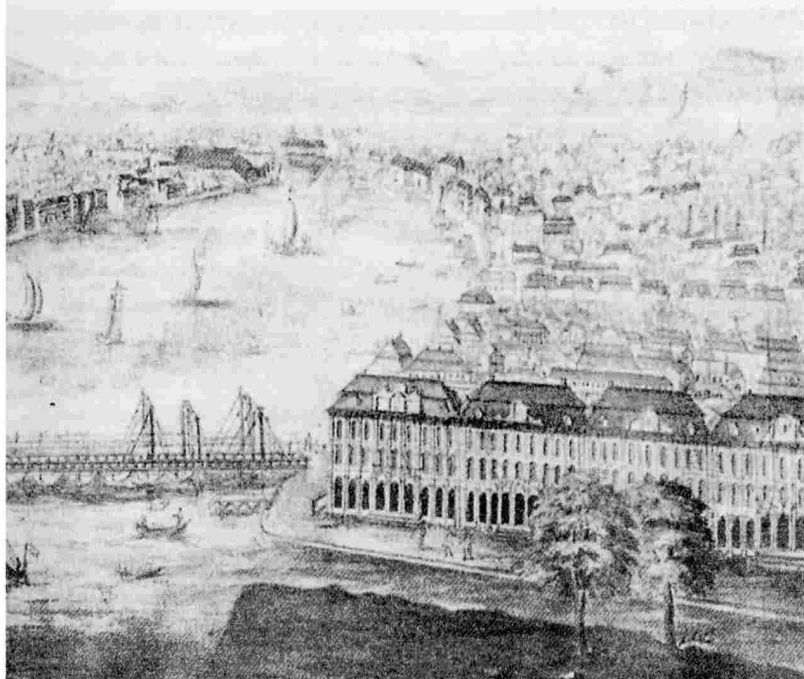
Леса при закладке и начале строительства Петербурга подверглись истреблению в первую очередь. Нужно было освободить места для возведения построек, проложить просеки для дорог. Много леса требовалось для строительства домов, мостов, набережных, для столярных работ. Однако на заболоченных почвах невских берегов трудно было найти хороший строевой лес. Для особо значимых строений его привозили из ближних и дальних окрестностей. Так, при строительстве Адмиралтейства указом Петра от 1704 года была заведена специальная контора на реке Тосне, ведавшая рубкой леса «на хоромы». А когда в 1724 году заду-

мано было строить новую биржу на Троицкой площади, нехватка строевого леса вынудила Коммерц-коллегию обратиться к тем жителям, у кого могли быть запасы леса. В наиболее людных местах Санкт-Петербургской и Московской сторон были выставлены «публикации» (объявле-

О. Эллигер. Вид церкви Исаакия, наплавного моста и здания Двенадцати коллегий с башни Кунсткамеры. Рисунок. Начало 1730-х гг.

ния) с призывом: «...ежели... похочет кто какие поставить материалы... и те бы люди для подряду явились в Коммерц-коллегию немедленно». Явились очень немногие, запросив высокие цены, и Коммерц-коллегии пришлось на то согласиться [95]. И тем более непригодны были деревья из при-

невских лесов для строительства кораблей. Корабельный лес везли издалека — из Новгородского уезда, а позднее — главным образом из-под Казани [17].

Лес был нужен также для забивки свай при строительстве зданий на болотистых грунтах. Так, при постройке Адмиралтейского дома в 1704 году было забито 2436 свай. [169]. Исаакиевский собор стоит на просмоленных сваях длиной 6,5—7 метров и числом более десяти тысяч. Требовался лес и для устройства гатей в переходах через болота, и для мощения подъездных дорог бревнами. Немало древесины шло на топливо; впрочем, поскольку петербургский лес в первую очередь был нужен для других целей, дрова приходилось привозить «с берегов Карельских Финского залива» и других «отдаленнейших стран», что приводило к «ежегодному повышению цены дров» [33].

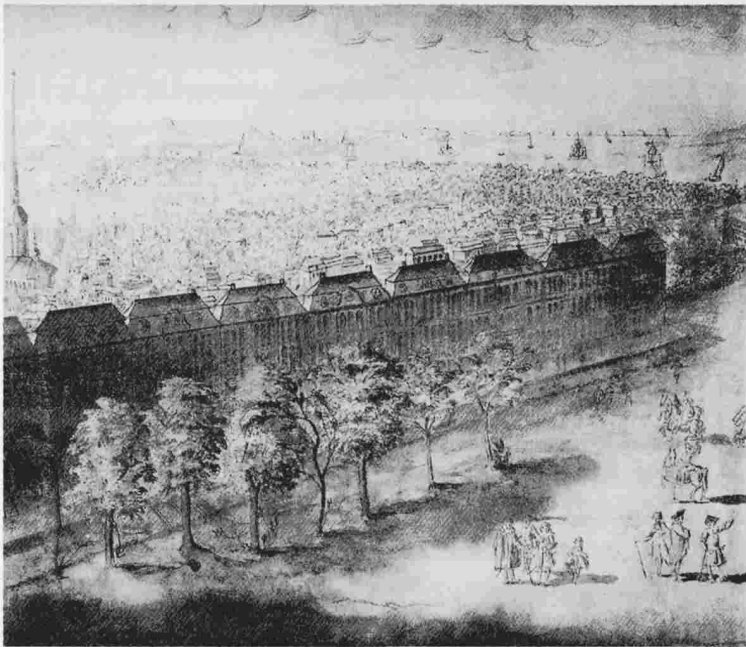
Так или иначе, в первые десятилетия существования города леса на его территории и в ближайших окрестностях были в значительной мере сведены. Но в некоторых местах леса уцелели — возможно, как раз из-за плохого качества древесины (или, как говорят лесоводы, из-за низкого бонитета) деревьев в заболоченных местах. Эти зеленые массивы составляли существенную часть ранних петербургских ландшафтов. На двух рисунках О. Эллигера (начало XVIII века) почти сплошные леса (изображенные, впрочем, весьма условно) покрывают Адмиралтейский остров, вплотную подступая к церкви Исаакия и застроенной набережной, и Васильевский остров, к западу от недавно построенного Д. Трезини здания Двена-

дцати коллегий. Много лесов сохранялось на Петербургской стороне. В густом лесу, судя по гравюре А. Ф. Зубова, была расположена одна из первых царских резиденций — Екатерингофский дворец.

Лесом были окаймлены первые «перспективы» — новопроложенные дороги, будущие проспекты. (Кстати, слово «перспектива», произведенное через нем. *Perspektive* от лат. «*perspicere*» — «видеть насквозь», «проникать взором», — удивительно точно передавало суть, означая прямую дорогу, проложенную именно в лесу: видно вдаль, насквозь, а по сторонам обзора нет.) Прямо среди леса были проложены три «перспективы» Васильевского острова — Большая, Средняя и Малая. Что касается Большой перспективной дороги (будущего Невского проспекта), то по ее сторонам лесов было меньше, ибо проходила она не только по лесистым, но и по болотистым территориям.

В центре города застройка была довольно плотной: к официальным зданиям и дворцам примыкали слободы, например Большая и Малая Морские, Пушкарская, Прядильная, Офицерская и другие. Понятно, что от первоначальных лесов здесь практически ничего не оставалось. Однако и в застроенных районах сохранялись отдельные лесистые участки, о чем заботился сам основатель города. Так, по велению Петра I в первые годы строительства Петербурга была оставлена небольшая еловая роща на берегу Невы, примерно в районе нынешней площади перед Троицким мостом. В ней была устроена галерея, в которой Петр I неоднократно обедал и «веселился», о чем сохрани-

лись записи в камер-фурьерском журнале. Так, 12 октября 1724 года здесь праздновали рождение великого князя Петра Алексеевича. Другая еловая роща сохранялась по берегу Мойки, против Партикулярной верфи [175]. Еще один ельник был оставлен на островке при устройстве Новой Голландии. Петр I объявил его заповедным (это

*О. Элигер. Вид на площадь перед зданием Двенадцати коллегий.
Рисунок. 1730-е гг. (Фрагмент)*

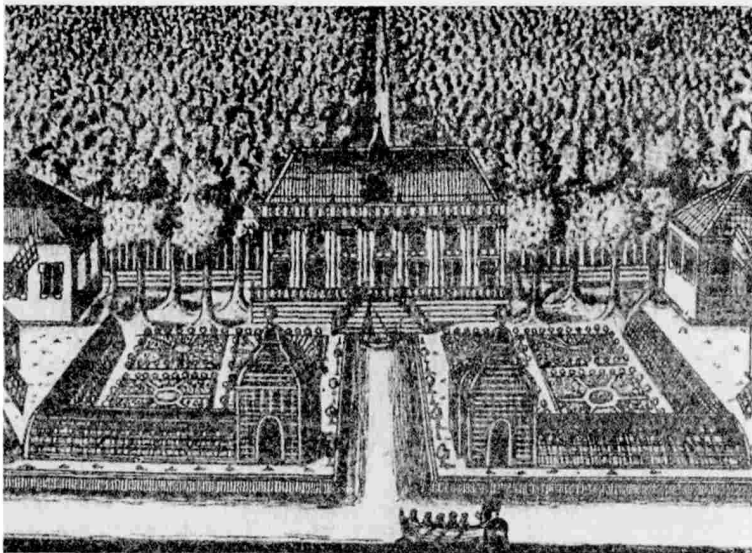
был едва ли не первый в истории охраны природы городской заповедник) [114].

Из числа других петербургских лесов XVIII века в историю города вошли «великая роща березовая», которая была на Адмиралтейской стороне до постройки Гостиного двора, и «ольховый большой лес» там, где позднее находились Конюшенный двор и Казанская церковь. Есть упоминание и о роще «где-то на Мойке» [20; 33].

Лесные участки входили в состав территорий, окружавших городские усадьбы — основной тип застройки в раннем Петербурге. Обилие таких частных лесов в столице отмечено в одном из описаний города: «Не только что вокруг жилья множество лесов натуральных, но и на всех господских дворах во огородах (т. е. в пределах оград. — Т. Г.) имеются не малые рощи». И конечно же, леса сохранялись в загородных усадьбах, где, по словам современника, «у всех без изъятия великие и прекрасные суть рощи». Еще в середине XVIII века леса эти были весьма густы, так что кое-где давали приют «лихим людям». Владельцы поместий по Фонтанке и по Нарвской дороге даже вынуждены были по велению полиции вырубать часть лесов, «дабы впредь невозможно было разбойникам внезапно чинить нападения» [20].

Сохранялись леса и на островах Невской дельты. В XVIII веке значительную часть Васильевского острова покрывал лес, который, впрочем, уже мало был похож на первоначальные леса, ибо, по-видимому, подвергался рубкам еще до основания города. В уже цитированном «Описании Санктпетербурга...» упоминаются преобладавшие на

острове заросли ольхи — олешиник, «между которым пасутся коровы, лошади и мелкий скот, а иногда попадают также и олени» [100]. Лесистыми были и некоторые другие острова — Петровский, Крестовский, Аптекарский. В иные годы леса на островах использовались для царской охоты. В 1727 году жителям в них была запрещена охота на зайцев, а 18 сентября 1732 года императрица Анна Иоанновна — большая любительница охоты —

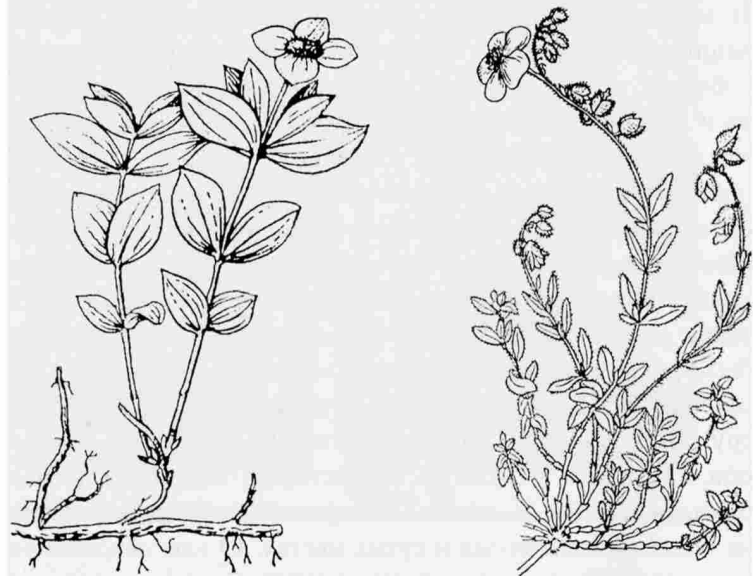

А. Ф. Зубов. Усадьба Екатерингоф, заложенная в память победы над шведами в морском сражении в мае 1706 г. Гравюра. 1717
Одна из первых царских резиденций была окружена густым лесом.

издала специальный указ: «...на Васильевском и Аптекарском, и на прочих островах — зайцов никому без указа не стрелять, не травить и никакими инструментами не ловить, под опасением жестокого штрафа» [140].

По характеру растительности леса на территории Петербурга, вероятно, мало отличались от лесов, окружавших город; об этом можно судить по описаниям современников, и в особенности ученых-естествоиспытателей. В петербургских лесах преобладали ель, сосна, береза, а в сырых и топких местах — ольха черная, осина, различные ивы. В подлеске обычны были калина, рябина, крушина ломкая, лещина (орешник; по свидетельству очевидцев, крестьяне собирали орехи мешками). Изредка встречались смородина и крыжовник (возможно, одичавшие). Примечательно, что совсем нет упоминаний о малине, которая, как правило, растет на вырубках; и это понятно: вырубки сразу же застраивались, а брошенные — заболачивались. Леса были обильны черникой (финское население даже делало из нее вино), брусникой, земляникой. В заболоченных лесах росли также морошка, голубика. Обычны в напочвенном покрове были растения сырых и темных еловых и смешанных лесов: зеленые мхи, а из цветковых растений — кислица, майник, грушанка, вороний глаз и другие. В некоторых местах обильны были редкие ныне растения, например лесная орхидея тайник. Часты были заросли ландыша, особенно на более возвышенных и сухих местах. О нем непременно упоминали ботаники в описаниях флоры, а один из них в 1736 году даже посвятил петербургскому ландышу специальный труд на латинском языке [94].

Позволим себе здесь небольшое отступление. Мы как-то не всегда верим предостережениям ученых об угрозе исчезновения редких растений, если не соблюдать запретов собирать их и не принимать специальных мер по их охране. Но вот историческое свидетельство: исчез же из окрестных лесов ландыш, который два века назад был обилен во всех лесах города (за исключением низких и болотистых участков Васильевского острова); исчезли не менее обычные ранее дёрен шведский, полукустарник

Виды растений, исчезнувшие из флоры Петербурга и его окрестностей: дёрен шведский (слева) и солнцезвет монетчатый

солнцецвет монетчатый (местные жители называли его диким розмарином), четыре вида диких орхидных, папоротник узовник, колокольчики широколистный и персиколистный, волчье лыко и еще несколько видов. Если сейчас не принять охранных мер, не будут ли ботаники через двести лет удивляться тому, что в окрестностях Петербурга росли черемуха, купальница, белая ветреница?

Была в Петербурге XVIII века и сосновая роща. Она располагалась на одной из южных окраин города — за Лиговским каналом, на высоком месте и песчаных почвах. Любопытно, что узнаем мы о ней из книги историка Петербурга М. И. Пыляева: он упоминает о том, что в 1744 году в этой роще были размещены четырнадцать слонов, подаренных императрице Елизавете Петровне персидским шахом [147].

Существование городских лесов в Петербурге оказалось недолговечным. Судьба их была predetermined самим их положением. Правда, в первые годы строительства города Петр I старался проводить

Волчье лыко — растение, исчезнувшее из флоры Петербурга

жесткую общегосударственную лесоохранную политику. Вот строки из его указа от 19 ноября 1703 года: «...во всех городах и уездах, от больших рек в сторону по 50, а от малых по 20 верст... дуба, клена, илема, вяза, карагача, лиственницы, сосны, которые в отрубе 12 вершков* и больше, рубить никому не велеть». Нарушителей ждал большой штраф, а за «дуб, буде кто хотя одно дерево срубит, также и за многую заповедных лесов посечку, учинена будет смертная казнь» [120]. В указе от 19 января 1705 года подтверждались запреты на рубку заповедных лесов и «также самого большого заповедного дерева, которо годное на корабельные строения». Подтверждались и наказания: «смертная казнь без всякие пощады, кто б ни был», «а за дубовый валежник сосланы будут на каторгу» [121].

Особое пристрастие Петра I к дубу объяснялось тем, что это была основная древесная порода, из которой в те времена строились корпуса кораблей. Один из кораблей молодого российского флота, спущенный на воду в 1718 году, недаром назывался «Старый Дуб».

Объявляя заповедными участки дубовых лесов в верховьях крупных рек, впадающих в Черное и Азовское моря, царь явно заботился о будущем российского кораблестроения (кто же знал, что в следующих веках корабли будут строить совсем из других материалов, а дуб пойдет разве что на отделку роскошных кают?).

Любопытно, что в XX веке один из таких заповедных лесов оказался связанным с Петербургом: с 1930-х годов

* 53 см (один вершок равен 4,45 см).

и до настоящего времени студенты-биологи и почвоведы Санкт-Петербургского государственного университета проходят летнюю практику в дубраве заповедника «Лес на Ворскле» (Белгородская область; Ворскла — приток Днепра), справедливо полагая, что этим они обязаны царю Петру...

Отметим попутно, что в «околопетровском» фольклоре, собранном разными авторами [92; 119; 163], Петр I предстает как рачительный хозяин, сажающий дубы на пользу грядущих поколений. Вот одна из таких историй.

«Петр Великий, сажая сам дубовые желуди близ Петербурга по Петергофской дороге, желал, чтобы везде разводим был дуб. И приметив, что один из стоящих тут знатных особ трудами его улыбнулся, оборотясь к нему, гневно промолвил: „Понимаю, ты мнишь, не доживу я матерых дубов. Правда, но ты дурак. Я оставляю пример прочим, чтобы, делая то же, потомки со временем строили из них корабли. Не для себя тружусь, польза государству впредь!“»

Но пора вернуться к лесоохранной деятельности основателя города. Для сохранения собственно петербургских лесов Петр I издал в 1706 году специальный указ «О заповедных при Санктпетербурге рощах и лесах, которые были под ведением Князь Юрья Хилкова, дабы оные никто рубить не дерзал под опасением смертныя казни» [108] (основные его положения были повторены в указе от 9 февраля 1720 года [133]). Другие указы распространяли запреты на ближайшие и отдаленные окрестности: «...от С.-Петербурга до реки Славянки, по обе стороны

Невы реки», в границах «уступя от берегов по тысяче сажень» [126]; «между Петергофом и Лиговом на приморских местах» [132]; на «всю Ингерманландию» [123], провинции Санктпетербургскую, Новгородскую и Луцкую. В последнем случае посланному для охраны комиссару Кафтыреву было велено на границе охранной зоны поставить для острастки на каждой пятой версте по виселице. «А ежели ты и оные Дворяне за леностию чего не усмотрите или доносить не станете и за тем лесом учинено будет какое похищение; и за то вам и оным учинено будет то же, что и противникам за рубления лесов» [134].

Похоже, что все эти царские «охранные грамоты» не очень-то защищали леса, в том числе и петербургские, от натиска со стороны жителей, иначе не пришлось бы Петру I неоднократно издавать повторные запретительные указы (в 1715 году — дважды [122, 123], в 1719-м — трижды [126, 128, 129]; а в 1718-м, кроме того, был издан отдельный указ о сохранении дубовых лесов [125]).

В 1720 году последовал уже упоминавшийся указ «О наказании за рубку лесов заповедных», выдержанный в весьма гневных тонах. Из него мы узнаем, что в порубках было повинно «не только простонародье, но и офицеры», что многие преступники были «биты кнутом, и запятив (заклеймив. — Т. Г.), сосланы вечно», другие «гоняты шпицрутень, морскими кошками и линьками». В число наказанных попал и воевода санктпетербургский Иван Феофилактов, который порубщиков «без наказания освобождал» и за то не только «бит кнутом же и сослан на десять лет», но и поплатился всеми поместьями и вотчинами,

которые были «отписаны на Его Царское Величество». Но казнен никто не был, ибо преступники «Его Царского Величества Всемилостивейшего Государя милосердием от смертной казни освобождены» [133].

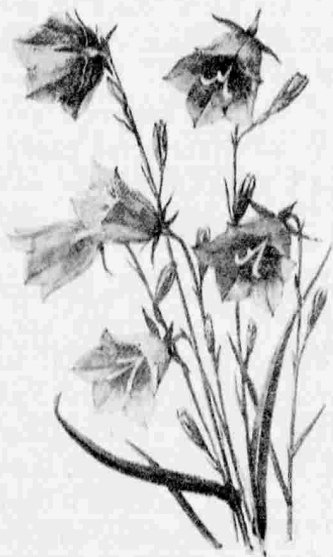
По-видимому, и в других случаях казнь за порубку деревьев, столь часто упоминаемая в указах, на практике не применялась. Известна история, рассказанная А. И. Богдановым [20] и не раз повторенная другими историками Петербурга. Когда березовую рощу на Адмиралтейской стороне стали рубить на дрова, Петр I велел «оных рубящих переловить» и, кроме того, устроить обыск во всех обывательских домах, где, по словам историка, «таких виновных людей всякого чина не одно сто нашлось». Царь повелел «из оных по жеребью десятого человека вешать, а прочих жестоко наказать». И лишь заступничество царицы Екатерины смягчило гнев Петра I: порубщики были наказаны «шпицрутеном морским» — публично, на Большой першпективной дороге.

Не лишним будет также отметить известную гибкость в запретительной политике Петра I: в тех случаях, когда вскорости становились ясными отрицательные последствия запретов, царь проявлял некоторую уступчивость. Указ от 19 января 1705 года разрешал рубить «заповедные» древесные породы для изделий, требовавших особо прочной древесины, — «на сани, телеги, оси, полозья и обручи», «на мельничные потребности» [121]. Поскольку запреты на рубки привели к немедленному росту цен на дрова, разрешалось рубить лес на топливо за пределами тысячесаженной полосы вдоль рек, «чьи б дачи ни были», и не

только владельцам дач, но и всем желающим [130]. При этом Петр явно становится на сторону рубщиков и велит им въезжать в леса компаниями не менее двадцати человек, «дабы за малолюдством в рубке тех лесов и дров от помещиков, чьи те дачи, и от других чинов людей не произошло б по прежнему в рублении тех лесов и дров какова прещения и остановки», включая «обиды и грабежи». (Можно представить себе, какие страсти кипели вокруг

такого способа обеспечения столицы топливом!) «А по привозе им в Санктпетербург дрова и лес продавать настоящими ценами, под опасением жестокого истязания...» [131].

Свою лепту в охрану российских, и в частности петербургских, лесов внесли и правители послепетровских времен. Указ Петра II в 1727 году [135] и три подробных указа Анны Иоанновны в 1732-м [136; 137; 138] пересказывают и подтверждают соответствующие указы Петра I, но уже не со столь устрашающими подробностями наказания нарушителей. Кон-

Колокольчик персиколистный — растение, исчезнувшее из флоры Петербурга

кретные меры повелела принять в 1755 году Елизавета Петровна: «...мостов на грязях и на болотах для збережения лесов не делать, и лесов не заготовливать», а делать «из мелкого леса», «из камышу» гати шириною в 4 сажени...» [141].

Но шло время, и молодой столице требовались всё новые территории. Ни грозные царские указы, ни обещанные виселицы и вполне реальные шпицрутены не могли спасти петербургские леса, обреченные рано или поздно уступить место застройке и транспортным магистралям. Так, хотя заповедный статус еловой рощи в Новой Голландии и был подтвержден Екатериной I, после смерти царицы о нем скоро забыли. В 1732 году указом Анны Иоанновны было разрешено хранение на острове дубовой древесины и велено «лес, где для строения сараев будет потребно, очистить» [139]. И роща была вырублена; на плане города 1738 года на ее месте видны склады и здания для служащих. А на месте еловой рощи на берегу Невы появились дома Н. И. Салтыкова и И. И. Бецкого. Там, где была уже упоминавшаяся «великая роща березовая», вырос Гостиный двор; леса за Фонтанкой были постепенно вытеснены зданиями. Просматривая карты Петербурга XVIII—XIX веков, можно воочию видеть, как постепенно исчезали леса на территории города.

Последние остатки городских лесов (таких, какими были, по мнению ученых, допетербургские леса) на не заселенной еще тогда части Крестовского острова описаны в 1923 году ботаником М. М. Ильиным. Это был густой еловый лес с примесью других древесных пород — бере-

зы, ольхи черной и серой, сподлеском из рябины, крушины ломкой, калины, черной смородины, с типичными для таких еловых лесов травами и кустарничками в напочвенном покрове [56].

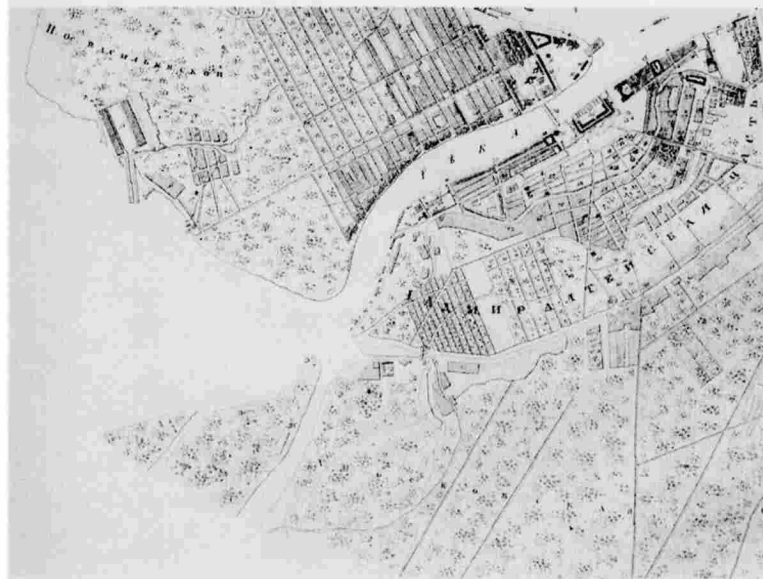
Ныне лесная растительность далеко отступила от города, приняв большей частью облик лесопарков или лесных участков в составе пригородных парков либо сильно нарушенных рекреационных (используемых горожанами для отдыха) лесов в окрестностях.

В Петербурге XVIII века были и обширные участки, занятые травяной растительностью. Сейчас трудно сказать, какие из них были лугами (в современном ботаническом смысле*), а какие — пустырями, заросшими бурьянными травами. Очевидно, были и те и другие, а также и территории с неопределенной смесью луговых и сорных трав. (Будем здесь для упрощения говорить о них всех как о лугах.) Они существовали даже в центральных частях города, рядом с дворцами и каменными домами.

Тем, кто интересуется историей Петербурга, наверняка известны три городских луга XVIII века — Царицын, Адмиралтейский, Дворцовый. Первый из них, располагавшийся на месте современного Марсова поля, в петровское время именовался Большим лугом, или Пустым лугом (оба названия встречаются на старинных планах местности [183]) и возник «вырубкою сплошь росших тут первоначаль-

* Вот краткое ботаническое определение луга: это растительное сообщество, состоящее из многолетних трав-мезофитов (т. е. приспособленных к средним условиям увлажнения и почвенного питания).

чальных деревьев» [115]. Очевидно, ранее это был участок заболоченного леса, ибо перед его вырубкой понадобилось осушение, которое и было проведено в 1710-х годах. Для этого прорыли два канала — Красный (ныне не сохранившийся) и Лебяжий. Название «Царицын луг» появилось в 1712 году, когда был построен небольшой дворец («Золотые хоромы») для Екатерины I, — там,

Карта Санкт-Петербурга 1738 г. (Фрагмент)

Леса (обозначены «кудрявой» штриховкой) занимают половину Васильевского острова, западную оконечность Адмиралтейского острова и территорию к югу от Фонтанки.

Карта Санкт-Петербурга 1806 г. (Фрагмент)

На значительной части Васильевского острова леса вырублены,
а в центральной части города под натиском застройки
отступили к югу.

Карта Санкт-Петербурга 1837 г. (Фрагмент)

Лесистыми остались лишь западный берег Васильевского острова и крайние западные острова Невской дельты. Лишились лесов не только центральные районы города, но и южные (Московская сторона).

где теперь павильон Росси. Это название употреблялось в течение всего XVIII и иногда в начале XX века.

Судьба растительности этой территории была переменчива. Возможно, после вырубки и осушения здесь действительно какое-то время господствовали луговые травы (как мы видим и сейчас за городом на аналогичных участках после мелиорации). Однако вряд ли растительность напоминала естественные луга; уже в петровское время на нее должна была сильно влиять, как мы теперь говорим, антропогенная нагрузка (присутствие и деятельность человека). Для луга это прежде всего вытаптывание, которое приводит к замене луговых трав сорными и придорожными. Не могло не сказаться соседство с Летним садом: когда в нем устраивались ассамблеи и празднества, на лугу выстраивались и маневрировали гвардейские Преображенский и Семеновский полки, затем принимавшие участие в пиршестве, а народу раздавали пироги, хлеб, жареное мясо [55; 64]. Здесь же нередко проводились народные гулянья, фейерверки, откуда еще другие названия Большого луга — Потешное поле или Площадь для потешных огней.

В начале 1740-х годов на Царицыном лугу появились древесные посадки — был устроен «Променад с аллеями» и небольшой площадкой в центре. Но работы по его устройству не были закончены, и вскоре «Променад»

← Карта Санкт-Петербурга 1753 г. (Фрагмент)

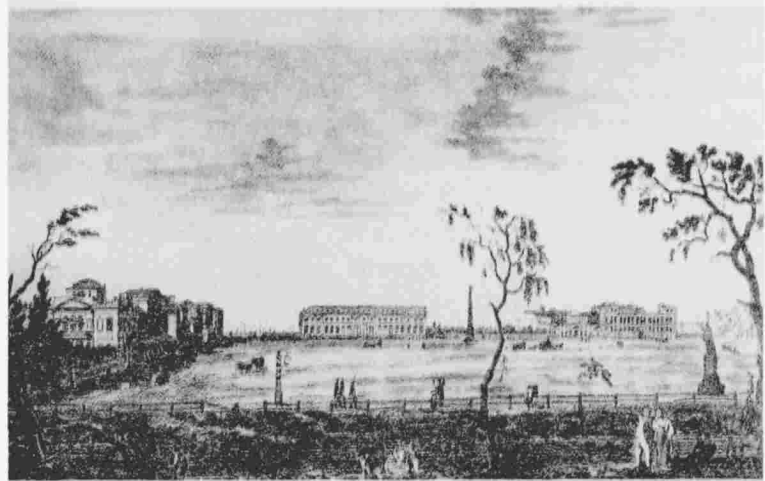
На Царицыном лугу (нынешнем Марсовом поле) в 1740—1750-х гг. существовал регулярный сад — «Променад с аллеями» (указан стрелкой).

снова стал лугом; сохранилось лишь изображение на его месте регулярного сада с аллеями на плане Петербурга 1753 года да беглое упоминание в описании А. И. Богданова: «...оный луг ныне насажден всякими деревьями и учинен садом» [20]. При Екатерине II луг практически перестал быть таковым, ибо был «очищен от травы, усыпан песком и предназначен для парадных гуляний» [146], а при Павле I — расстался с последними остатками естественной растительности и превратился в выровненный плац для военных парадов и смотров. За ним постепенно закрепилось название «Марсово поле» (уже не луг!), окончательно утвержденное в 1818 году. Судя по сохранившимся живописным и графическим изображениям, с начала XIX века и вплоть до революции Марсово поле представляло собой незаросший и незамощенный пустырь, и это понятно: здесь постоянно проводились учения и парады, а с 70-х годов XIX века сюда были перенесены праздничные народные гулянья, которые ранее устраивались у Адмиралтейства. В 1880-х годах и позже здесь проводились «заезды на велосипедах», а в начале 1910-х годов недолго существовал «скетинг» (крытый каток). Пыльная, неблагоустроенная площадь недаром заслужила в петербургской фольклорной топонимике прозвище «Петербургская Сахара».

Таким образом, луговой растительности на Большом, или Царицыном, лугу, по существу, и не было; а название «луг» было дано этому уголку молодой столицы, видимо, просто как открытому месту (не занятому лесом). Кстати, у И. Г. Георги (1794) «Царицын луг у садов» — это

название площади, среди других «знатнейших и прекраснейших площадей Петербурга» [33].

Другой известный в истории Петербурга луг — Адмиралтейский, располагавшийся на месте нынешнего Александровского сада и частично примыкавший к восточной стороне Адмиралтейства. Расчистка этой территории от росших здесь ранее деревьев и кустарников была произведена при постройке Адмиралтейства, которое, согласно требованиям тогдашней фортификационной науки, было

И. А. Иванов. Вид Царицына луга от Верхнего сада. Акварель. 1814

В конце XVIII в. Царицын луг вновь лишился древесной растительности, а на стороне, расположенной близ Невы, его украсил обелиск «Румянцова победам», позже перенесенный на Васильевский остров.

окружено открытым и незастроенным гласисом*. Игнали роль и противопожарные соображения: так, известно предписание А. Д. Меншикова о постройке канатного сарая при Адмиралтействе не ближе 150 сажен от «помещений кузниц, где действовали с огнем». Оставленное между ними незастроенное пространство, продолжавшее Адмиралтейский луг, было отведено под городской выгон (ныне это площадь Декабристов и часть Исаакиевской площади). Гласис у Адмиралтейства постепенно зарос травой и, вероятно, представлял собой нечто среднее между лугом и пустырем. Он был огорожен «для травы», и практичная Елизавета Петровна пыталась даже использовать его для хозяйственных целей, издав указ «об отводе места для пастбища придворных коров на Адмиралтейском лугу». Эта, по выражению П. Н. Столпянского, «коровья идилия» [172] отражена на гравюре М. И. Махаева «Проспект Адмиралтейства и около лежащих строений» (1753). На ней хорошо видны коровы и овцы, мирно пасущиеся там, где теперь начинаются Александровский сад и Адмиралтейский проспект. (Кстати, пасущиеся коровы были вполне обычны и в других местах центра города, как можно видеть на рисунках и гравюрах тех лет).

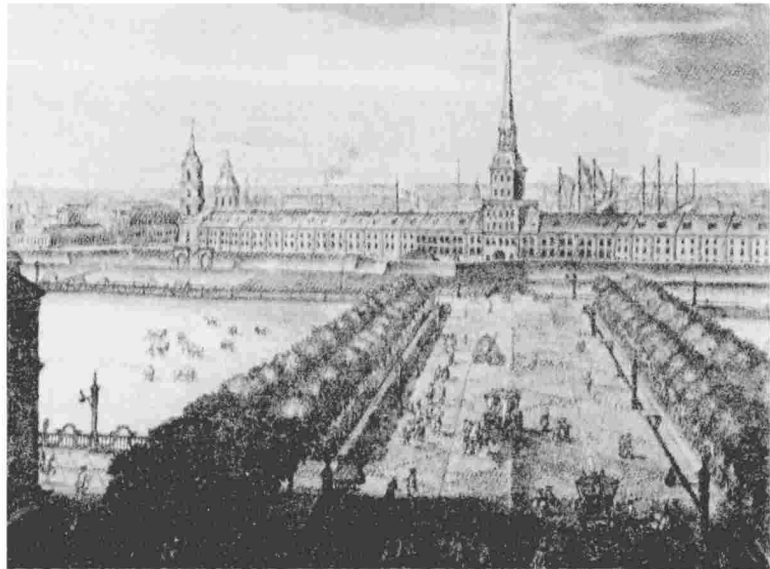
Для придания Адмиралтейскому лугу более пристойного облика несколько раз издавались царские указы — то

* Гласис — пологая земляная насыпь впереди наружного рва крепости или долговременного сооружения, которая устраивалась с целью улучшения обзора и обстрела местности.

о посадке на нем «мелких деревьев или живого плетня из лип» (1739), то о «разравниении» и «засеве одного овсом» (1743). Но денег на эти работы не отпускалось, и к концу царствования Екатерины II бывший гласис был замощен.

От «Зимнего Императорского дому» почти до Мойки простирался третий луг — Дворцовый, первоначально также огороженный «для травы». Однако близость его к царским покоям послужила причиной быстрого его превращения в весьма обитаемое место. До 1733 года на лугу, поодаль от дворца, был Морской рынок, где продавались «всякий харч», дрова и сено. Но особенный натиск эта территория испытала при строительстве нового Зимнего дворца. По свидетельству А. Т. Болотова, посетившего Петербург в 1762 году, на лугу было «премножество хибарок, избышек, шалашей и сарайчиков», где жили мастеровые, строившие дворец, заготавливались и обрабатывались материалы; также лежали «целые горы и бугры щеп, мусора, половинок кирпича, щебня, камня и прочего всякого вздора». Любопытен способ, каким луг был очищен от всего этого «дрязгу» к празднованию переезда императора Петра III в новый дворец: по совету одного из придворных жителей Петербурга было разрешено брать кто что и сколько захочет, и весь «Петербург взбеленился в один миг от того». На другой день луг был полностью очищен [21].

Адмиралтейский и Дворцовый луг были в свое время отражены в топонимике прилегающих территорий. Около 1760 года существовала Большая Луговая линия (позже — Луговая Миллионная) и «Вторая Луговая линия,

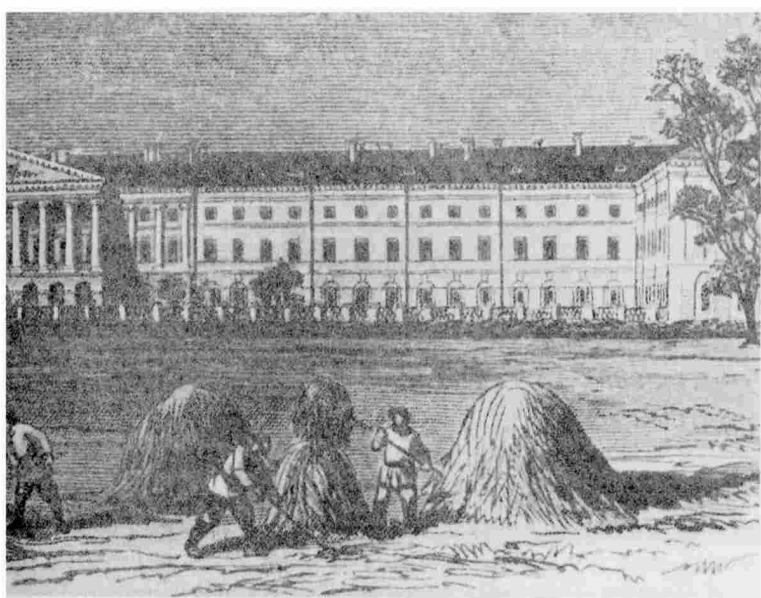
Проспект Адмиралтейства и около лежащих строений.
Гравюра по рисунку М. И. Махаева, 1753

Обширный Адмиралтейский луг служил не только для воинских упражнений, но и для выпаса скота.

Неизвестный художник. Смольный институт. Гравюра. 1864

У самого института располагался обширный сенокосный луг.

что против Адмиралтейства». Были также улицы Малая Луговая (ближе к Исаакиевской церкви) и Морская-Луговая [178]. Эти названия в петербургской топонимике оказались столь же недолговечны, как и сами луга в центре города.

Кроме Адмиралтейского и Дворцового мог бы существовать в те времена и еще один городской луг. «Комиссия о Петербургском строении» была намерена образовать его, сохранив незастроенное место «в углу у Поцелуева моста и Крюкова канала», и наименовать Морским лугом [115]. Но план этот не был осуществлен.

В описаниях Петербурга XVIII века есть упоминания и о других, менее обширных городских лугах, например о луге на Петербургской стороне у Зеленого двора,

А. Тозелли. Панорама Санкт-Петербурга. 1820. (Фрагмент)

Место у здания Двенадцати коллегий на Васильевском острове именовалось в те времена «Луг против коллегий».

о «луге против коллегии» (здания Двенадцати коллегий) [20]. Последний, как видно на акварели М. И. Махаева (1740-е гг.) и на известной панораме А. Тозелли (1820), представлял собой обширный участок, заросший травами и изрядно вытоптаный, ибо на нем — совсем рядом с правительственными учреждениями — пасли скот. Вероятно, там росли не столько луговые травы, сколько сорняки.

Были Луга на Литейной стороне — южнее Обводного канала, на Васильевском острове — «за линиями к речке, где становятся лагеря». Долго существовали Луга «у Пороховых Охтянских заводов» — близ Пороховых, в пойме речки Жерновки (притока реки Охты). (Вплоть до середины 1970-х годов автору не раз доводилось проводить на этих лугах ботанические экскурсии со студентами Ленинградского университета).

Вероятно, немало было и других мест с травянистой растительностью — скорее пустырей, чем лугов, с обилием сорных растений. Ведь первоначальная застройка города не совсем совпадала с регулярными планами Петра I: жители селились кучно, в слободках и усадьбах, между которыми нередко оставались расчищенные, но не застроенные места — пустыри. Вполне подходящими для поселения травянистой растительности были и остатки столь необходимых когда-то земляных укреплений. Так, на кронверке напротив Петропавловской крепости до середины XIX века сохранялся земляной вал, летом густо покрытый сочной травой. «Эта трава сдавалась под сенокос желающим и приносила доход в казну до 300 рублей» [169].

Примечательно, что писатели, изображавшие Петербург XVIII века, нередко использовали обилие покрытых травой пустырей и «не заросших» (то есть лишенных леса) мест как характерную деталь тогдашнего облика города. К примеру, И. И. Лажечников в романе «Ледяной дом», составляя из отдельных черт портрет «первобытного Петербурга» (конца 1730-х годов), наряду с «рощами

Набережная Обводного канала у Варшавского вокзала.
Фото 1901 г.

В начале XX в., когда улицы и площади были в основном замощены, одним из последних прибежищ для луговых и бурьянных трав оставались пока еще не одетые в гранит откосы по берегам рек и каналов.

и лугами посреди этого города», не забыл упомянуть и о «множестве пустырей»: даже на «именитой перспективе» дома стояли друг от друга «в стрелковой дистанции, точно после пожара» [78]. Да и в середине XIX столетия встречались такие зарисовки: «Удивительно, какие обширные пространства находятся посредине города, между домами или, правильнее, между улицами... Это не дворы, а поля, равнины, на которых можно выстроить заштатный городишко» [89]. Позднее, с появлением фотографии, на снимках видов Петербурга пустыри то и дело попадали в объектив. На первой фотопанораме города, снятой в 1861 году с башни Адмиралтейства, хорошо виден заросший травой пустырь между зданием Адмиралтейства и спуском к Неве (еще не было Дворцового моста), то есть совсем близко к Зимнему дворцу.

Предоставленные самим себе, пустыри на Северо-Западе обычно быстро зарастают кустарниками — ивами, ольхой серой; а через несколько десятков лет на их месте может восстановиться лесная растительность. Но в Петербурге было не так: город рос быстрее, чем происходил естественный «ремонт» нарушенного растительного покрова. Постепенно пустыри отступили на окраины города, где их и ныне немало, притом в достаточно устойчивом состоянии, ибо непрерывные антропогенные нарушения не дают им зарастать.

Заметную часть луговой растительности старого Петербурга составляли небольшие участки лугов в крупных городских и загородных усадьбах, используемые для сенокоса и выгона скота. Например, такой луг вхо-

дид в состав усадьбы Феофана Прокоповича, располагавшейся в начале XVIII века на Аптекарском острове. Да и в выделенных по указу Петра I в 1712 году «постоянным работникам» (кирпичных дел мастерам, иноземцам и некоторым другим) наделах предоставлялись луговые участки «на выпуск скотины и на сенные покосы». Луга, использовавшиеся как выгон для скота, примыкали к слободкам на окраинах и в предместьях, где селился рабочий люд.

Узкие полосы сырых и заболоченных лугов тянулись в незастроенных местах по берегам Невы и ее притоков. Об этом можно судить по составу растений, которые описывали и собирали в прибрежных местах петербургские ботаники XVIII века, — среди них часто попадались болотные осоки, вахта (трифоль), белокрыльник и другие обитатели болот [165].

Стоит еще упомянуть и о своего рода рукотворной травянистой растительности (хотя нам не сразу придет в голову назвать ее луговой). Речь идет о газонах; они ведь тоже, как и естественные луга, представляют собой сообщества луговых трав. И хотя человек непременно вмешивается в их жизнь — при создании газона подбирает только нужные ему виды растений, постоянно удаляет нежелательные виды, при стрижке безжалостно уничтожает часть столь необходимых растениям листьев, — все же можно сказать, что этой разновидности луговой растительности в городе повезло: за ней ухаживали, ее охраняли от вытаптывания и от застройки (до поры до времени). В XVIII веке газоны стали непременной частью расти-

тельности дворцовых и усадебных парков, а в последующие века — и уличного озеленения.

Власти Петербурга не раз ставили вопрос о создании новых лугов на месте осушенных болотистых территорий по окраинам города. Делались и практические попытки. Но, едва появившись, осушенные площади сразу же осваивались под огороды или застраивались.

Следует сказать и о водной растительности. Конечно, ее было много в городе, изобиловавшем реками и каналами, но, обычно незамечаемая, она получила отражение лишь в трудах ботаников. В XVIII веке исследователи находили в невских протоках обычные для Северо-Запада водные растения — водоросли и цветковые. Среди последних упоминались, например, мелкая водная трава — водяная звездочка, особенно обильная в Фонтанке «у морской гошпиталя», заросли водяной сосенки в Карповке, пузырчатка, несколько видов рдестов и т. д. Что касается самой Невы, то из-за большой скорости течения водные растения поселялись в ней лишь у самых берегов, в заводях, а позже — под защитой сооружений, находящихся в воде (за опорами мостов недалеко от берега и т. п.). Примечательно, что в XVIII веке среди водных растений отсутствовал столь обычный впоследствии вид, как элодея канадская. Этот пришелец из-за океана, путешествуя на днищах кораблей, попал в Европу только в следующем столетии (в 1836 г.) и быстро стал осваивать европейские водоемы, получив за свой агрессивный характер еще одно наименование — «водяная чума». В Невскую дельту он впервые проник в 1882 году и вскоре стал обычным ее обитателем.

Стоит отметить, что в прошлые времена в Неве текла совсем не та вода, что ныне. В конце XVIII века можно было утверждать: «Вода реки Невы, ея притоков и каналов, протекающая почти во все части города, есть самая легкая, светлая и чистая речная вода» [33]. А вот какие воспоминания о Неве унесла французская писательница де Сталь, побывавшая в Петербурге в 1812 году: «Никогда волны ни одной реки не казались мне столь прозрачными». Неудивительно, что в невских протоках часто поселялись водные растения, требующие чистой воды: лобелия Дортмана, шильник и другие. Но уже в конце XIX века они стали исчезать в результате растущего загрязнения невских вод. Недаром одно из руководств того времени по уходу за комнатными растениями не рекомендовало поливать их городской речной водой, так как она «часто бывает испорчена посторонними примесями с фабрик» [34].

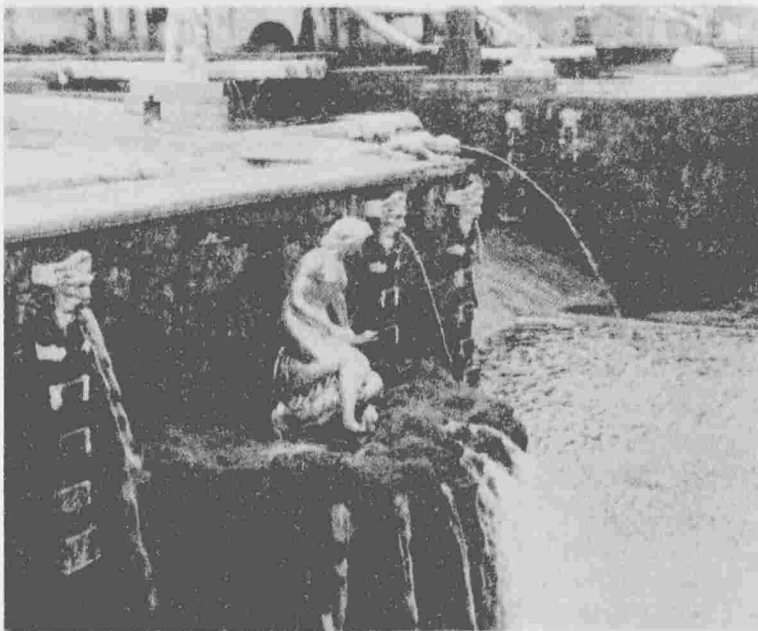
В наши дни эти «посторонние примеси» почти полностью погубили невскую водную растительность. Так, в 1960-х годах в среднем течении Невы встречались лишь три вида цветковых растений, а Фонтанка, Мойка, канал Грибоедова и другие оказались полностью лишены высшей водной флоры [67]. В Невской губе, от дельты до линии Лисий Нос — Кронштадт — Ломоносов, с 1920-х по 1980-е годы из двадцати живущих полностью в воде («погруженных») видов погибли пятнадцать [68].

В старом Петербурге водные растения находили себе и другие места обитания. Вот один из уголков захолустной Петербургской стороны, описанный Е. П. Гребенкой в 1846 году: «Есть переулки, постоянно покрытые лужами:

в этих переулках плавают утки, растут и цветут болотные травы и разные водоросли». В таких непросыхающих лужах и мелких прудах по окраинам города можно было встретить желтую кубышку, а в начале XVIII века «в тихотекущих водах» — даже красавицу кувшинку («водяную лилию») [41].

И еще в одном весьма своеобразном петербургском местообитании жили водные (а также и наземные влаголюбивые) растения. Речь идет о фонтанах. Разнообразное растительное население размещалось в ковшах фонтанов, на их стенах и различных деталях; пример тому — знаменитые петергофские фонтаны. Автору довелось близко осмотреть их «глазами ботаника» накануне начатой в 1989 году реставрации, то есть увидеть растительность такой, какой она была последние двести лет, в течение которых реставраций не проводилось. На сооружениях Большого каскада — на стенах, лестницах, уставленных статуями, барельефах под водными завесами и в гроте позади каскада — открылся целый растительный мир. Здесь были и скопления нитчатых водорослей, и несколько видов влаголюбивых мхов, и около двух десятков цветковых растений. Примечательно, что среди последних были лесные виды, нашедшие здесь привычную среду (темно, сыро, прохладно), и растения, предпочитающие почвы, богатые кальцием, — ведь петергофские фонтаны получают с Ропшинских высот жесткую воду. Обилен был влаголюбивый лесной папоротник цистоптерис, придававший «кудрявый» вид растительным коврам на стенах фонтанов; кое-где он свисал из настенных золоченых

масок, как из своеобразных горшков-кашпо. Были здесь и болотные и лугово-болотные виды, и, конечно же, всходы вездесущих сорняков. А ковш фонтана «Нептун» в Верхнем парке был густо заполнен полупогруженным растением урутью.

Фрагмент Большого каскада в Петергофе.

Фото до реставрации 1990-х гг.

Природа по-своему дополнила замысел создателей знаменитых фонтанов, включив в композицию каскада травяно-моховой ковер.

Вряд ли устроители фонтанов рассчитывали, что наряду со струями воды, золочеными статуями, архитектурными деталями одним из элементов фонтанных сооружений окажется растительность. Однако иногда она приносила неожиданный декоративный эффект. Так, мягкий травяно-моховой ковер на площадках Большого каскада как будто нарочно был подстелен под ноги сидящих фигур Невы и Волхова, чтобы статуям было уютнее...

Когда проводилась реставрация Большого каскада, все сооружения были вычищены, растительность удалена и ушла в историю. Но наверняка она появится вновь, хотя, возможно, и не скоро, — очень уж удобное местообитание для растений, любящих воду!

Сохранились ли следы прежней дикой растительности в петербургской топонимике? Названия, которые первыми приходят на ум, — Лесной проспект и станция метро «Лесная», — казалось бы, напоминают о том, что здесь когда-то был лес. На самом же деле они образованы от названия учебного заведения, с 1811 года расположившегося в северной части Выборгской стороны. Вначале оно именовалось Лесным училищем, затем сменило ряд названий, но в них непременно присутствовало слово «лесной». В настоящее время это Санкт-Петербургская государственная лесотехническая академия им. С. М. Кирова. Сейчас названия улиц Лесная, Березовая, Сосновая, Ольховая сохранились лишь там, где зримо присутствует древесная растительность, — на окраинах (Пороховые, Коломяги) и в основном в пригородах (в Зеленогорске, Сестрорецке, Павловске, Стрельне и др.). Луговой

улицы не осталось ни одной. Есть на карте города название, которое заставляет предположить, что в означенном месте был пустырь, заросший бурьяном, — это Крапивный переулок на Выборгской стороне. Но оказывается, название ему было дано в первой половине XIX века по фамилии тогдашнего землевладельца Крапивина [36].

Ну а теперь о петербургских болотах. Они занимали столь значительное место в растительном мире старого Петербурга, что заслуживают отдельного рассказа.

Город на болотах

«...На зыбкой персти утвержденный», «где ил тонул под серым мхом» (С. С. Бобров, 1803); «и родится чудоград из неплодных топей блата» (С. П. Шевырев, 1829); «богатырь его построил, топь костями он забутил» (М. А. Дмитриев, 1847); «этот болотный, немецкий, чухонский... чужой город» (В. М. Гаршин, 1882); «жизнь на болоте, в тумане, без корней, глубоко вошедших в животворящую мать сыру землю» (Н. П. Анциферов, 1922).

Это все о Петербурге. Если вспомнить, какие слова чаще всего употреблялись в прошлые века при описании столичного города, то среди них будут такие эпитеты, как «пышный», «царственный», «стройный», «регулярный» (но также и «холодный», «чиновный», «неприветливый» и т. д.). Однако одно из первых мест наверняка займут слова «болото» и производные от него. Эпитеты «болотный», «построенный на болоте», «вознесшийся из болот» плотно приросли к имени российской столицы (кстати, войдя в явное противоречие с ее титулом «Северной Паль-

миры» — ведь настоящая Пальмира, развалины которой сохранились в Сирии, среди пустынь и солончаков, и ведать не ведала ни о каких болотах). «Город, построенный на болоте» — одна из основных и весьма устойчивых составляющих сложившегося в веках образа Петербурга и «петербургского мифа».

Что же на самом деле представляли собой эти знаменитые петербургские болота, каково было их место в городской природе и в сознании петербуржцев?

Как уже отмечалось ранее (см. главу 1), обилие болот в Приневской низменности было неизбежным следствием ее сложной истории в послеледниковую эпоху. Ко времени основания города болотами была занята примерно половина ее территории. По мнению ученых, в окрестностях будущей столицы, скорее всего, преобладали верховые болота. По берегам Невы и на ее островах, где был высок уровень грунтовых вод, а паводки и частые наводнения не давали образоваться значительному слою торфа, были низинные болота (подробнее о них рассказывалось в главе 1). Много места занимали также заболоченные леса, в основном сосняки. Современники отмечали обилие на петербургских низинных болотах черной ольхи. В XVIII веке из нее даже делали мебель; существовало специальное руководство для строителей по осушению черноольховых болот. Заболоченными были и прибрежные кустарниковые заросли из различных видов ив.

Обилие болот чрезвычайно затрудняло сообщение между редкими мызами и фермами, ютившимися по опуш-

Верховое болото

кам лесов. По свидетельству одного из современников основания Петербурга, «к селениям не было проведено правильно устроенных путей, и крестьянин пробирается сегодня одной, а завтра другой дорогой» [100]. Непросто было попасть и в сам строящийся город: существовала только «одна постоянная дорога, которая неподалеку от Петербурга разветвлялась на две, по ним одним въезжали и выезжали жители» [110]. Другие же авторы того времени и вообще сетовали на то, что из-за многочисленных болот из окрестностей в столицу приходится пробираться каждый раз иным путем. Ну и, конечно, не было недостатка в жалобах на нездоровый климат сырой и болотистой местности.

Кстати, сохранились впечатления современников и о некоторых косвенных свидетельствах обилия болот. Так, автор первого описания петербургской природы отмечал: болотная дичь — кулики и бекасы — водилась здесь в таком множестве, что окрестные крестьяне ловили ее силками и предлагали «почти за ничто»; а ели ее у некоторых вельмож только слуги. У этого же автора читаем: «Комаров в этих местах тоже несчетное число, и мне не раз случалось переезжать через Неву, зачерпывая полную шляпу их трупов» [100].

Впечатлениям очевидцев соответствуют и документальные свидетельства старинных карт. Так, на шведском плане 1703 года показаны обширные болотные массивы, окружавшие место будущей столицы. Большое болото было в районе Лахты. На месте будущей Выборгской стороны полоса болот тянулась вдоль Большой Невки,

примерно от нынешнего Финляндского вокзала и далее на север и северо-восток, вдоль левого берега Черной речки. Много болот было на левом берегу Невы, начиная от ее излучины (в районе Смольного) и далее к югу (от Волкова кладбища); а на противоположном берегу были болота по берегам Охты, кстати, совсем рядом со шведской крепостью Ниеншанц. На будущей Московской стороне обширный болотный массив показан примерно в районе нынешнего Московского парка Победы. Все эти болота широким прерывистым полукольцом — своего рода оградой — охватывали дельту Невы с северо-востока, востока и юго-востока. (Уже тогда мог возникнуть

Озеро на верховом болоте

вопрос: а куда же расти Петербургу в будущем? Но Петр I явно не помышлял о грядущем мегаполисе...)

В середине XVIII—XIX веке планы и карты Петербурга стали более детальными, и потому болот и заболоченных лесов на них показано значительно больше, причем многие — на территории уже построенного города. Даже в центре столицы в XVIII веке долго сохранялись болота между застроенными участками, например на левом берегу Невы — совсем рядом с парадной Невской перспективой. Одно из болот находилось позади тогдашнего Конюшенного двора и простиралось, если пользоваться современными названиями, от истоков канала Грибоедова до Невского проспекта [189]; это было самое низкое и топкое место строящегося города. Болота были также на

Низинное болото

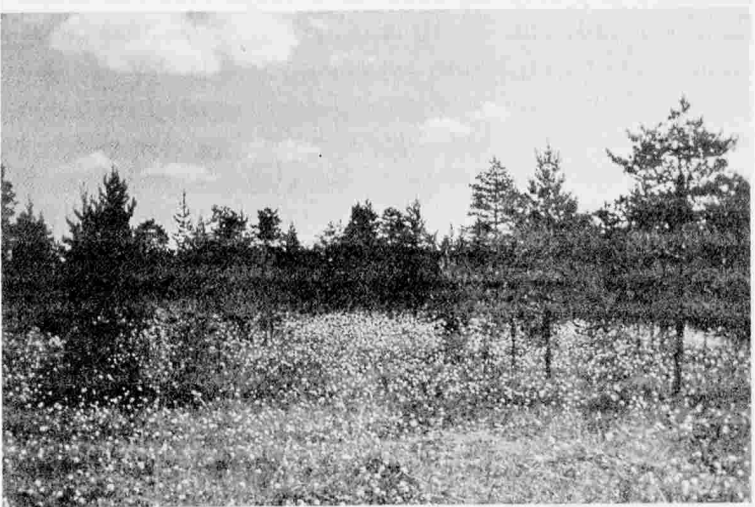
месте нынешней площади Искусств (сейчас трудно поверить в то, что Михайловский дворец был воздвигнут на месте болота), в начале будущей Гороховой улицы. Болотистыми были берега Фонтанки (в Перузине — напротив Летнего сада и ниже). Что уж говорить об окраинах, ближних и дальних!

Болото, называвшееся Козьим, было на месте будущей Коломны — между Фонтанкой, Мойкой, Пряжкой и Крюковым каналом. Кстати, по одной из версий, наименование «Коломна» происходит от слова «колонна» — так называли просеки, заложенные в болотистом лесу для осушения [89]. Много болот было в излучине Невы, на Васильевском острове, близ Александро-Невской лавры. Во второй половине XVIII века путь от лавры до Фонтанки пролегал по глубокому торфяному болоту, кое-где проходимому лишь по гати; даже в самом конце XIX века часть этого болота (лежащего уже в черте города) «сохраняла свой первобытный вид» [176]. К юго-востоку от Петербурга лежало обширное Глухозерское торфяное болото со слоем торфа до 3—4 аршин*, а в середине XIX века оно оказалось всего в трех верстах от Николаевского (Московского) вокзала [177]. В то время здесь даже пробовали добывать торф для топлива, и он оказался прекрасного качества; но дрова были дешевле, и торфоразработку прекратили. Она была ненадолго возобновлена в 1918—1920 годах в связи с топливным кризисом. Эти «наскоки» не прошли даром для болотной растительности:

* Один аршин равен 0,71 м.

к 1931 году клюква и другие болотные ягоды сохранились лишь в центре болота, зато поселилось множество сорняков и луговых трав.

В специальной литературе называют и другие крупные болотные массивы, долго сохранявшиеся в окрестностях столицы, — например, Шушаровский, Шуваловский, Обуховский, Лахтинский, Левашовский (их местоположение ясно из названий) [50]. Кстати, уже в XX веке эти болота стали источником ценной научной информации, «законсервированной» в торфяных залежах: проследив изменение состава цветочной пыльцы и спор, сохранившихся в слоях торфа на разной глубине, ученые смогли предста-

Лесное болото с пушицей

вить себе, как менялась растительность (а значит, и климатические условия) в разные периоды послеледниковой истории Приневской низменности [4].

Но вернемся в Петербург XVIII—XIX веков.

В общий болотный фон столичной местности свои «мазки» вносили заболоченные леса и кустарниковые заросли. Их было немало как на территории самого города, так и в окрестностях, что еще больше усиливало впечатление жителей об изобилии болот. Такой заболоченный лес был, как уже отмечалось, на месте современного Марсова поля до того, как после вырубki на нем был устроен Царицын луг. Западная часть Васильевского острова в конце XVIII века была «сыра, болотиста и покрыта вырубленным уже лесом» (т. е. заболоченной вырубкой) [33]. На месте нынешней Сенной площади был заболоченный участок с редкими деревьями и кустарниками (их вырубili в 1737 году, после чего здесь было разрешено торговать сеном и соломой). Болотистое редколесье покрывало нынешнюю Театральную площадь, и пробраться через него без риска угодить в трясины можно было лишь по просеке.

Итак, болота действительно были одной из реалий жизни Петербурга прошлых веков, и было их немало. Однако нельзя не отметить, что далеко не все они, по-видимому, являлись болотами в современном строгом ландшафтно-географическом смысле. Ведь научное понятие болота, в которое входят такие неперемьнные признаки, как избыточное увлажнение, особая болотная растительность и образование торфа, сложилось лишь в начале

XX столетия. Ранее же понятие «болото» было более широким и неопределенным — этим словом называли также и любое просто постоянно мокрое и топкое место*. И когда И. Г. Георги в 1794 году писал: «Площадь на стрелке Васильевского острова велика, треугольна, еще не вымощена, на ней много болот», то, скорее всего, имелись в виду просто большие непросыхающие лужи. Недаром на более детальных картах Петербурга конца XIX века некоторые места, считавшиеся ранее болотами, стали обозначать по-другому (например, «мокрый луг с кустарником»). Позже возникло разделение на собственно болота и заболоченные земли, на которых толщина слоя торфа меньше условной величины — 30 сантиметров. Возможно, именно к этой категории и принадлежала значительная часть петербургских болот. Кроме того, в восприятии жителей ареал здешних болот расширялся еще и за счет заболоченных лесов. Но как бы там ни было — признали бы нынешние ученые болотами все петербургские топи или нет, — тогдашним горожанам от этого было бы не легче.

О том, что росло на местных болотах, немало сведений оставили ученые-естествоиспытатели. Судя по их трудам и гербарным сборам, в петербургской флоре было множество растений, обитавших на болотах и переувлаж-

* Так, у В. И. Даля в «Толковом словаре живого великорусского языка» читаем: «Болото — непросыхающая грязь, от родников или от натека на рыхлой почве» (правда, он тут же дает и другое определение болота, уже более близкое к современному, в котором участвуют «особая растительность» и «кислая почва»).

ненных местах. Например, близ Александро-Невской лавры обычны были сфагновые мхи, багульник, росянка, карликовая березка. На Васильевском острове росла пушица — частый обитатель торфяных болот. Повсюду обильны были болотные осоки, а на топких берегах речек — также многие влаголюбивые травы, и среди них — ядовитая цикута, соком которой в иное время и в иной стране был отравлен Сократ; в особенно «великом количестве» населяла она берега речки Екатерингофки. В заболоченных лесах в изобилии росли болотные травы, было много морошки и голубики. Французский ботаник П. Дешизо, посетивший Петербург в 1724—1726 годах, с удивлением отмечал, что на рынках местные жители в большом количестве продавали какую-то неизвестную ему красную ягоду — наверняка клюкву, которая в первом полном перечне местных растений — «Санкт-петербургская флора» Г. Г. Соболевского [165] — имела помету «везде». Кстати, клюкву собирали на петербургских болотах вплоть до 20-х годов XX века. (Если бы карамзинская бедная Лиза жила не в Москве, а в Петербурге, она, конечно же, продавала бы на улице не землянику, а клюкву.)

Известно, что Петр I задумал создать новую столицу по регулярному плану — с прямыми параллельными улицами, четкими прямоугольниками кварталов. Но эта царственная геометрия вступала в явное противоречие с природной геоморфологией (рельефом) местности. На территории будущей столицы были более повышенные и сухие места — бывшие береговые валы древнего моря, напри-

мер там, где проходили старинные дороги — Выборгская (нынешний Большой Сампсониевский проспект) и Новгородская (частично нынешний Лиговский проспект). Но таких участков было мало, и они не укладывались в начертанные планы. Приходилось строиться и в низинах, а для этого вести капитальные осушительные работы. Таким образом, с самого своего рождения Петербург был обречен воевать с болотами.

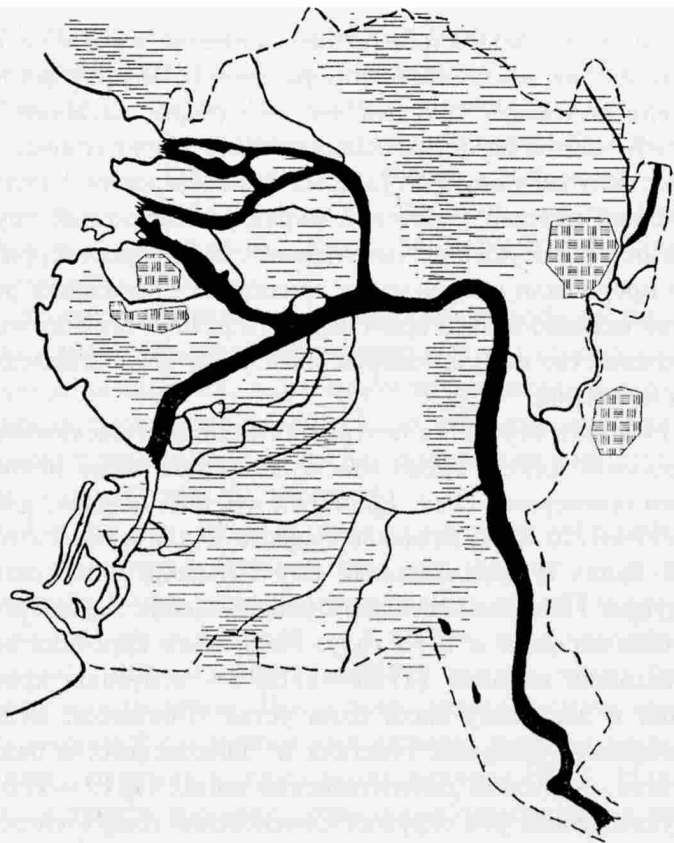
Здесь наш рассказ легко мог бы свернуть на торную дорогу повествования о трудностях и муках строительства «города на болоте», о массовом принудительном труде и гибели тысяч строителей. Но об этом уже много было сказано и написано, так что мы продолжим наш путь по собственно «болотной» тропинке.

При первых же действиях строителей — закладке и сооружении крепости на Заячьем острове — болота «показали зубы». Для первоначальных земляных укреплений требовалась земля — а добывать ее поблизости оказалось невозможно, поскольку кругом места были низкие и болотистые. Вот и приходилось таскать землю к строящимся бастионам «из дальних мест» в мешках, рогожах, тряпках и даже полах одежды [110]. Нельзя было устроить хорошие подвальные помещения, отчего, по свидетельству одного из пленных шведов, в крепости не только терпели неудобства люди, но и портились провиант и боеприпасы.

Наступление на болота началось одновременно с началом строительства города. Перед прокладкой улиц на болотистых участках рыли осушительные каналы; затем,

как предписывали строительные правила того времени, следовало на землю настелить фашины (связки хвороста), поверх положить круглый лес — бревна, засыпать их землей, взятой из осушительных канав, а поверх всего — замостить камнями [84]. Дома также строили, предварительно осушив участок и укрепив болотистый грунт сваями. Для осушения значительных по площади территорий прорывали специальные каналы. Их прокладка особенно активно велась при Петре I, в 1710—1720-х годах. Большинство из них, сыграв свою роль, были впоследствии засыпаны.

История осушения петербургских болот заслуживает отдельной книги; здесь мы ограничимся лишь некоторыми примерами. Так, Царицын луг был осушен, когда в 1711—1716 годах прорыли существующий и ныне Лебяжий канал и параллельный ему Красный канал возле будущих Павловских казарм (ныне здание Ленэнерго); он был засыпан в 1770 году. Несколько коротких осушительных каналов (1718—1786 — это годы проведения и засыпки) были близ устья Фонтанки, между нынешними улицами Пестеля и Чайковского, а ближе к Неве — Косой Дементьевский канал (1719—1765). Осушительный ров окружал Семеновский плац (теперешнюю Пионерскую площадь, где находится Театр юных зрителей). Пруды и протоки были вырыты во второй половине XVIII века на Петровском острове и просуществовали до начала XX века. Да и каналы по линиям Васильевского острова (1720—1770) также способствовали осушению заболоченных земель между Средней и Малой

Схема, отражающая соотношение болот (горизонтальные штрихи) и крупных огородных массивов (участки с перекрестной штриховкой) на территории Петербурга в 1698—1703 гг.

Эта и следующие три схемы составлены по шведским картам местности до основания Петербурга и картам Петербурга начала XVIII — конца XIX в. Границы города (пунктир) и гидрографическая сеть даны на 1917 г.

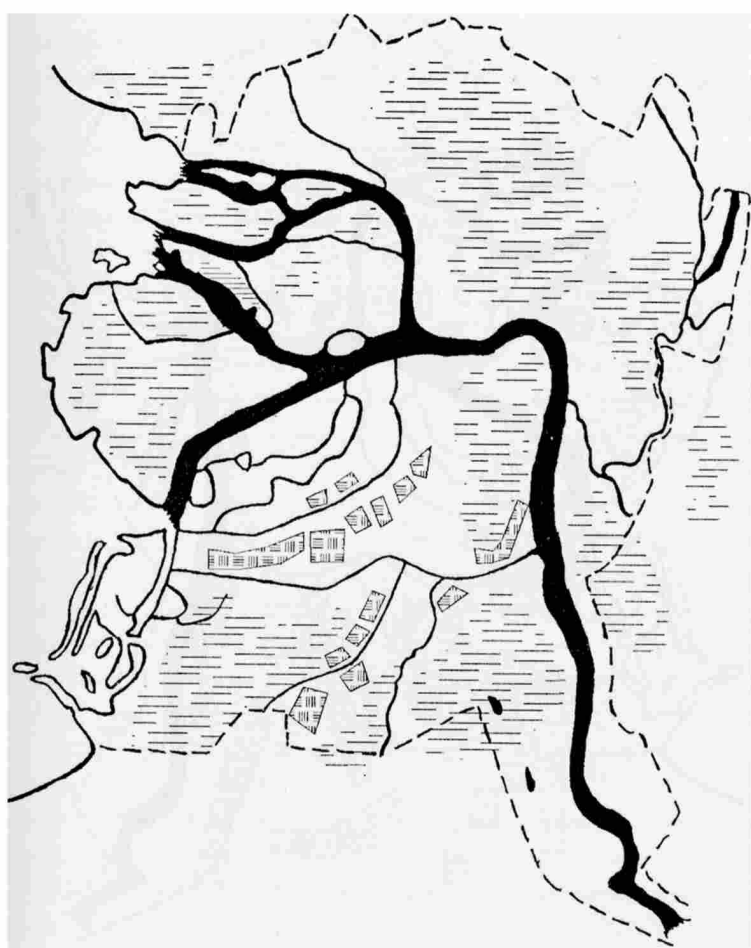

Схема соотношения болот и огородных массивов
в 1738 г.

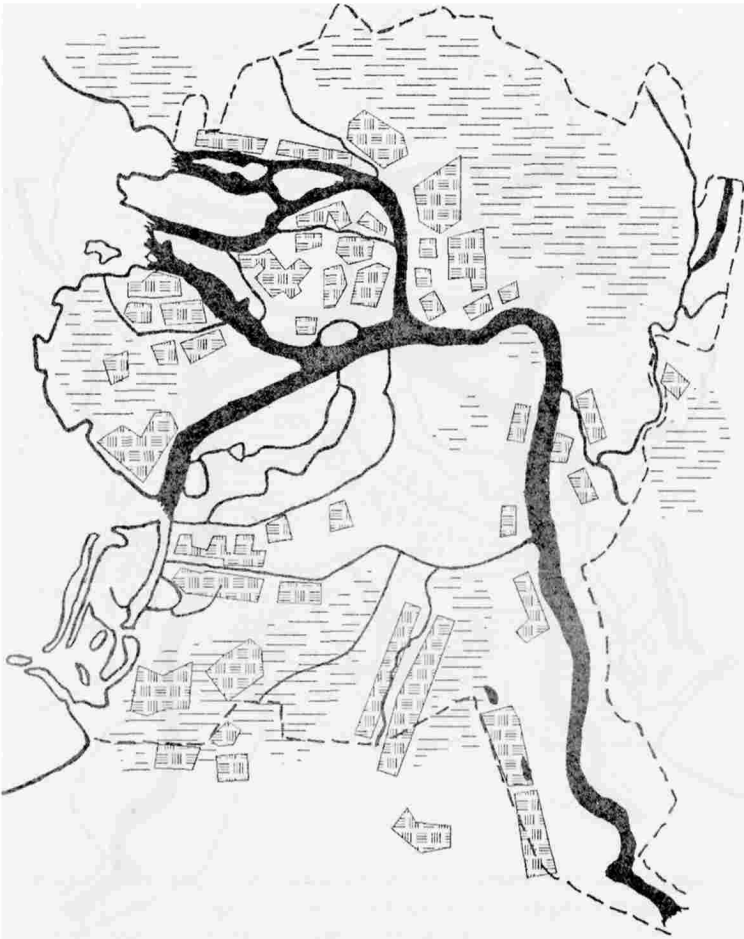

Схема соотношения болот и огородных массивов
в 1806 г.

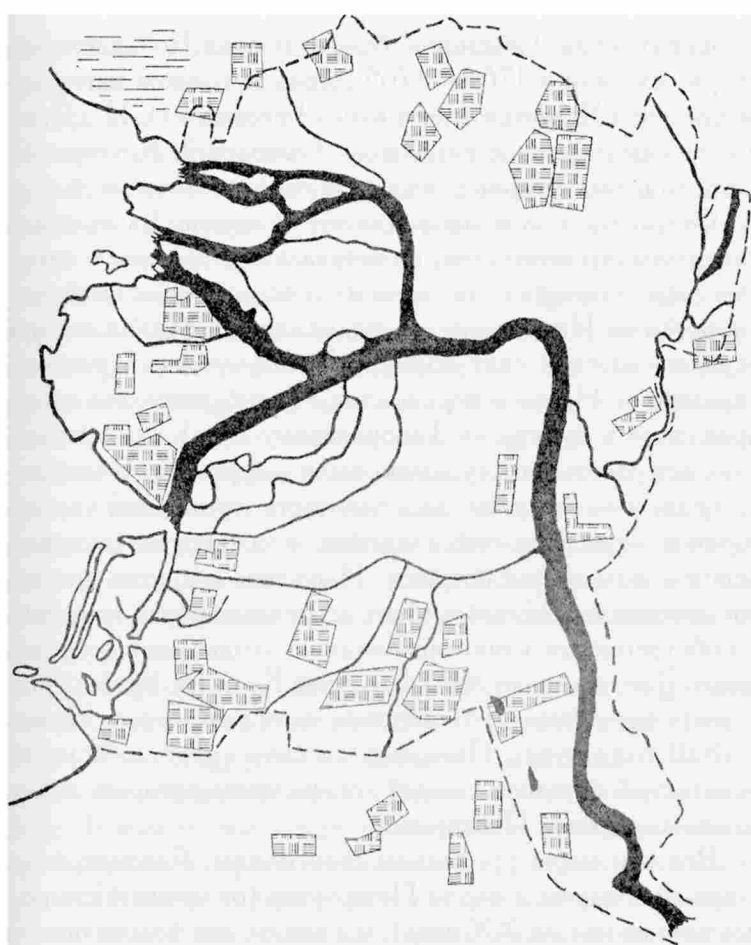

Схема соотношения болот и огородных массивов
в 1887 г.

перспективами. Обширное болото позади Конюшенного двора осушили в 1764—1765 годах, проложив канал по руслу речки Кривуши (ныне канал Грибоедова). И другие ныне существующие каналы — Обводный, Крюков — сыграли немалую роль в осушении заболоченных мест.

Осушение болот проводилось не только властями в ходе градостроительства, не оставались в стороне и частные лица. Известно, что один из приближенных императрицы Анны Иоанновны — фельдмаршал Миних взялся осушить за свой счет обширный заболоченный участок недалеко от Невской перспективы (приблизительно в направлении к будущему Таврическому саду), и в течение двух лет работы по осушению были завершены. В качестве уплаты он получил десятую часть осушенной территории в наследственное владение, остальная же площадь использовалась под огороды. Известны и другие примеры инициативы петербургских землевладельцев, имевших в собственности столь незавидные угодья, как участки болот. Так, в начале XIX века граф Кушелев-Безбородко осушил значительные территории на правом берегу Невы; в 1820 году купец Пискарев на свои средства осушил болотистый березово-еловый лес, на месте которого затем возникла деревня Пискаревка.

Все эти меры приносили свои плоды. Рассматривая старинные планы и карты Петербурга (от времени его основания до начала XX века), мы видим, как болота постепенно изгоняются из города, оставаясь лишь на окраинах. Дольше всего — в течение века и более — сохранялись болота на Выборгской стороне (вперемежку с лесами),

южнее реки Охты, вдоль Митрофаньевского шоссе и в других окраинных местах.

Если основным стимулом осушения болот в центре Петербурга были чисто градостроительные задачи, то в судьбе болот на окраинах решающую роль сыграли иные факторы. Растущая потребность в продуктах питания заставляла осваивать всё новые территории под сельскохозяйственные угодья. И, как видно на картах города, уже в начале XIX века его опоясывают не болотные массивы, а обширные огороды. В борьбе человека с болотами потребность в пище, очевидно, оказалась не менее действенным (и даже агрессивным) стимулом, чем потребность в жилье. Этот процесс продолжался и в течение последующего века, идет он и сейчас — вспомним наши пригородные овощеводческие хозяйства («Ручьи» и др.), созданные на месте бывших болот, а также современные обширные дачно-огородные поселки на месте Синявинских болот и в других местах.

В конце XIX — начале XX века появился еще один стимул для наступления на болота в окрестностях Петербурга. Стало ощущаться неизбежное следствие урбанизации и ухудшения городской среды — тяга горожан к природе. Время туризма еще не пришло, и основным местом пребывания «на природе» стала дача. Для растущего населения Петербурга требовались всё новые дачные места, в том числе и для горожан со сравнительно скромным достатком. На эти новые запросы быстро откликнулись владельцы окрестных заболоченных земель, часто приносящих одни убытки. Не останавливаясь перед расходами на

осушение, проведение дорог, водопровода и другие работы, они распродавали уже более или менее «облагороженные» земли малыми участками. Стали появляться дачно-строительные артели и конторы, и на местах бывших болот как грибы вырастали дачи и целые поселки. «Если бы рост Петербурга шел прежним (довоенным, до первой мировой войны. — Т. Г.) темпом, то несомненно, что через несколько десятков лет все окрестности Петербурга были бы сплошь покрыты дачными поселками и болотистая, безлюдная до того Приневская низменность была бы превращена волшебством мелиорации в город-сад». Так писал в 1925 году энтузиаст мелиорации профессор Научно-мелиорационного института С. А. Яковлев. Он предвидел, что в недалеком будущем горожане «будут искать себе хотя бы временного отдыха от горячечной мускульной и нервной работы и снова начнется тяга к расселению из душного и дымного города на дачные поселки» [196].

В наши дни «петербургские болота» — понятие целиком историческое. Последнее сохранившееся в современных границах города болото — Лахтинское. Еще на картах 20-х годов XX века это был обширный болотный массив площадью около 3000 гектаров [144]. Он начинался сразу за Черной речкой и лежал за тогдашней городской чертой. Город постепенно наступал на болото, но еще в начале 1950-х годов автору довелось собирать болотные растения и качаться за зыбучей сплавине недалеко от Торфяной дороги. К началу 1990-х годов основная территория болота была застроена, а его остатки оказались в черте города. Неимоверными усилиями ученых Санкт-Петербур-

ского (тогда еще Ленинградского) государственного университета и Ботанического института Академии наук в 1991 году здесь был создан охраняемый заказник «Юнтолово» общей площадью около 700 гектаров. Ведь именно в этих местах в течение многих веков останавливаются на отдых перелетные птицы на балтийско-беломорском пролетном пути. От территории болота осталась лишь небольшая часть. Больше половины ее покрыто заболоченным сосновым и еловым лесом; но есть здесь и своя «изюминка» — самые большие в Восточной Европе заросли редкого болотного кустарника — восковницы (или вос-

Восковница обыкновенная, или мирт болотный

ковника, мирта болотного), занесенной в «Красную книгу СССР» (1984). Сам болотный ландшафт в пределах города — большая редкость и своего рода достопримечательность Петербурга: побывав здесь на экскурсии, горожане и туристы могут представить себе, как выглядел один из основных ландшафтов местности до основания Петербурга [22; 104]. Как долго удастся сохранять этот уникальный клочок природы — трудно сказать. Предполагается, что дальнейшая застройка будет его «обтекать», — но удастся ли потоку не затопить его совсем?

А теперь, покинув почву — хотя и зыбкую, болотистую, но вполне реальную, — перенесемся в мир отраженный. Ведь петербургские болота — это не только природное явление. У них есть своя история и в сознании петербуржцев, в восприятии ими своего города и в формировании его образа.

Обилие болот и заболоченных земель не могло не отразиться в петербургской топонимике [36]. Конечно же, это в первую очередь улицы Болотные. Их было несколько. Одна из самых старых — та Болотная улица, что возникла в середине XVIII века неподалеку от Невской перспективы рядом с небольшим болотом. Позднее к ней примкнула Ново-Болотная улица, а в конце XIX века обе улицы были объединены в одной — это нынешняя Коломенская. Улицы Моисеенко и Красного текстильщика в прежнем Смольнинском районе — это бывшие Большая Болотная и Малая Болотная. Обе были проложены по заболоченным участкам, обильным в этих местах. Одна из Болотных улиц (на Выборгской стороне), появившаяся

на карте Петербурга в начале XIX века, до сих пор сохранила свое название.

«Болотные следы» остались и в петербургской фольклорной топонимике [163]. Обширная заболоченная территория, тянувшаяся к северу от Финляндского вокзала, долгое время прозывалась в народе Куликовым полем — из-за обилия водившихся там куликов.

Есть на петербургских картах и названия, на первый взгляд как будто далекие от «болотного» звучания, но на самом деле тесно связанные с болотами. Это Черные речки — название, широко распространенное вообще на северо-западе России. Его носят реки с темной, «торфяной» водой, вытекающие из болотных массивов. Оно неоднократно попадает в ближних и дальних окрестностях Петербурга, например близ Зеленогорска, недалеко от Шлиссельбурга. Река Охта на шведских картах до XVII века называлась Черной. На карте Петербурга в прошлые века было несколько Черных речек. Одна из них, протекающая между Ланским шоссе и Торжковской улицей и впадающая в Большую Невку, печально известна как место дуэли Пушкина с Дантесом. Свое название она сохранила и поныне, «поделившись» им с близлежащей Чернореченской улицей и станцией метро. Другие со временем изменили имя — это нынешние Смоленка, Екатерингофка, Монастырка. Последняя сохранила отзвук прежнего названия в наименовании соседнего Черноречского переулка.

Еще один петербургский топоним прямо указывает на болото или болотистую местность, хотя сразу мы этого

не замечаем, ибо указание спрятано в нерусском слове. Речь идет о Полюстрове — названии местности на правом берегу Невы (а в наши дни — также железистой минеральной воды из тамошних источников). Название это явно произведено (на русский лад — с «оканьем») от латинского слова «paluster» — «болотный, болотистый», происходящего от латинского же «palus» — «болото». (Кстати, это слово мы встречаем в латинских наименованиях многих растений, произрастающих на болотах, например *Ledum palustre* — багульник, *Oxycoccus palustris* — клюква и др.). Конечно, современное Полюстрово с его улицами, жилыми кварталами и скверами трудно связать с представлением о болоте; но в прошлом, как видно по старинным картам, это название обширного имения графа Кушелева-Безбородко было вполне заслуженно. Память о болотистой местности осталась также в названиях Полюстровской (Свердловской) набережной и Полюстровского проспекта.

Но топонимика бывает порой и обманчива. Казалось бы, улица Моховая — вполне «законное» название в городе, построенном на болотах. Так и видится старинная улочка, с великим трудом проложенная среди мшистых болот... Однако на самом деле это бывшая Хамовая — от старинного названия ткацкого ремесла — «хамовое дело» (в XVIII веке здесь находилась слободка ткачей, изготавливавших парусину). Постепенно название улицы потеряло смысл и стало неблагозвучным (вероятно, вызывая скорее обидную для ее жителей ассоциацию с библейским Хамом, чем представление о профессии их предков). В 1826 году

по ходатайству землевладельцев улица была переименована в Моховую.

Болотная топонимика оставила след в неожиданном месте — коллекциях Эрмитажа. Именно здесь хранится известный фаянсовый «Сервиз с зеленой лягушкой» из 944 предметов, созданный в Англии прославленным керамистом Веджвудом по заказу Екатерины II для Чесменского дворца. Дворец был построен в весьма болотистой местности, именовавшейся «Лягушачьим болотом» (в переводе с финского), отчего изображение зеленой лягушки стало символом дворца и украшением предметов сервиза.

А вот в иконографии Петербурга болотная «составляющая» его природы совсем не отражена. С первых же изображений новой столицы сложился жанр ее «парадных портретов», на которых подчеркивались «регулярность» нового города, красота его зданий, чистота и даже «вылизанность» его мощенных улиц. К тому же изображались в основном центральные части города, действительно по мере сил уже благоустроенные и ухоженные. Понятно, что в таком контексте не было места столь неприглядным деталям пейзажа, как болота (даже если они и присутствовали на самом деле). Так, на первых изображениях Невской перспективы, обсаженной деревьями, видна некая условная «растительность вообще» — хотя главная улица была проложена прямо среди лесов и болот и по обеим ее сторонам болота долго сохранялись. Недаром первый деревянный Аничков мост, построенный в 1715 году, был почти в четыре раза длиннее нынешнего.

Таким образом, для живописцев, оставивших нам зримый образ Петербурга прошлых веков, болот в нем как бы и не было.

Совсем иное дело — в литературе, где мотив «города на болоте» проходит сквозь десятилетия и даже столетия, причем в разные времена он звучит по-разному. В XVIII веке болота заняли почетное место в различных описаниях Петербурга — впечатлениях бытописателей и путешественников. Закладка города (не просто города — столицы!) среди болот — ландшафта, наиболее трудного для освоения, строительства, да и просто передвижения, несомненно, производила сильное впечатление на современников. И потому упоминания о болотах часто окрашены удивлением и даже легким ужасом перед дерзким замыслом и приправлены «сильнодействующими» деталями. Например, в описании 1713 года сообщается, что болота вдоль дороги к городу весной и осенью бывают усеяны трупами лошадей в упряжи, не сумевших выбраться из трясины. Звучит в этих описаниях и уважение к титаническому труду строителей. А иногда не обходится и без ехидства по поводу петровского «парадиза» (от греч. «paradeisos» — «рай») на болотах. Так, один из иностранцев, перечислив острова Невской дельты, заметил, что застроенная часть суши (вокруг Адмиралтейства) тоже, пожалуй, может быть названа островом, ибо со всех сторон окружена множеством болот; а местность в излучине Невы по той же причине может считаться полуостровом, так как связана с сушей единственной (и очень плохой) дорогой.

Что касается поэтов, то они долго не замечали петербургских болот. Литературоведы не раз отмечали, что в поэзии XVIII века тема Петербурга звучит в максимально мажорных, приподнятых тонах; в восприятии города преобладают упоение победой над врагами и стихией, восхищение новой столицей, возникшей почти чудом и почти вдруг [103]. Где уж тут было замечать «мелкие неудобства» природы! Тема болот если и появляется (очень редко), то, как бы мы теперь сказали, в плане «покорения природы». В. К. Тредиаковский в «Похвале Ижерской земле...» в 1752 году, не жалея восторженных красок, бодро возглашал:

Студен возду́х, но здрав его есть род:
Осушены почти уж блата мшисты —

утверждение, как мы уже видели, явно преждевременное.

Отчетливая тема «города на болоте» появляется в петербургской поэзии в XIX веке, вначале тоже в мажорном звучании. Так, П. А. Вяземский в 1818 году писал:

Я вижу град Петров, чудесный, величавый,
По манию Петра воздвигшийся из блат...

О том же — всем известные строки Пушкина из «Медного всадника».

Но постепенно в литературе проступает двойственный облик Петербурга — прекрасного творения и одновременно «гиблого места», крепнет мотив вины города, построенного ценою неисчислимых жертв. Из этих настроений и легенд о пророчествах, предрекающих неизбежную

грядущую гибель столицы, формируется особый «петербургский миф» о проклятом городе, которому «быть пусто». Конечно, это враждебное отношение к городу носило, в первую очередь, социальную окраску; но немалый вклад внесли в него и петербургские болота — прежде всего как природный фон.

Само по себе основание города в болотной низине способствовало его восприятию как чего-то глубоко чуждого — ведь русские люди испокон веку ставили свои города на возвышенных и сухих местах. Трудности освоения болот и, конечно же, такие их малоприятные «спутники», как сырость, туманы, холодные почвы и т. п., вносили дополнительные штрихи в общий непривлекательный образ города. Иными словами, сама природа невольно участвовала в создании «петербургского мифа».

Была, возможно, и еще одна причина, почему болотная «составляющая» заняла столь прочное место в литературном образе Петербурга: сами свойства болот как чего-то зыбкого и ненадежного давали материализованное, предметное выражение ощущения нереальности, неправдоподобности этого города-фантома. Вспомним Ф. М. Достоевского, называвшего Петербург «самым фантастическим», «самым отвлеченным и умышленным городом»; вспомним вот это место из «Подростка»: «Мне сто раз среди этого тумана задавалась странная, но навязчивая греза: „А что, как разлетится туман и уйдет кверху, не уйдет ли с ним вместе этот гнилой, склизкий город? Поднимется вместе с ним и исчезнет как дым, и останется прежнее финское болото, а посреди его, пожалуй,

для красы, бронзовый всадник на жарко дышащем, загнанном коне?»»

Образ «города на болоте» (или возникшего из болота) то и дело мелькает у многих поэтов XIX и начала XX века, например у Н. М. Языкова (1825), В. И. Романовского (1837), Н. А. Некрасова (1859), В. В. Князева (1910), Н. А. Агнивцева (1921). А поэт В. С. Курочкин прямо ставит знак равенства:

В этом-то болоте,
В Петербурге, то-есть...

(1862)

Интонация «болотной» темы постепенно меняется с победной на все более мрачную. Особенно же зловещей становится она там, где мотив «города на болоте» сливается с мотивом «города на костях», — ведь именно болота были, в конечном счете, непосредственными виновниками гибели тысяч строителей. Вначале этот мотив звучит почти нейтрально, но затем приобретает ярко обличительную окраску:

За что в убийственной работе
Толпы людей погибли там,
Где нынче город на болоте
Чело возносит к облакам...

А. Н. Яхонтов (1863)

Вспомним также известное стихотворение Я. П. Полонского «Миазм» (1868), в котором призрак «мужика косматого» — погибшего на болотах строителя Петер-

бурга — через полтора столетия появляется в барском доме и губит больного ребенка.

Судя по тому, как вместе с поступью XIX века сгустились «болотные» краски в образе Петербурга, можно, пожалуй, подумать, что болота постепенно и неотвратимо надвигались на город. Но в действительности было как раз наоборот. К середине — концу века болот в пределах города оставалось совсем немного и они не вторгались в такой степени, как раньше, в повседневную жизнь: уже не нужно было забивать сваи, менять сгнившие основания домов и тем более — пробираться по городским трясинам. Иными словами, образы петербургских болот в поэзии и литературе уже не возникали из реальных впечатлений, но становились неким условным литературным приемом. И чем меньше болот оставалось в Петербурге, тем чаще и мрачнее звучали «болотные» мотивы в литературе, — вот один из поистине петербургских парадоксов!

Впрочем, справедливости ради стоит отметить, что речь о болотах шла уже в формах прошедшего времени (собственно, не о самих болотах как деталях городской природы, а о городе, построенном на них; сами же болота как бы ушли под землю, легли в основание города).

Отметим еще одну любопытную деталь. Всё новые и новые поэты писали о Петербурге; сложившийся образ города, волей или неволей, требовал непременно участия болот, — но не писать же было об окраинах и окрестностях, когда речь шла о столице! И вот стала происходить незаметная подмена: вместо собственно болот в поэзии все чаще стали упоминаться сопряженные с ними при-

меты, так сказать, климатического плана — туманы, сырость, сырая мгла и т. д. (что, кстати, вполне оправданно и с чисто природоведческой точки зрения). Некоторые примеры:

И вот опять ползут косматые туманы
Из северных болот и сумрачных лесов...

А. А. Коринфский (1891)

Убийственный туман спустился над столицей
<...>
Высасывает кровь из нас сырая мразь.

И. И. Коневский (1899)

И еще об одной примечательной ноте в петербургской «болотной мелодии» — у поэтов «серебряного века». Хотя к этому времени болота реальные давно уже покинули столицу, «болота» поэтические продолжали выступать в роли ее символа; теперь он уже не только впитал в себя реалии прошлого, но и оброс литературными наслоениями предыдущих десятилетий. По-прежнему звучат мотивы «проклятого города» (именно так назвал В. В. Князев свой цикл стихов, в которых вспоминаются «бесконечные тыщи жертв гнилого болота», «черным вампиром болото алую кровь их сосет», 1916). Или вот еще — у С. М. Городецкого (1910):

Иль это мечь болот забитых,
Природы скудной жалкий смех?
Иль всех мучительств, в топи скрытых,
Зияющий потомкам грех?

Но появляется и нечто новое: поэтам рисуется картина возвращения петербургских болот в будущем как одна из конкретных форм, в которых сбудется пророчество о гибели Петербурга.

Нет! Ты утонешь в тине черной,
Проклятый город, Божий враг!
И червь болотный, червь упорный
Извест твой каменный костяк!

З. Н. Гунпиус (1909)

В этом плане символические болота ставятся поэтами рядом со вполне реальной стихией — наводнениями (ведь сколько было в те годы поэтических и иных пророчеств о гибели Петербурга под волнами наступающего моря!).

В советское время литература быстро забыла о петербургских болотах — и сами они исчезли, да и восприятие города в корне изменилось (Ленинград — «город-труженик, город-герой»). Последние гаснущие отзвуки темы «города на болоте» еще слышны иногда в советской поэзии 1920—1930-х годов. Это и стихотворение Э. Г. Багрицкого «Ленинград» (1922—1924) о «городе на костях», и отдельные упоминания, но уже с нейтральной окраской, о зданиях, стоящих «над болотом, скованном цепями тяжеловесных, каменных громад» (П. Н. Лукницкий, 1922—1927). А у Н. Н. Асеева игра звуками («светлый город болот и баллад», 1925—1927) смывает с болотного мотива последние следы зловещей окраски.

О «болотном прошлом» города вспомнили и в блокадной поэзии, но лишь для того, чтобы противопоставить зыбкость болотной почвы и стойкость Ленинграда:

Петр построил его на болоте,
А прочнее земли не найдешь!

Е. И. Рывина (1943)

Итак, в истории петербургских болот вырисовываются две линии. Одна — реальная действительность, постепенное завоевание болот, построение города, вознесшегося «из топи блат», полное изгнание из петербургской городской природы этого неперемennого и характерного ландшафта Северо-Запада. Другая же — восприятие болот жителями, отражение этого явления природы в умах и эмоциях петербуржцев; линия неровная и прихотливая, отнюдь не связанная напрямую с судьбой реальных болот, но явно зависящая от изменения образа города в сознании горожан. Не правда ли, какой любопытный сюжет на тему «Природа и ее восприятие человеком» преподносит наш город?

О петербургской флоре

Вернемся к тому времени, когда «волей роковой над морем город основался». По мере строительства столицы исчезал, таял первоначальный растительный покров. Но появлялись и новые, уже чисто городские места, пригодные для поселения растений. Начнем с того, что стены только что воздвигнутой Петропавловской крепости были земляными (лишь к 1740 году их заменили каменными), как и валы ее кронверка. Сам кронверк представлял собой огромный нерасчищенный пустырь, который по правилам фортификации нельзя было застраивать, чтобы враг не мог незаметно подобраться под стены крепости. Земляными были и крыши первых домиков, сооружаемых строителями (один из иностранцев писал, что крыши, покрытые свежим дерном, напоминают зеленый луг [194]). В новорожденном городе возникали и другие местообитания: вырубки и просеки в лесу, отвалы осушительных каналов, а в дальнейшем — обочины дорог и улиц, незамощенные площади (они же часто

и пустыри), гласисы и плац-парады, набережные каналов, дворы и т. д. И все эти новые места сразу же обживались растениями — одними видами на короткое время, другими надолго. Здесь находили приют не только остатки местной лесной, болотной и приречной флоры, но и — в основном — совсем иные виды, для которых условия городских местообитаний оказались вполне приемлемыми. Началось формирование особой городской флоры.

Часть ее (немалую на первых порах) составляли некоторые местные виды, уцелевшие в составе городских лесов, лугов, болот. Однако с постепенным исчезновением этих остатков первоначальной растительности таяла и эта группа видов. Более многочисленны и устойчивы оказались проникшие из соседних селений сорняки и рудеральные, или «мусорные», растения — спутники человеческих поселений (крапива, лопух, чистотел), а также придорожные травы — птичья гречишка, подорожник и другие. Они и сейчас растут в городе на пустырях, во дворах, по обочинам пешеходных тропинок. Не меньшую долю во флоре новой столицы составили чужеземные виды — выходцы из более отдаленных местностей, а иногда даже с других континентов. Об этих видах стоит рассказать особо.

Какими путями проникали в Петербург растения-«пришельцы»? (Кстати, этот термин популярен не только в научной фантастике, но и в той отрасли ботаники, которая изучает пути распространения растений. Пришлыми, пришельцами называют растения, которые поселились

в данном районе в результате заноса их человеком, акклиматизировались и заняли прочное положение в растительном покрове района.)

Безусловно, немалую роль в заносе зачатков растений (семян, спор, а иногда и частей взрослых растений) сыграли людские потоки, хлынувшие в новую столицу. Это были прежде всего сами строители Петербурга, сгоняемые со всех концов России. Так, по указу Петра I уже в 1704 году их должно было прибыть до 40 тысяч, а за пять лет (1712—1717) было послано около 150 тысяч [87]. Пришлыми были и «переведенцы», составившие основу постоянного населения Петербурга, — мастеровые и крепостные крестьяне из разных областей. А в 1712 году был издан указ Сената о переселении дворян из поместий для постоянного проживания в столице.

Для нас интересна география потоков мобилизованного труда. Она очень обширна: например, в 1704 году «подкопщики» (землекопы) должны были прибыть из 85 мест страны, в 1705-м — «с 35 городов, с посадов, дворцовых волостей, поместьев, вотчин всяких чинов людей...» [62]. Работники прибывали в Петербург на одну смену, по два месяца: с начала весны — из ближних земель, во вторую смену — из средней полосы России и в третью — из приволжских и прикамских земель. В строительстве не участвовали лишь Поморский Север, Сибирь и самые южные районы России.

Вместе с людьми и домашним скарбом в город наверняка незаметно проникали семена растений-антропо-

хоров*. Хотя у нас сейчас нет точных сведений о роли людских потоков в формировании начальной флоры Петербурга, можно с уверенностью сказать, что они принесли с собой немало среднерусских видов, до той поры не встречавшихся (или весьма малочисленных) в Приневской низменности. Этот процесс продолжался и в последующие времена, ибо Петербургу всегда требовались рабочие руки. Наиболее активными их поставщиками были губернии Ярославская, Псковская, Тверская, Новгородская, Витебская.

Был и еще один весьма существенный канал заноса растений-пришельцев. Всю огромную массу строителей и новопоселенцев нужно было прокормить. Уже в первые годы в городе стал ощущаться острый недостаток продовольствия — и в столицу гнали скот (по некоторым сведениям, даже из Казанского царства и Турции, с Украины, из «Калмычих и Черкасских орд»), везли зерно, крупы (из районов Средней Волги, отчасти с Украины и Орловщины), растительное масло и другие продукты земледелия [20; 33; 105]. С ними, конечно, попадали и семена южных сорняков. Этот канал заноса действовал и позже, в XIX веке, когда крепостные деревни продолжали снабжать припасами своих столичных владельцев.

* Антропохорами называют растения, распространению которых невольно содействует человек: их цепкие, липучие семена легко переносятся на одежде, обуви, с багажом и транспортом; вспомним хорошо всем известные неотвязные репейники; но и виды с обычными семенами могли стать антропохорами, если по каким-либо причинам попадали в случайные «попутчики» переселенцев.

Привозили также пеньку, которая в больших количествах требовалась для корабельного дела, а с ней проникали растения, засоряющие посевы конопли.

Источником заносной флоры являлся и привозимый в столицу фураж для лошадей, поскольку было «лугов для сенокосу хотя и предовольно, но для множества жителей при царствующем сем граде сеном без привозу из других мест удовольствоваться не можно» [20]. На пейзажах

И. И. Шарлемань. Пажеский корпус (быв. дворец Воронцова) со стороны Садовой улицы. 1863

Заносные растения проникали в город разными путями, в том числе и с фуражом. Воз с сеном можно было увидеть не только где-нибудь на окраине, но и на одной из главных улиц.

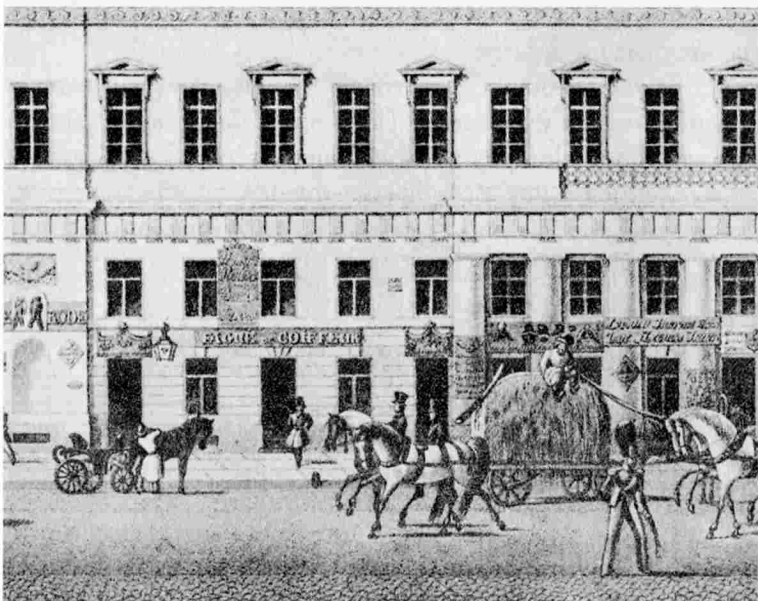
Петербург XVIII—XIX веков часты изображения возов с сеном, причем не только на «законном» месте — Сенном рынке и окружающей площади, но и близ таких парадных зданий, как Казанский собор и Пажеский корпус. Известно несколько видов обычных среднерусских луговых трав, занесенных в ближайшие окрестности Петербурга с овсом, — например, злак бекмания, тысячеголов (травя с мелкими розовыми цветками из семейства гвоздичных) и другие.

В целом потоки сельскохозяйственных грузов, шедшие в основном из глубинных (южных и юго-восточных по отношению к Петербургу) губерний России, как и потоки переселенцев, способствовали «русификации» исходной прибалтийской флоры. И сейчас из 1287 видов в Ленинградской области числится более 10% заносных [90].

Можно было бы предположить, что в молодой Петербург — только что возникший новый балтийский порт — начали проникать и растительные пришельцы из дальних («заморских») стран. И такое предположение не лишено было бы основания, ведь порты издавна являлись входными воротами для чужеземных растений, незаметно переплывавших океаны вместе с кораблями, грузами, пассажирами. Ботаники знают примеры, когда по составу флоры портов государства можно было уверенно судить о его внешнеторговых связях. Так, во французских средиземноморских гаванях до 1815 года наряду с местными растениями встречались лишь восточные и алжирские, с 1830-го стали появляться южноамериканские, а после 1870 года и австралийские; в изменениях флоры портов

хорошо отражались повороты во внешнеторговой политике Франции [57].

Но в Петербурге дело обстояло иначе. Здесь приток чужеземной флоры не имел такого значения, как для других портовых городов. Правда, еще до основания города кре-

В. С. Садовников. Панорама Невского проспекта. 1830—1835.
(Фрагмент)

Воз с сеном на главном проспекте города — вполне типичная деталь того времени (не случайно он показан в качестве стаффажа на известной панораме).

пость Ниеншанц на реке Малая Охта и посад Ниен на реке Большая Охта, в те времена судоходной, были торговыми центрами, куда в XVII веке прибывало более сотни кораблей в год [87]. Однако товары, привозившиеся русскими купцами из Новгорода, Ладоги, Тихвина, Москвы, вряд ли могли обогатить местную флору заносными растениями из дальних стран. Но вот в первой четверти XVIII века морская внешняя торговля России круто повернула с прежнего беломорского пути (через Архангельск) на балтийский, и Петербург стал ее главными воротами. И все же, несмотря на новую обширную географию торговли — с Англией, Голландией, Германией и даже Венецией и «Гишпанией», приток иноземных растений вряд ли увеличился, судя по составу товаров, ввозившихся из-за рубежа [86]. Половину импорта составляли готовые изделия — ткани, красильные вещества, предметы роскоши и т. п. Вспомним, что украшало кабинет Евгения Онегина:

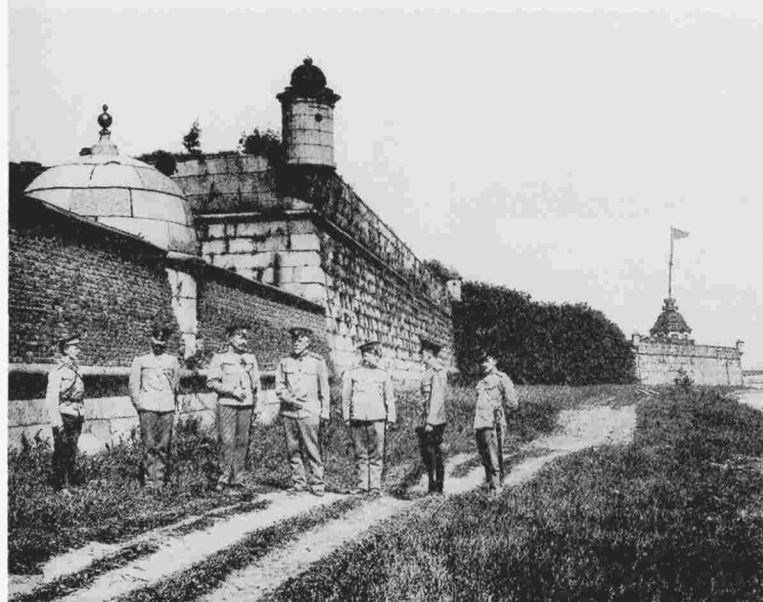
Все, чем для прихоти обильной
Торгует Лондон щепетильный
И по Балтическим волнам
За лес и сало возит нам,
Все, что в Париже вкус голодный,
Полезный промысел избрав,
Изобретает для забав,
Для роскоши, для неги модной...

Из продуктов растительного происхождения ввозили сахар, вина, пряности — то есть совсем не те грузы, с которыми в столицу могли бы попасть иноземные виды растений. Скорее можно говорить об обратном потоке —

непреднамеренном вывозе видов российской флоры за рубеж. Наверняка они попадали туда с такими традиционными русскими товарами, как лен, а позже пенька, вывозившиеся через петербургский порт. (Заметим попутно, что и в более поздние времена, когда процветал сельскохозяйственный экспорт из нашей страны, торгующие с ней государства не раз обнаруживали у себя на полях «русские сорняки».)

С середины XIX века появился еще один канал пополнения петербургской флоры заносными видами, причем издалека: железнодорожный транспорт. Ботаникам хорошо известно, что это один из самых действенных агентов распространения зачатков чужеземных растений: во-первых, они завозятся при постройке самой железной дороги (создании насыпи); во-вторых, проникают в отдаленные районы с транспортными средствами, грузами, пассажирами. Кроме того, вдоль дороги и на открытых откосах создаются особые экологические условия (сухость почвы, сильное прогревание, песчаный грунт и т. д.), благоприятные для поселения иноземных, чаще всего южных, видов. И действительно, состав растений, поселившихся на железнодорожных путях и насыпях, часто настолько отличается от местной флоры, что в ботанике даже возникло особое понятие — «железнодорожная флора». По выражению одного ботаника, железные дороги — это «узенькие тысячеверстные полоски-щупальца, с помощью которых как бы нащупывается возможность произрастания видов в иных климатических зонах, часто очень далеко от первоначальной их родины» [35].

Первая в России железная дорога, связавшая Петербург с Царским Селом, была построена в 1837 году, а уже в 1840-м на ней были найдены новые для этой местности растения. Но дорога была короткая, без балласта, и явно не могла оказать существенного влияния на флору Петербургской губернии. Тем не менее здесь были найдены некоторые южные пришельцы, например степные

В Петербурге растения-литифиты («любители камня») особенно охотно поселяются на стенах и бастионах Петропавловской крепости.
Фото 1901 г.

растения люцерна серповидная и козлобородник луговой. В 1851 году вошла в строй железная дорога от Петербурга до Москвы — уже на настоящей насыпи, двухпутная. И сразу же в ботанической литературе стали появляться заметки о находках заносных растений на железнодорожном полотне. Так, по железной дороге «прибыли» в столицу известные в южных районах сорняки из родов василек, гулявник и другие. А в 60-х годах XX века в железно-

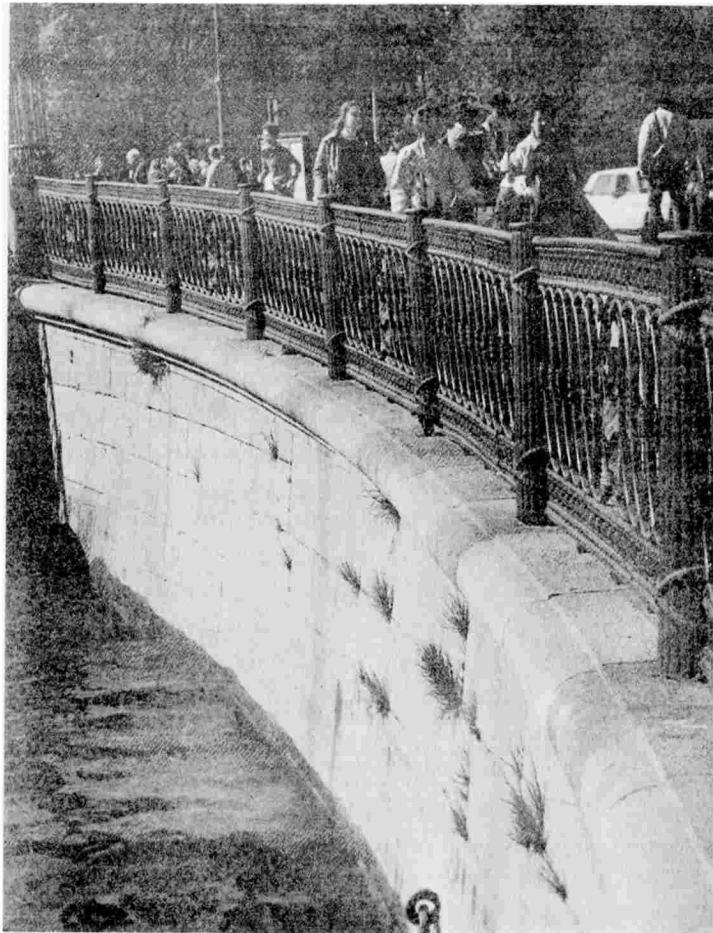

Иногда на бастионах Петропавловской крепости вырастают целые деревья. *Фото 1980-х гг.*

дорожной флоре нашей области таких пришлых видов насчитывалось уже более 180 [45]. Особенно часто пришельцы появлялись близ вокзалов, в местах разгрузки вагонов — у тех «ворот», через которые они могли проникнуть и где они то и дело «стучатся» в город.

Итак, для формирования своей, городской, флоры в Петербурге было достаточно и мест поселения, и путей заноса растений. Однако далеко не все виды могут прижиться в городе или просуществовать в нем хотя бы недолго. Здесь и экологические условия более суровы, чем «на воле», да и городская гигиена, требующая содержания улиц, площадей, дворов в чистоте, не позволяет растениям долго удерживать занятые позиции. Так, без сомнения, было и в Петербурге. По мере расширения застройки и роста города все меньше становилось пустырей, незастроенных мест, земляных насыпей и т. д. Центральная часть города приобретала цивилизованный, ухоженный вид, и именно здесь городская флора оскудевала в первую очередь, ибо растения — самовольные поселенцы — стали изгоняться отсюда еще с первых десятилетий существования Петербурга.

Идеалом Петра I была каменная столица — город, застроенный каменными домами, с улицами, вымощенными булыжником. В 1716 году было начато планомерное мощение улиц под присмотром немецких каменщиков. Каждый домовладелец должен был замостить проезжую часть перед своим домом шириной в 5 аршин. Для пешеходов прокладывались деревянные мостки, а в следующем столетии они были заменены тротуарами из каменных плит.

Типично петербургское местообитание растений-литофитов —
гранитная облицовка набережных рек и каналов

Мошение главных петербургских улиц было закончено в 1780-х годах. Эти меры по городскому благоустройству резко ограничили возможности расселения растений и способствовали изгнанию нежелательных и некрасивых сорняков.

Однако с появлением в городе такого нового местобитания, как гранитные стены и парапеты, кое-где стали появляться и новые поселенцы — растения-литофиты (от греч. «lithos» — «камень» и «phyton» — «растение»),

Охотно селятся растения между ступенями каменных лестниц

обитающие в расщелинах между камнями и плитами. Например, в 1762—1763 годах одной из свежих находок на стенах Петропавловской крепости было растение цимбария настенная — явный пришелец из Западной Европы, где она издавна росла на стенах старинных замков, руинах, каменных оградах. Были, конечно, здесь и случайные литофиты, обычно растущие в других условиях. Некоторое представление об их возможном видовом составе дают

Городские растения-«пристенники» занимают узкую щель между стеной дома и тротуаром

Пришелец из Западной Европы, редкий у нас вид —
цимбалярия настенная в расщелинах и на ступенях дворца
герцога Лейхтенбергского в Старом Петергофе
(быв. имение Сергиевка)

современные находки. Так, летом 1993 года автор со студентами нашли на стенах бастионов Петропавловской крепости около двух десятков видов: цветущий колокольчик круглолистный (яркие лиловые пятна его «букетов» изда- лека привлекали внимание), кипрей горный, подорожник, тысячелистник, различные мелкие злаки и другие. В расще-

Ива на старой печной трубе

В городе есть еще одна, весьма необычная, экологическая ниша для растений: иногда они покидают привычную почву и становятся настоящими «высотниками».

линах охотно поселялись (и сейчас поселяются) всходы древесных пород и даже небольшие деревья. Впрочем, эти редкие «ботанические детали» не влияли на общую картину благоустроенности городского центра.

Примечательно, что уже в начале XIX века на многочисленных архитектурных пейзажах Петербурга растениям нет места среди обычного стаффажа; напротив,

К. П. Бегров. Вид моста, построенного через Мойку и устье Екатерининского канала. Литография. 1828

Так постепенно город изгонял дикую флору.

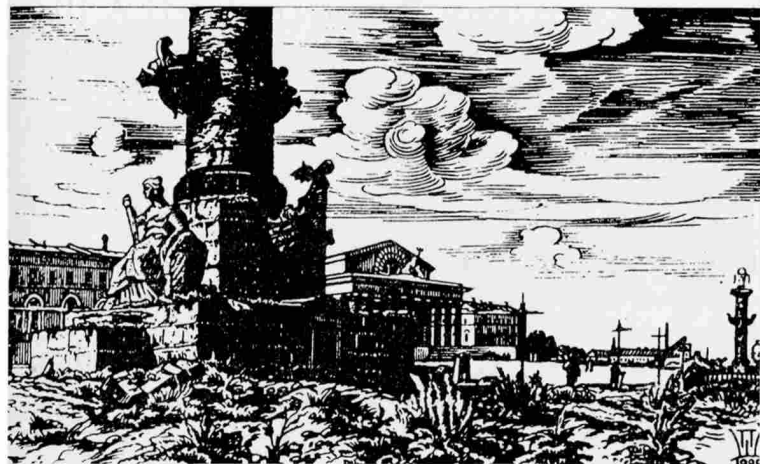
Растения, выросшие на берегах Мойки, доживали последние дни — набережную одевали в гранит.

художники всячески подчеркивали чистоту, «вылизанность» мостовых, выложенных правильными рядами булыжника. Правда, и на этих пейзажах вдруг мелькнет такая выразительная деталь, как лошадь, щиплющая травку на мощеной площади у Спасо-Преображенского собора, или лопух, буйно разросшийся среди гранитных блоков на невской набережной у Кадетского корпуса. На полотнах известных мастеров городского пейзажа XVIII века Ф. Я. Алексеева и Б. Патерсена неоднократно появляется вполне деревенская растительность — заросли мелких сорняков и крупных «пустырников» прямо напротив торжественных зданий Дворцовой набережной — под стенами Петропавловской крепости. Пышным бурьяном были покрыты еще не одетые гранитом береговые откосы вдоль рек и каналов; на одном из городских пейзажей К. П. Бегрова, где изображены работы по облицовке набережных Мойки гранитом, видны крупные сорные травы, доживающие последние дни. И на булыжных мостовых, в щелях между камнями, находилось место неприхотливым травам, особенно вдали от улиц с оживленным движением. Они стали заметны, когда на смену избирательной кисти художника пришел бесстрастный глаз фотоаппарата. На старинных фотографических изображениях Петербурга хорошо просматривается травяное окаймление булыжника, например на набережной Фонтанки. А площадь перед цирком Чинизелли выглядит местами как травяной ковер с погруженными в него камнями.

И все же растениям труднее и труднее становилось проникать в центральные районы города. Немалую роль

в этом играли бдительные петербургские дворники. «Там плитняк выскреби, да вымети, да посыпь песком; улицу вымети, сор убери; у колоды, где стоят извозчики, также все убери и снеси на двор», — перечислял их обязанности В. И. Даль в очерке «Петербургский дворник» (1844), [47]. Кстати, давно было замечено, что, по выражению ботаников, «хороший город» активно сопротивляется поселению заносной флоры.

Напротив, в годы социальных потрясений, когда не до городской гигиены, растения проникали даже в самые

П. А. Шиллинговский. Ростральная колонна. Гравюра. 1922

В дни бедствий и социальных потрясений, когда было не до городской гигиены, дикая флора (рудеральные сорняки) вновь появлялась в самых торжественных местах города.

П. А. Шиллинговский.
Издательская марка
Академии художеств.
Гравюра. 1929

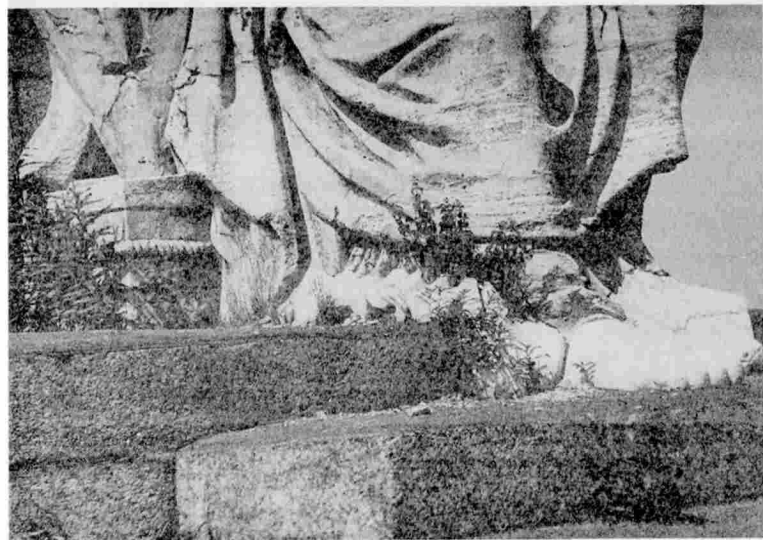
Даже в произведении малой графики художник нашел место для выразительной детали, характеризующей тогдашнюю обстановку в городе: на пьедесталах знаменитых сфинксов росла трава.

почитаемые места города. Вспомним гравюру П. А. Шиллинговского «Петроград. 1921 год» с пышными зарослями диких трав у Ростральных колонн. Этот выразительный художественный образ городского запустения был тогда же конкретизирован ботаниками: здесь нашли целый «букет» заносных видов сорняков, придорожных растений, луговых трав (мятлик, овсюг, вязель, три вида костра и др.) [91]. Писатель В. Б. Шкловский вспоминал, что в те годы сюда даже приносили кроликов для кормежки... Всего же на улицах Петрограда в 1920 году академик В. Л. Комаров насчитал 120 видов диких растений [148].

Возвращение дикой флоры в город в первые послереволюционные годы внесло, видимо, свою лепту в то ощущение своеобразной красоты умирающего Петербурга, о которой писал Н. П. Анциферов [5]. Еще определеннее сказал об этом другой петербуржец, литературный критик М. Яремич, любясь «васильками и ромашками, появившимися между гранитных плит и у панелей», «волшебной

прелестью случайного... там, где все было заключено в камень и сковано железом» [197]. Но в совсем ином ключе этот мотив звучит в воспоминаниях А. А. Ахматовой о Петербурге 1920 года: «Сыпняк, голод, расстрелы, темнота в квартирах, сырые дрова, опухшие до неузнаваемости люди. В Гостином дворе можно было собрать большой букет полевых цветов» [8]. (Здесь полевые цветы в городе — такая же зловещая деталь, как и другие.)

И еще раз подойдем к Ростральным колоннам. Уже в совсем недавнее время, в начале 1990-х годов, когда многое обрушилось и стало не хватать средств на поддер-

У Ростральной колонны. Фото 1991 г.

жание городской чистоты, пышные заросли иван-чая, полыни, лопухов и других трав не замедлили появиться у ног статуй, украшающих знаменитые колонны.

Да и просто мимолетно возникающие и исчезающие неустроенные места в городе (клочки пустырей, отвалы грунта и т. д.) немедленно осваиваются дикой флорой. Так было на земляных «горах» недавнего «долгостроя» — площади Труда, так было и в конце 1980-х годов при

А. Дюран. Демидовский дом призрения. 1843

В первые два века жизни Петербурга лишь редкие дымы из печных труб нарушали чистоту городского воздуха; да и то лишь зимой, когда растения, потерявшие листья, «не замечают» дымовых примесей.

частичной реконструкции Балтийского вокзала. Пока не заасфальтировали вновь создаваемую платформу, на ней в течение двух лет пламенели густые цветущие заросли иван-чая — обитателя вырубок и гарей, семена которого быстро и далеко разносятся ветром.

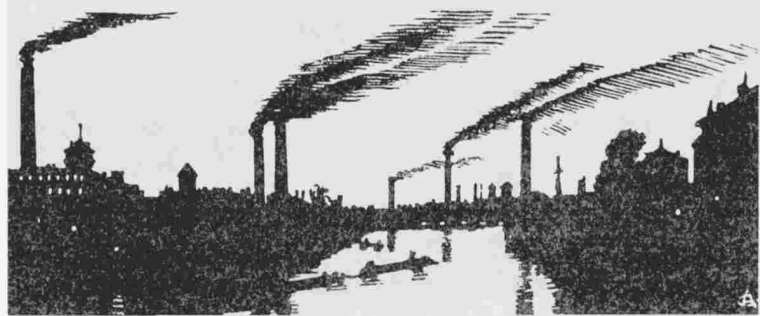
Но вернемся в старый Петербург. Уже в XIX веке в жизни городской флоры появились новые затруднения,

Т. А. Васильев. Вид Петербургских островов и Невы с одним из первых русских пароходов. 1820

Художник специально акцентировал черный пароходный дым как экзотическую для того времени деталь. На самом же деле речные пароходики вряд ли могли сколько-нибудь повлиять на петербургский воздух.

которые стали сказываться на ее составе и обилии. С развитием промышленности и транспорта, с увеличением этажности и тесноты застройки — словом, с наступлением всех тех изменений среды, которые мы теперь именуем урбанизацией, стали ухудшаться экологические условия обитания растений. Если опять-таки обратиться к иконографии Петербурга — Петрограда, то можно проследить, как постепенно росло задымление городской атмосферы. На полотнах начала XIX века городской воздух чист и прозрачен, лишь иногда видны скромные дымы из домовых труб на зимних городских пейзажах. В 1820-х годах на видах Невы и островов появляются первые густые дымные хвосты от речных парходиков; однако пока это лишь экзотическая

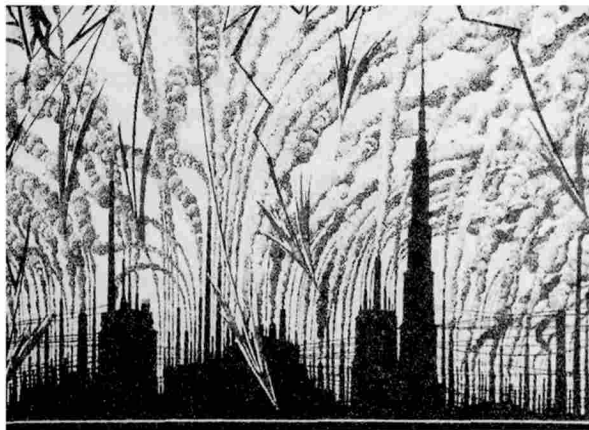
А. П. Остроумова-Лебедева. Ленинград. Вид с Сампсониевского моста на фабрики Выборгской стороны. 1930

В конце XIX — начале XX в. внимание художников привлекают уже не редкие дымы, а густые дымовые шлейфы, повисшие над городом.

деталь, иногда явно подчеркнутая, но не вызывающая тревоги. А уже в 1870—1880-х годах обычной приметой петербургских ландшафтов становятся дымящие фабричные трубы, и с этих пор дымная завеса в изображениях города (у М. В. Добужинского, С. В. Чехонина, А. П. Остроумовой-Лебедевой и др.) все густеет. Интересно, что с появлением в начале XX века нового ракурса обзора города — сверху, с аэропланов — сразу же было замечено, насколько задымлен и запылен городской воздух. Поэт В. В. Князев в качестве эпиграфа к одному из разделов цикла стихов «Проклятый город» (1914) поставил следующие слова: «„Петрограда вы не видите. Там, где он должен быть, большое темно-серое, почти черное, пятно. До того загрязнен воздух“». (*Показания летчиков*)».

Пришлось отступить за городскую черту многим видам растений, не выносящим загрязнения воздуха и прочих губительных влияний городской среды. (Эти виды так и называют — «урбанофобы», то есть «боящиеся города»; таковы, например, многие лесные и луговые травы, хвойные древесные породы.) Да и негде было селиться растениям в каменных дворах-колодцах.

Стоит отметить, что урбанизация проявлялась не только в ухудшении среды и обеднении городской флоры, но и в определенном изменении восприятия растительного мира горожанами. Те синантропные растения (спутники человека), что раньше были обычным, повседневным фоном — во дворах, на улицах, на пустырях, теперь становились редкими гостями городского пейзажа. Они останавливали на себе взор, напоминали о приволье дикой

С. В. Чехонин. Обложка журнала «Эхо». 1925
На этом фантастическом городском пейзаже воздуха
уже почти не осталось.

природы, которой был лишен житель каменного города. Недаром такая, казалось бы, малозначащая деталь, как трава на мостовой, стала проникать в поэтические строки.

Капитель колонны, украшенная стилизованными листьями аканта

В архитектуре барокко и классицизма одним из главных элементов декора колонн и фасадов зданий был лист аканта в его условной, строго канонизированной форме.

...И когда я травинку меж плит поцелую, —
Не все расхохочутся громко.

М. Л. Моравская (1913)

Самые обычные сорняки, не замечавшиеся ранее, а теперь быстро покидающие город, переходят в ранг своего рода экзотов — и вот уже они нередко становятся «героями» модерна, самого «растительного» из художественных стилей. Если в молодом Петербурге классицизм украшал здания листьями аканта и колосьями, то на стенах петербургских зданий эпохи модерна, на рубеже XIX и XX веков, наряду со столь любимыми им ирисами, маками,

Живые листья одного из видов аканта

водными растениями, можно встретить колючие листья чертополоха и головки бодяка, листья борщевика, скромные цветы ромашки и колокольчика. Охотно использовало синантропную флору и прикладное искусство модерна — ее изображения проникали в жилища петербуржцев на росписях стен, в украшениях мебели и посуды, узорах вышивок. Так изгнанные из города растения возвращались в него, но уже в ином облике.

С первых лет существования новой столицы ее растительный мир привлекал внимание ученых. Волею Петра I Петербург сразу же стал формироваться не только как государственная и военная столица, но и как центр науки. Среди ученых — призванных иностранцев, а впоследствии и выращавших отечественных — были видные естествоиспытатели, для которых природа осваиваемой местности была настоящей «терра инкогнита», благодарным предметом для исследований. В особенности это относилось к растительному царству — ведь интерес к познанию растений имел в те времена ярко выраженную практическую основу. Ботаника (обозначаемая как «травознание» или еще более диковинным словом — «прозябословие»*) считалась частью медицины, и занимались ею как естествоиспытатели, так и врачи, которых интересовали целеб-

* От старинных слов «прозябение», «прозябаемое» — растение; «прозябать» — произрастать. Вспомним тут, кстати, одну из побасенок небезызвестного Козьмы Пруткина о невежде-садовнике, который, не зная значения этих слов и получив приказ: «блюда особенно ты за растеньем сим; пусть хорошенько прозябает», уморил редкостное растение холодом.

Декор фасадов зданий: слева — листья и соцветия чертополоха (Малый пр. Петроградской стороны, 66/32); справа — листья борщевика (Большой пр. Петроградской стороны, 47)

На рубеже XIX и XX вв. петербургские архитекторы стали охотно использовать в декоре домов дикую флору, уже не заботясь о том, чтобы «пригладить» ее.

ные свойства растений, — лечение травами было одной из основ практической медицины.

Сам основатель города, не будучи, конечно, ученым, проявлял живой интерес к естественным наукам. На первых порах это, по-видимому, был интерес к необычному, диковинному. Одна из легенд повествует о том, как Петр I нашел на берегу Невы сосну, у которой толстый сук, отходящий от ствола, изгибался полукругом и выше снова вращался в ствол. Царь повелел срубить сосну, приговаривая: «Где нашел я сие любопытное дерево, тут да будет со временем построена и Кунсткамера», а отрубок сосны стал первым экспонатом первого столичного музея [13]. В зарубежных поездках Петр I с помощью лейб-ме-

дика Р. Арескина приобретал для Кунсткамеры уже не только ботанические диковины (вроде «удивительного корня райского дерева Аилое»), но и различные экспонаты, «принадлежащие до царства прозябаемого», — «зелья и семена из дальних стран», несколько «травников», содержащих описание около 16 000 видов растений. А затем наступил черед и интереса к местной флоре. Историк петербургского Ботанического сада В. И. Липский пишет, что Петр I и Арескин были «первыми собирателями гербария» и что «в Москве до пожара 1812 года гербарий, собранный Петром, долго сохранялся в архиве; а затем остались лишь несколько его листов, но и они потерялись» [79].

Судя по описанию, гербарий Петра I включал в себя в основном листья; а в собранном в 1709 году гербарии Арескина растения помещены на гербарных листах без корней, и снизу к ним пририсованы вазочки. Другими словами, занятия царя и его лейб-медика «травознанием» носили дилетантский характер. Гораздо важнее организаторская деятельность Петра I в этом направлении, способствовавшая пробуждению и поддержанию интереса к изучению растительного мира. Для Кунсткамеры приобретались ботанические коллекции зарубежных ученых; переводились лучшие иностранные сочинения; закладывались аптекарские огороды; приглашались, как уже отмечалось, естествоиспытатели из других стран.

Историки науки насчитывают одиннадцать ученых, изучавших флору Петербурга в XVIII веке (семеро иностранцев, которых русская флора привлекала как своеобраз-

разная экзотика, и четверо русских). По-видимому, первым исследователем был евангелический пастор Вильгельм Толле, служивший в шведском флоте, а затем ставший настоятелем первой лютеранской церкви Петербурга. Человек весьма образованный (он знал четырнадцать языков, занимался археологическими раскопками в районах Шлиссельбурга и Старой Ладого), пастор интересовался и «натуральной историей»: во время Северной войны он собрал гербарий местной флоры — более трехсот видов. Позже приглашенный Петром I немецкий ученый Иоганн Буксбаум, проведя «медико-ботанические исследования», составил первый список «трав диких», произрастающих в окрестностях столицы. Свой вклад в изучение флоры Петербурга внесли академик Иоганн Георг Гмелин и знаменитый исследователь Камчатки, первый русский профессор ботаники Степан Петрович Крашенинников. Его не изданные при жизни труды по флоре Петербургской губернии были затем обработаны и дополнены придворным врачом, голландцем М. Гортером, который в 1761 году опубликовал исследование «Флора Ингерманландии» (на латинском языке).

Первым полным собранием сведений о петербургских растениях стал вышедший в свет в 1801—1802 годах двухтомник Г. Г. Соболевского, имевшего титул «Профессора Ботаники и Материи Медики» [165]. Любопытно пространное заглавие этого капитального труда: «Санктпетербургская флора, или Описание находящихся в Санкт-Петербургской губернии природных растений, с приложением некоторых иностранных, кои на открытом воздухе в здешнем странорасположении удобно произрастают, и с показа-

нием оных силы, действия и употребления, в пользу для сельских жителей и любителей травознания». В духе времени автор составил и пояснительную надпись к аллегорической виньетке-картинке, открывающей книгу: «Орел, несущий в медальоне вензловое Его Императорского Величества Имя и лавровую ветвь, парит к Солнцу. Флора, богиня цветов, повергшись на колена, одною рукой полагает на жертвенник фимиам, а другою возносит к Августейшему имени корзину с цветами. Гений при подножии богини Изида, представляющей самую натуру, опершись на Санктпетербургский герб, подает Флоре цветы в присоединение к общей жертве. Позади Флоры виден Эскулапий. Аллегорический смысл всего изображения заключается в словах, обращаемых к Всемиловивейшему Государю, *Твоя от Твоих*, то есть, что дары природы, в окрестностях престольного Его града произрастающие и на разные употребления, а особливо на пользу врачевания служащие, Ему, яко обладателю и Покровителю, Его же верноподданным с благоговением посвящаются». А кончалась книга «Списком особам, благоволившим взять билеты для получения книги под именем Флоры Санктпетербургской», так как издавалась она по подписке. Всего в этом списке было 83 «особы» (или, говоря по-нынешнему, спонсора) — цифра немалая для тогдашнего Петербурга.

Исследования флоры, в которых принимали участие и студенты Соболевского, были проведены весьма тщательно, судя по результатам: двухтомник содержит описание 676 видов цветковых растений и 362 вида споровых (включая грибы, которые тогда тоже считали принадлежа-

Трава отъ Таволги...

Вишетка книги
Г. Г. Соболевского
«Санктпетербургская флора»
(1801—1802)

Так оформляли научные труды в начале XIX в. Двухтомное сочинение Г. Г. Соболевского предваряла заглавная вишетка — аллегорическое изображение с пояснительной подписью автора.

щими к царству растений).
Чрезвычайно любопытны для современного читателя пространные пояснения к описаниям растений. Они непременно содержат сведения об их лечебных и ядовитых свойствах, например: «от простудных болей в членах, от ушибу», «от задумчивости, меланхолии и бешенства или бреда, который бывает без горячки». Лишь о немногих видах говорится кратко: «в лекарство не употребляется, невинная (безвредная. — Т. Г.) трава». О многих растениях сообщается также, какой скот их охотно ест (что было немаловажно для тогдашнего Петербурга). Есть и такие суждения: «хорошие домоводители сеют его (мышинный горошек. — Т. Г.) нарочито для корму скотине, семена же варят людям в похлебках вместо круп».

В XIX — начале XX века петербургские ботаники гораздо больше внимания уделяли исследованию растительного мира центральных районов и отдаленных окраин Российской империи, нежели столицы и ее окрестностей, и потому серьезных исследований о местной флоре не появлялось. Публиковались лишь отдельные заметки о находках не отмечавшихся здесь ранее видов растений. Интересно, что круг авторов этих заметок довольно широк — от ученых-специалистов и врачей до священников и слушательниц Высших женских курсов.

Но было бы неверным считать, что ботаников интересовал только «списочный состав» городских растений. Хотя это направление изучения растительного мира Петербурга и окрестностей и было основным (особенно в XVIII веке), не оставались без внимания и различные стороны жизни растений в городе, в частности сезонное развитие, которое изучает наука о сезонных явлениях в природе — фенология. И опять приходится первым назвать царя Петра I, проявившего интерес и к этой стороне жизни «натуры». В 1721 году, выбирая наиболее благоприятные участки для разбивки парков в окрестностях столицы, он велел Меншикову присылать ему еженедельно из разных мест засушенные «дубовые, рябинные и березовые сучки и цветы, также и травяные листочки... с надписанием чисел, дабы узнать, где раньше началась весна». Более обстоятельно фенологические наблюдения велись в Петербурге в середине XVIII века учеником К. Линнея И. П. Фальком и некоторыми членами Академии наук. Одним из первых результатов стало опубликованное в 1759 году «Рассуждение о при-

чине, для чего дерева в Москве и здесь (в Петербурге. — Т. Г.) в одно почти время плоды приносят».

С середины XIX века ежегодные систематические наблюдения за сезонным состоянием природы велись в парке Лесного института (позже — Лесотехнической академии), а в конце столетия — замечательным русским фенологом Д. Н. Кайгородовым и его многочисленными добровольными помощниками. В течение нескольких десятилетий петербуржцы узнавали о ходе весны, сроках цветения растений, созревания плодов и прочих сезонных явлений из публикуемых Кайгородовым кратких календарей петербургской природы и обобщенных сводок по десятилетиям (см. например, [60]).

И все же, говоря об исследованиях городской флоры, мы прежде всего имеем в виду установление количества и состава видов растений, их географического происхождения, миграций и расселения в городе. В этом плане изменения в городской флоре продолжают и в наши дни. Стоит вспомнить, например, появление открытых дворов-полян в новых микрорайонах, где поселилось множество луговых, придорожных, сорных видов, а иногда можно встретить посаженные жителями и уже одичавшие экзоты [39]. В отличие от многих крупных городов мира, Петербург пока не имеет полного списка обитающих в нем видов растений. Современная петербургская флора еще ждет своих исследователей.

Приглашенные иноземцы

Речь пойдет не о тех иностранцах, которых Петр I, за неимением на первых порах собственных специалистов, приглашал к себе на службу, а все о тех же растениях Петербурга. Ко всем произвольным, «самодеятельным» ручейкам флоры, втекавшим в молодой город, присоединялись еще и сознательно пролагаемые каналы — первые попытки интродукции* чужеземных растений, практически полезных или в каком-либо ином отношении привлечших внимание.

С самых первых лет существования Петербурга Петр I взялся за его зеленое убранство с не меньшим рвением, чем за строительство. Очевидно, были возможны разные способы устройства зеленого наряда строящегося города, и самый простой — оставить вокруг дворцов, домов и в усадьбах куски естественной природы, а парки создавать

* Интродукция в ботанике означает введение видов или сортов растений в те местности, в которых они ранее не встречались.

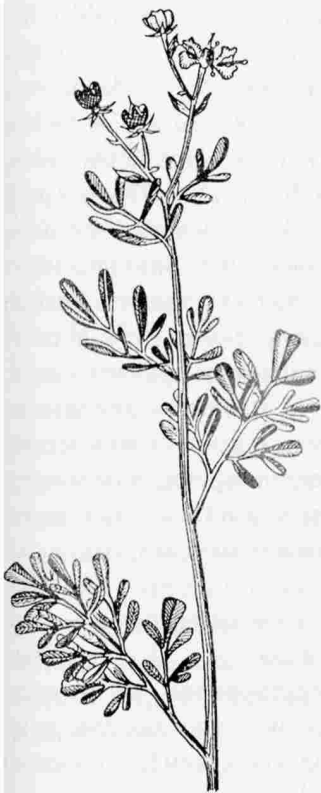
на основе сохранившихся лесов. Но такое решение не способствовало бы созданию «парадиза», о котором мечтал Петр I, ибо какой же парадиз без райских кущей? И царь избрал другой путь, приступив к активному созданию нового зеленого убранства города, нового растительного покрова на месте вырубленных лесов и осушенных болот.

Началась разбивка царских садов и парков; примеру царя следовали вельможи, окружавшие свои дворцы и дома в городских усадьбах пышными садами. Как писал позже Ж. Делиль в поэме «Сады» (1782),

Пример Двора священен богачам,
Во всех родилась страсть изящная к садам.

Петр I настойчиво старался приохотить к этому своих приближенных, передавая им — Меншикову, Апраксину и другим — часть выписанных семян и другого посадочного материала; и, вероятно, трудно было ослушаться державного садовода. При домах петербургских жителей Петр I считал необходимым разводить плодовые сады и цветы. Он писал Меншикову 3 марта 1717 года из Амстердама: «Также за потребное нахожу, дабы огород завести у Канцов (место бывшей шведской крепости Ниеншанц. — Т. Г.) на готовой земле...» Но речь шла не об огороде в современном понимании, поскольку понятия «сад» и «огород» не были столь четко разграничены, как сейчас, а о своеобразном торговом питомнике, который должен был деревья и цветы «умножать и продавать, дабы лутче было охотникам огороды строить» (имелись в виду придомовые посадки) [117].

Естественно, сам собою вставал вопрос: что сажать в новорожденном городе? Вопрос весьма ответственный, от его решения зависел будущий облик зеленого наряда города в течение десятилетий и даже столетий.

Рута пахучая

Иссоп лекарственный

Петр I принял самое деятельное участие в подборе ассортимента растений для первоначального озеленения Петербурга, распоряжаясь им практически единолично. Известно, что царь — «и мореплаватель и плотник» — владел многими ремеслами и был сведущ в разных науках. Обладал он и немалыми ботаническими познаниями, приобретенными, по-видимому, еще в ранние годы, проведенные в Москве. По словам историка И. Е. Забелина, «ни один из древних наших Царей, в домашнем своем быту, не занимался с такой страстью сельским хозяйством, как Царь Алексей Михайлович» (отец Петра), который «по живости характера, всякому делу предавался с особенной горячностью» (хотя и вошел в историю под именем Тишайшего); и, кроме того, «любил доводить всякое дело... до полного благочиния и устройства» [53]. В подмосковных Измайлове и Коломенском он развел сады, в которых, наряду с обычными плодовыми деревьями и кустарниками, пробовал выращивать такие экзотические для Подмосковья виды, как грецкие орехи, шелковицу (тутовое дерево), сибирские кедры и пихты. Был даже Виноградный сад, но посаженный в нем астраханский виноград приживался плохо.

Петр I, очевидно, унаследовал от отца вкус к садоводству: он развел такие же сады при дворце в Преображенском, где жил в первые годы царствования, до отъезда в Петербург. Здесь была даже такая заморская диковинка, как кипарис (зимовавший под укрытием). Особенно же много было цветов, чем сады Преображенского, судя по хозяйственным описаниям, весьма отличались от других

царских садов. Это были иноземные, пришедшие на Русь в основном через Западную Европу, но уже хорошо знакомые русским цветочные культуры — тюльпаны, нарциссы, гвоздики, бархатцы, ноготки, желтые лилии и другие. Почетное место занимал «свороборинный цвет» — шиповник. Особое пристрастие как тогда, так и позже Петр I питал к душистым травам — таким, как рута, пижма, иссоп, «мята немецкая» и менее известный в наши дни калуфер*.

Неудивительно, что вначале именно из Москвы и Подмосковья Петр I велел присылать растения (в том числе и иноземные) для посадки в еще только зарождавшемся Петербурге. 24 марта 1704 года он пишет Тихону Стрешневу: «...не попустя времени, всяких цветов из Измайлова не помалу, а больше тех, кои пахнут, прислать в садовники в Петербург». И уже весной того же года были присланы цветы и травы для Летнего сада. Таким образом, первая иноземная струя в формирующейся культурной флоре Петербурга пришла через Москву.

Однако трудно было бы ожидать, что государь, задумавший создать новую столицу на западный манер, ограничит ее зеленый убор только тем, что росло прежде в садах московских царей. И действительно, как только наладились транспортные связи Петербурга с миром, ассортимент привозимых в столицу растений необычайно рас-

* Калуфер, или кануфер, ромашник бальзамический — многолетнее растение родом с Кавказа и из Малой Азии, выращивается как пряность; в XVIII в. его добавляли в нюхательный табак.

ширился. Петр I стал выписывать иноземные деревья, кустарники и цветы как из отдаленных областей России, так и из зарубежных стран. Среди документов петровского времени постоянно попадаются сведения о доставке различных деревьев в Петербург. Например, в 1719 году в Гамбург садовнику Шульцу был послан заказ на «3000 шт. сиринги испаника (сирени. — Т. Г.), 100 шт. роз, 20 шт. махровых клематисов», вишни «низких дерев» (то есть кустовой формы), много абрикосовых, персиковых, каштановых деревьев. Садовник Штеффель должен

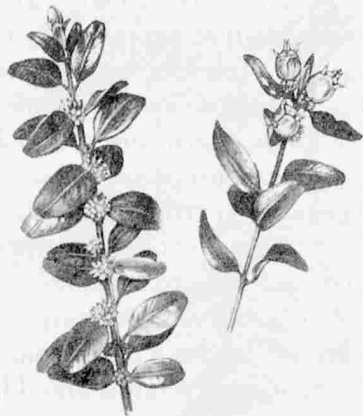
Мята перечная

Пижма обыкновенная

был прислать обширный набор семян и луковиц цветочных растений, душистых и пряных трав, а также «2000 аршин букшбому» (самшита, который в XVIII веке в стриженном виде выращивали для сплошных линейных бордюров, а потому мерили на аршины). Подобные же заказы посылались в Гданьск, Амстердам, Швецию [9]. Даже один из указов Петра (от 3 января 1717 года), данный Конону Зотову и далекий от садовой тематики, — «О присылке во Францию Дворянских детей для научения морской службе» — оканчивался неожиданной фразой: «Также приищи лавровых деревьев, которые в горшки ставят, чтоб от земли до кронов были не выше стебли, как 2 фута» [124].

Ассортимент привозимых в столицу чужеземных растений складывался под влиянием различных причин. В подборе иноземных видов царственным заказчиком, несомненно, немалую роль сыграли зарубежные впечатления Петра I

Самшит вечнозеленый
Кустарник (реже дерево) родом из Средиземноморья и Восточной Азии. Любимец садовников, устраивавших парки в регулярном стиле. Ленты из низко подстриженного самшита не только окаймляли дорожки, но и служили основой для создания причудливых узоров на клумбах и партерах.

об озеленении городов, о цветниках и парках. Видимо, особенно запомнились царю голландские сады, судя по обилию заказов на тюльпаны и другие луковичные (впрочем, как мы помним, эти цветы были знакомы Петру еще с детства). Проявилось и стремление иметь у себя многие декоративные культуры, широко распространенные в те времена в садах европейских владетельных особ; и столь свойственная XVIII веку любовь к раритетам; и, наконец, личные вкусы царя, которые, по мнению академика Д. С. Лихачева, вообще сыграли большую роль в русском садово-парковом искусстве XVIII века [80].

Так, благодаря кипучей деятельности Петра I, петербургская флора получила множество видов — «пришельцев» из других стран, но уже не самовольно проникших в город, а «приглашенных». Не только архитектурный облик юной столицы, костюмы и быт ее жителей устраивались на западный манер, но и ее зеленое убранство. При этом Петр I и в отношении природы склонен был действовать весьма решительно. Просматривая списки заказываемых царем растений, нельзя не заметить, что в них нередко включались виды, слишком теплолюбивые для петербургского климата (например, «белый и синий виноград», «деревья персиковые», «фиги», или инжир, и другие), видимо, с намерением заставить их прижиться в садах столицы. В 1709 году в письме к некоему Ивану Люпсу Петр I даже велит заказать в Вест-Индии «добрых табачных семян пуд или больше» [118]. Однако растения оказывались менее сговорчивыми, чем люди, и для зимовки нежных южан петербургским садовникам пришлось на-

учиться строить оранжереи, или, по выражению Петра I, «теплые анбары».

Не следует думать, что царь стремился сажать в Петербурге только редкие иноземные растения. Для разбивки парков в город сотнями и тысячами привозили и такие привычные для россиян лиственные древесные породы, как липа, клен, вяз. С одной стороны, в этом тоже был элемент подражания — ведь именно названные виды служили основой создания многих европейских садов и парков. А с другой — возможно, была и некая ностальгическая составляющая: Петр I, сам выросший среди подмосковной природы, наверняка понимал, насколько чуждым казался бы переселенным из России жителям «парадиз» без привычных лиственных деревьев (напомним, что Россия в те времена — это в основном нынешняя «средняя полоса»). Как бы там ни было,

Тис ягодный

Хвойная древесная порода родом с Кавказа и из Южного Крыма, прекрасно выносящая стрижку.

В садах и парках регулярного стиля сажали деревья тиса с кронами, сформированными в виде конусов и других фигур.

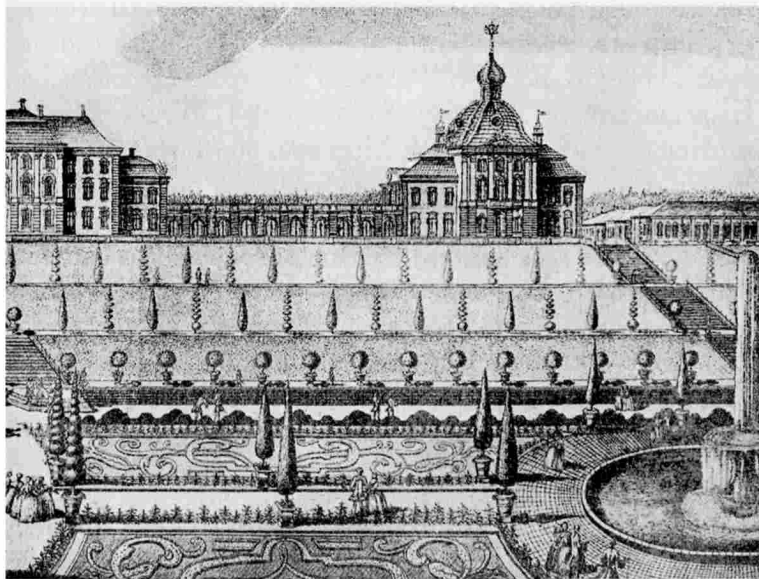
но именно начинаниям Петра I мы обязаны тем, что широколиственные древесные породы впоследствии из скромной примеси в темнохвойных финских лесах превратились в господствующие виды в зеленом убранстве нашего города — от Летнего сада до современных внутриквартальных посадок. Петр I, можно сказать, определил генеральную линию всего будущего петербургского озеленения.

Однако и среди лиственных древесных пород, привозимых в столицу, были своего рода иноземцы. Приневская низменность находилась в пределах их естественной области распространения (ареала), и, строго говоря, их появление в Петербурге было не интродукцией, а перемещением внутри ареала. Для быстрого создания посадок (или восстановления погибших) лиственные деревья доставлялись откуда только возможно. Так, для Летнего сада деревья тысячами привозили из Москвы, Новгородского уезда (частично — из «опальных» имений, потерявших владельца), из местностей севернее Петербурга. Часть деревьев была закуплена даже в Швеции и доставлена в Петербург на специально посланных кораблях. Только весной 1723 года в Летний сад было завезено около восьми тысяч лип, ясеней, вязов и кленов.

В «компанию» лиственных деревьев попала и одна хвойная древесная порода — кедр сибирский*, который Петр I велел привозить из Соликамска [147]. Интерес к нему мог возникнуть у основателя города еще в москов-

* Его ботаническое название — сосна кедровая сибирская.

ский период: в садах царя Алексея Михайловича росло несколько плодоносящих кедров; видимо, Петру хотелось иметь такие же и в «парадизе». Однако в садовой и уличной флоре Петербурга кедр не занял сколько-нибудь заметного места. Позже, в 1740-х годах, любителям кедровых орешков при дворе приходилось выписывать их из

Н. Челноков, П. Артемьев. Большой Петергофский дворец. Корпус под гербом. Гравюра. 1761. (Фрагмент)

Так выглядели композиции с использованием стриженных самшита и тиса в парковых посадках регулярного стиля (деревца с круглыми кронами — стриженные лавры).

подмосковного Коломенского, откуда кедровые шишки сотнями отправляли в Петербург [9].

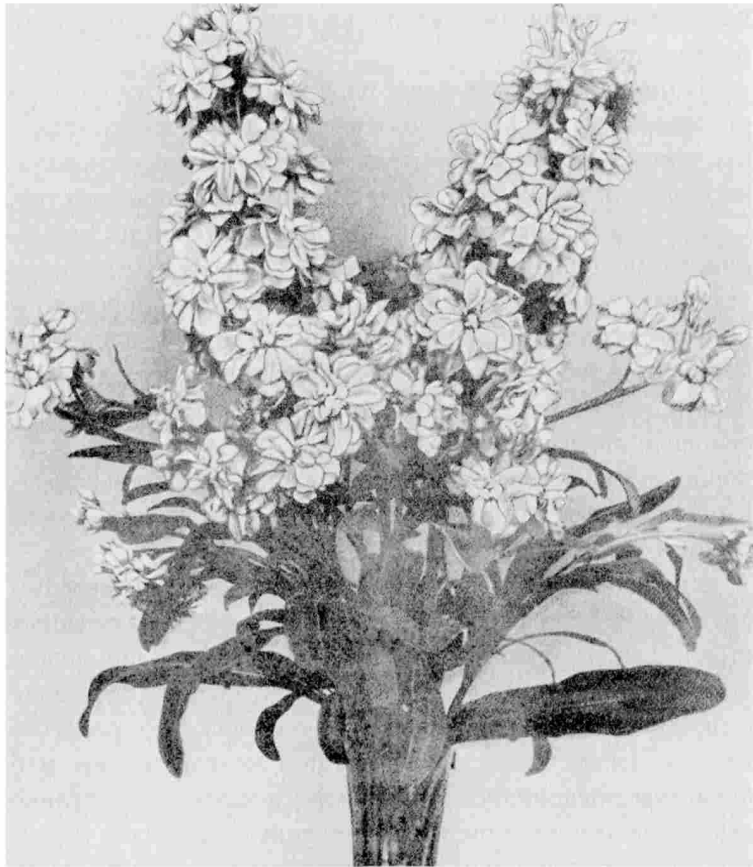
Поскольку ждать, пока вырастут саженцы, было некогда, старались привозить уже взрослые и даже крупномерные деревья. Архитектор Н. Микетти, заказывая в Новгородском уезде три тысячи лип для устройства Стрельнинского парка, писал, что деревья должны быть «весьма толстые, ибо такая толстота угодна царскому величеству» [7]. Правда, выкапывать и перевозить взрослые деревья было непросто, но Петр I и здесь действовал решительно. В письме майору Ушакову от 8 февраля 1716 года он велит заготовить зимой липы под Москвой, обрубить у них верхушки и везти весной в Петербург (что при тогдашнем транспорте — подводами на лошадях — должно было занять не менее трех недель). В скором времени выяснилось, однако, что это далеко не лучший способ пересадки. Стали практиковать летние пересадки деревьев с комом земли, а зимой — с помощью специально сконструированной машины, «которая деревья вынимает», и с временной прикопкой до весны. Перевозить и пересаживать таким способом удавалось даже довольно «капризные» породы. Секрет успеха состоял, по-видимому, в индивидуальном уходе за каждым деревом, «как за малым дитем».

Интересно, что в те времена, не очень-то обращая внимание на требования иноземных растений к теплу (в конце концов, тепло можно было создать искусственно, в оранжереях), достаточно внимательно относились к необходимым для растений почвенным условиям. Так, заказывая в Голландии конский каштан, Петр I велел брать

деревья с разных почв и одновременно присылать «кулечки» с этими почвами, чтобы на новом месте подобрать подходящую землю.

В послепетровское время определенную лепту в состав иноземной флоры Петербурга внесли садовники-иностранцы, привозившие с собой не только багаж профессиональных знаний и навыков, но и свои вкусы и пристрастия. Садовники-немцы выписывали много растений из Германии, голландцы — из Голландии. В конце XVIII века при устройстве Таврического сада большинство деревьев и цветочных культур выписывалось из Англии, поскольку ведал этой работой садовник-англичанин В. Гульд. В середине XVIII века при создании Царскосельского парка основная древесная порода — липа — по настоянию садовника Якоба Рехлина была большей частью выкорчевана как «не весьма пристойная» и заменена стриженным тисом и лавром в кадках.

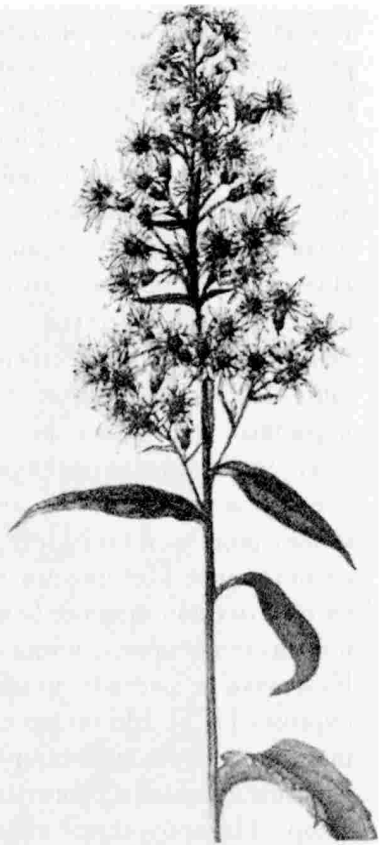
Ученые садоводы с более широким географическим кругозором использовали и растения из более отдаленных стран. Так, Г. Эклебен, в 1758—1778 годах занимавший должность главного мастера Императорских садов, был горячим сторонником разведения «сибирского горохового дерева» (ныне столь обыкновенной желтой акации, или караганы древовидной) — притом в качестве не только декоративного, но и пищевого растения. Для пущей убедительности мастер сам ел его семена «как горох и чечевицу» и рекомендовал крестьянам эту «весьма доходную культуру» [174]. Но в этом качестве тогдашняя новинка не была признана.

Левкой

Декоративные растения, изображенные на этой и следующих двух иллюстрациях, употреблялись в старину как пряные.

Наконец, на составе иноземной флоры Петербурга — как и на многих делах, творимых руками людей, — в известной степени отразились мода и вкусы того времени. Например, в первой половине XVIII века любимцами моды были розы (или рózаны) и самшит. Тогда же был изобретен способ защищать их от зимних морозов: садовник-голландец Б. Фок стал укрывать растения еловыми лапами, войлоком, рогожами. Популярны были и различные душистые травы. Интересно, что в прошлые века ввозились, разводились и использовались в качестве пряностей некоторые растения, известные нам сейчас лишь как декоративные. Это левкой, анемона, золотая розга, генциана (горечавка) и другие. Часто для любителей заморских садовых рарите-

Золотарник
(золотая розга)

тов важен был не декоративный эффект растения, а его редкость, дороговизна, возможность продемонстрировать вкус и богатство владельца.

Предпринимались в Петербурге и попытки акклиматизации иноземных растений с чисто практическим прицелом. В 1801 году западная половина Петровского острова была пожалована Александром I созданному в 1765 году Вольному экономическому обществу «для произведения новых опытов» с целью «споспешествовать распространению в России хозяйственных и земледельческих познаний». Расчистив участок от леса, здесь посеяли различные кормовые травы (эспарцет, люцерну, тимофеевку), гречиху, масличные, красильные и душистые травы и даже кунжут* и хлопчатник, в доказательство того, что «все это может родиться под Петербургом». Впоследствии один из историков Петербурга довольно скептически отозвался об этих начинаниях («маниловских благоглупостях») и о «духе времени», когда стремились «сеять пшеницу на Камчатке и растить виноград без теплиц под Петербургом» [173]. Но он же справедливо отмечал, что большинство опытов принесли безусловную пользу. Добавим, что они не только обогатили потенциальную культурную флору Петербургской губернии (так, здесь впервые из семян были выращены лиственницы), но и наверняка послужили еще одним источником будущих городских сорня-

* Кунжут индийский, сезам — теплолюбивое масличное растение, издавна культивируемое в Египте, Иране, Индии, Средней Азии и Закавказье.

ков. Конец этого достаточно дерзкого опыта акклиматизации был печален: поскольку он не принес «никаких хозяйственных завоеваний», в 1836 году земля у Вольного экономического общества была отнята и на Петровском острове разрешили строить дачи.

Горечавка желтая

В XIX веке интродукция иноземцев во флору Петербурга продолжалась, но уже не столь стремительными темпами, как в петровские времена. То и дело вспыхивал интерес (особенно у владельцев частных садов) к той или иной заморской модной новинке, но большей частью быстро угасал: петербургский климат ставил свои жест-

кие пределы увлечениям садоводов и новинка исчезала или перекочевывала в оранжереи.

Обогащению культурной флоры Петербурга иноземными видами в немалой степени способствовало развитие декоративного цветоводства — разведение цветов в частных садах, цветочное убранство парков и скверов. Ведь большинство цветочных культур, хорошо знакомых петербуржцам и в прошлые века, и ныне, — по происхождению чужестранцы. Вот откуда происходят некоторые виды:

из Средиземноморья — левкой, резеда, львиный зев, душистый горошек;

Ромашка пахучая —
«беглец из культуры»
(из коллекции Ботанического
сада на Аптекарском острове)

из Северной Америки — флокс, золотарник (золотая розга), люпин, рудбекия;

из тропиков Америки — настурция, петуния, бархатцы;

из Китая, Японии, Манчжурии — пeon (пион), однолетняя астра, декоративная спаржа.

Осталось упомянуть о еще одной группе петербургских растений-иностранцев, которая лежит на границе между «самовольными» и «приглашенными» пришельцами. Это виды, получившие у ботаников образное, хотя и вполне официальное наименование — «беглецы из культуры». У них обычно есть такие черты, которые способствуют их быстрому и широкому распространению: огромное количество семян, очень часто летучих или снабженных разного рода прицепками, липучками; способность быстро разрастаться, выносливость в трудных условиях и т. д. Иногда источниками «беглецов» бывали петербургские сады, откуда подобные виды проникали на пустыри, обочины улиц, газоны и другие городские местообитания. Так, в конце XIX века в городе находили одичавшие садовые цветы: американскую по происхождению астру раннюю, среднеевропейскую маргаритку и многие другие [153]. И в наши дни на газонах можно встретить то субтропическую космею и азиатский водосбор (аквилегию), то даже североамериканский топинамбур — «бегство» продолжается.

Другие «беглецы» появлялись в петербургской флоре из коллекций ботанических садов, ускользая сквозь ограды этих островков экзотической флоры в растительном

мире города. Таких видов было немало, и некоторые из них, одичав, переходили на положение сорняков. Известен пример одной из диких ромашек, которой Аптекарский огород «одарил» в XIX веке местную флору, — это ромашка пахучая. Не ограничившись городскими местобитаниями и переступив границы Петербургской губернии, она затем двинулась в глубь России. Еще в начале XX века этот вид был редкой находкой южнее Москвы, а у ботаников — почетным экземпляром гербария [181]. Сейчас это повсеместно распространенный сорняк с обширным ареалом, вплоть до Дальнего Востока. Другие «беглецы» в XIX веке — ныне обычные сорняки: недоtroга мелкоцветная, чесночница лекарственная и другие [44]. И в наши дни среди обитателей «альпийских горок» Ботанического сада, по наблюдениям ботаников, есть кандидаты на самовольное распространение; впрочем, сейчас их сдерживают окружающие асфальтовые барьеры.

Итак, в целом иноземная струя во флоре старого Петербурга была довольно сильна, хотя и не всегда заметна с первого взгляда. Это добавляло еще одну черту к «нерусскому» облику столицы, так непохожей на свою страну.

Из истории уличного озеленения

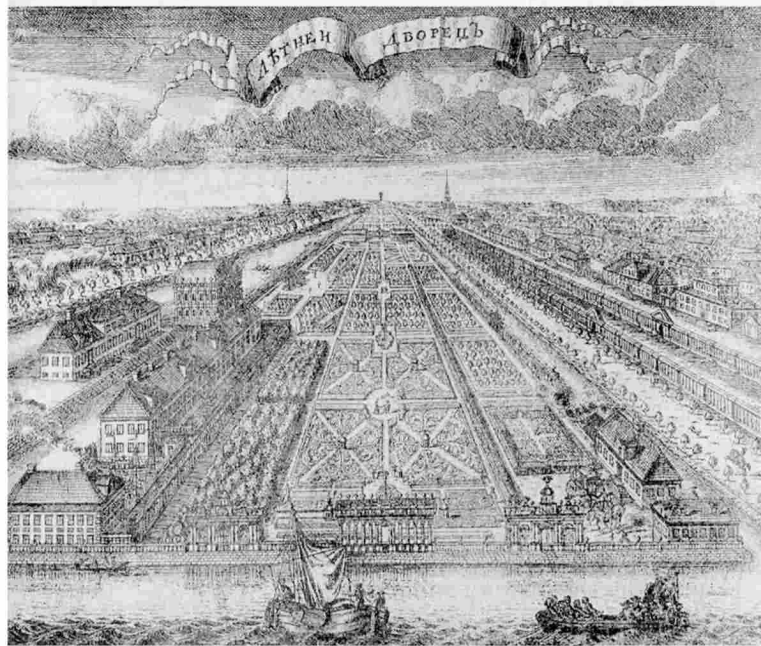
В отличие от садов (особенно частных), посадки деревьев, кустарников и цветов на улицах и площадях — наиболее «демократичная» форма городского озеленения, доступная любому прохожему. Именно с этой разновидностью городского растительного мира мы встречаемся чаще всего, порою даже не замечая ее и не задумываясь над тем, что уличные зеленые насаждения не только украшают город, но и существенно улучшают городскую среду. Не правда ли, как грустно выглядел бы город совсем без зелени на улицах... Даже Петербург. (К счастью, в применении к Северной Пальмире это всего лишь мрачное предположение.)

Только в самые первые годы строительства новой столицы Петербургу было не до озеленения, ибо в то время отношения с растительным покровом были совсем иные: отвоевывая у него территорию для застройки, приходилось уничтожать целые участки растительности, а не создавать новые. Но как только были проложены и стали застраиваться первые улицы, началось и их озеленение.

Первые уличные посадки деревьев, сделанные за казенный счет, были предприняты в немногих местах (против казенных зданий), зато кое-где — с размахом: так, в 1719 году вдоль нового канала у Почтового двора было высажено около 300 ольховых деревьев. Материалом для этого начального этапа озеленения в основном служили здоровые деревья, которые нужно было удалять при прокладке просек. Такие деревья, по предписанию Конторы лесного правления, следовало выкапывать «со всякою бережью» и использовать для пересадки; вырубать разрешалось лишь деревья сухие и кривые.

Основатель города заботился также о том, чтобы и возле домов жителей были деревья. На местах, отведенных под «домовое строение», разрешалась рубка только там, где деревья мешали застройке, и то «наипаче березовые». На одном из типовых проектов («образцовых листов») небольшого дома с садом Д. Трезини есть примечание: «А у кого позади двора лес натуральной хорош, тот может ево расчистить и всего не рубить»; приложен план благоустройства лесного участка. На участках, где предполагались огороды и улицы, деревья также было велено «без нужды» не рубить, «в таком экономическом разположении, ежели в городе оных дерев оставлять сколько возможно, дабы оному жилищу была маленькая рощица вместо сада, а на улице перед окнами да послужит украшением» [20]. По распоряжению правительства от 1721 года домовладельцы обязаны были на улицах против своих домов сажать деревья (клены) [84]. Если жители не выполняли предписания, это делала полиция — за их

счет. Было велено ограждать деревья защитными ящиками «для збереження от проезжих и для охраны их от скота». Последняя мера в тогдашней столице была весьма нелиш-

А. Ф. Зубов. Летний сад. Офорт. 1716

Рассматривая известное изображение Летнего сада в петровское время, обратим внимание на длинный ряд деревьев слева, вдоль противоположного берега Фонтанки, и два ряда справа, вдоль Лебяжьей канавки. Это, по существу, первое озеленение набережных Петербурга.

ней. Недаром 8 июня 1719 года появился указ Петра I «О воспрещении выпускать на городские улицы домашний скот, об определении к оному пастухов и об отводе пастбищных мест», «понеже оная скотина ходя по улицам и по другим местам, портит дороги и деревья»; иначе «оной скот будет взят безденежно в гошпиталь» (надо полагать, для прокормления больных) [127].

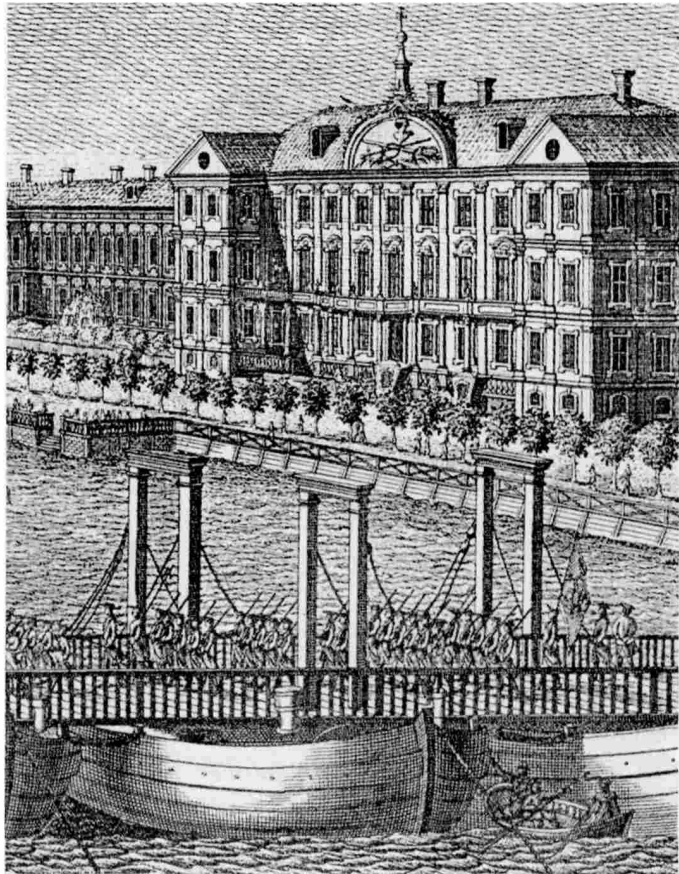
Более масштабные и планомерные работы по озеленению начались с обсадки деревьями Большой перспективной дороги (будущего Невского проспекта), соединившей в 1710 году Адмиралтейскую верфь и старый Новгородский тракт. Она служила въездом в город, и потому ей надлежало поражать приезжих своим обликом. Вот что писал о ней в своих записках камер-юнкер Ф.-В. Берхгольц, приехавший в 1721 году в столицу в свите герцога Голштинского: «С самого начала мы въехали в длинную и широкую аллею, вымощенную камнем и, по справедливости, названную проспектом, потому что конца ее почти не видно. Она проложена только за несколько лет и исключительно руками пленных шведов. Не смотря на то, что деревья, посаженные по обеим ее сторонам в три или четыре ряда, еще не велики, она необыкновенно красива по своему огромному протяжению и чистоте, в которой ее содержат (пленные шведы должны каждую субботу чистить ее) и делает чудесный вид, какого я нигде не встречал» [16]. Но это была еще не улица, на ней стояло всего семь зданий; так что и озеленение было, по существу, не уличным, а придорожным.

Деревья, которыми была озеленена Большая перспективная дорога, — березы. В 1753 году ряды их, уже изрядно

подросших, были запечатлены на известных гравюрах М. И. Махаева в серии городских видов, изданной к пятидесятилетнему юбилею Санкт-Петербурга. Деревья выглядят аккуратно подстриженными (хотя в садово-парковом деле стрижка березы не практикуется). Впрочем, возможно, это просто один из приемов изображения парадного городского пейзажа. Любопытно своеобразное проявление заботы властей об этих посадках. В 1756 году был издан указ императрицы Елизаветы Петровны «о запрещении Санкт-Петербургским жителям развешивать что-либо на березках» (имелось в виду белье для просушки и т. п.). «А ежели впредь кто по той Невской между березками будет платье развешивать, оное отбирать в казну» [170]. По словам историка Петербурга П. Н. Петрова, Елизавета, заботясь о красоте Невского проспекта, велела также устраивать между линией домов и проезжей частью с обеих сторон палисадники, чему и обязан Невский проспект «обширностью ширины своей» [115].

Озеленение будущего Невского устраивалось и на противоположном конце Перспективой дороги. Александров-Невский монастырь, кроме насаждения березы, рябины, ольхи на своей территории «в удобных местах для украшения», в 1724 году позаботился о посадке 500 березок по обе стороны дороги на отрезке, ведущем от монастыря к городу.

Долгое время уличное озеленение Петербурга было сосредоточено в основном на его главной магистрали, причем были здесь свои «приливы и отливы», на которых стоит остановиться подробнее.

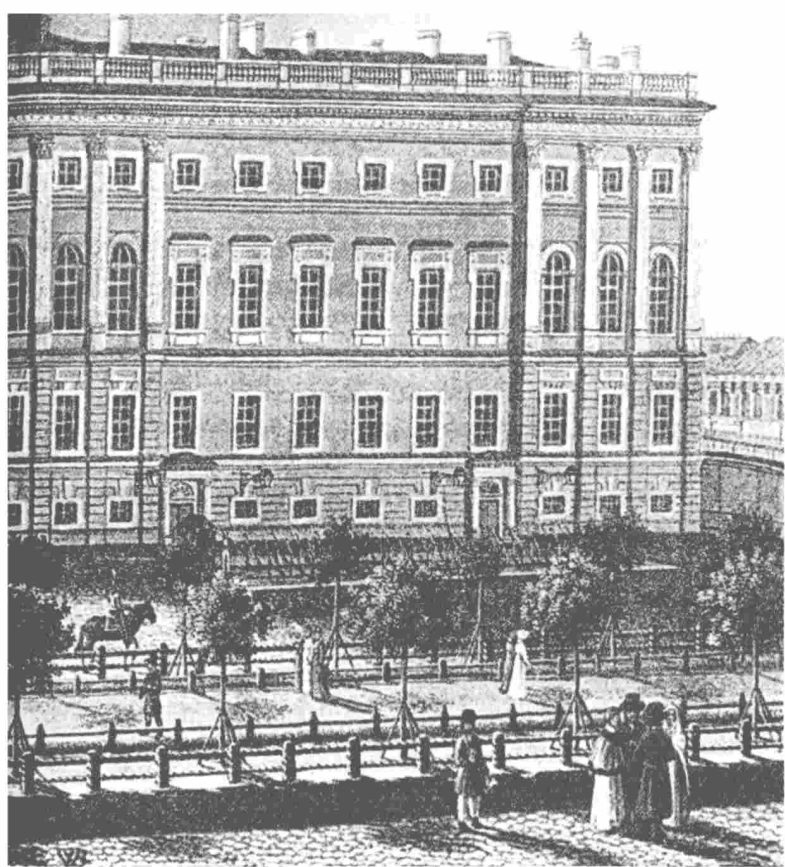
— Проспект вниз по Неве реке от Невского моста
между Исаакиевской церковью и корпусом кадетским.
Гравюра по рисунку М. И. Махаева. 1753. (Фрагмент)

В конце XVIII века при реконструкции Невского проспекта первоначальные посадки были удалены, а затем в 1800 году восстановлены в виде бульвара согласно указу Павла I «О насаждении по Невскому проспекту от реки Мойки до Лигова канала по обеим сторонам березками с надлежащею огородкою». Деревьям полагалось быть «не тонее в окружности шести вершков» (27 сантиметров) [142]. Журналисты в пышных выражениях приветствовали это событие: «Великий Павел восстановил Петровское величие Невского проспекта» [147]. Бульвар, посаженный на насыпи, проходил по центру Невского. Березы из-за неудачного срока посадки не прижились и через год были заменены липами. С тех пор эта древесная порода заняла на главной улице города прочные позиции. На изображениях Невского проспекта (Б. Патерсен, 1802; И. А. Иванов, 1814; И. И. Тербенев, 1814; В. Барт, 1810-е гг.) хорошо видны подробности устройства бульвара. Деревья, стоявшие на косых подпорках, были высажены в два ряда, между ними проходила замощенная дорожка для пешеходов со скамьями для отдыха. Каждый ряд деревьев был обнесен невысокой сплошной оградой: столбики, поставленные на каменных плитах, соединялись длинными продольными жердями.

Был выполнен и другой указ императора — «О постановке фонарей на столбах на Невской перспективе и о содержании оных» [143]. По велению царя и изгородь, и фонарные столбы, согласно вкусам того времени, были выкрашены черной и белой краской «обыкновенным образом» — в косую шахматную клетку (узор, связанный

В. Барт. Аничков дворец.
1810-е гг.

В 1800—1820-х гг. Невский проспект украшал бульвар, устроенный по его центру.

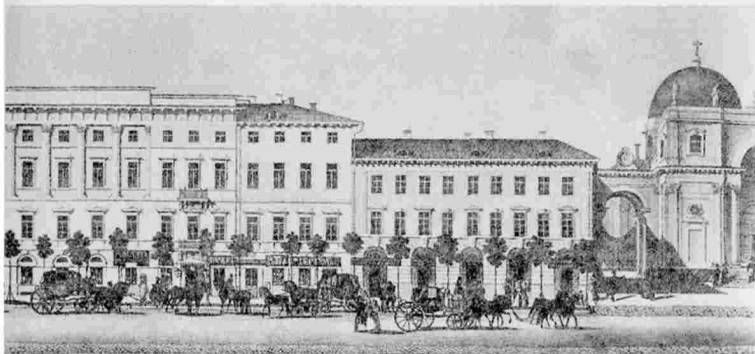

Аничков дворец и Невская перспектива от Фонтанки. Гравюра Я. Васильева с оригинала М. И. Махаева. 1753. (Фрагмент)

Первые посадки берез вдоль будущего Невского проспекта были сделаны еще при Петре I и примыкали вплотную к домам.

в нашем представлении с полицейскими будками). Существовал еще проект создания из деревьев стриженной аллеи «сплошной аркою», но он не был реализован.

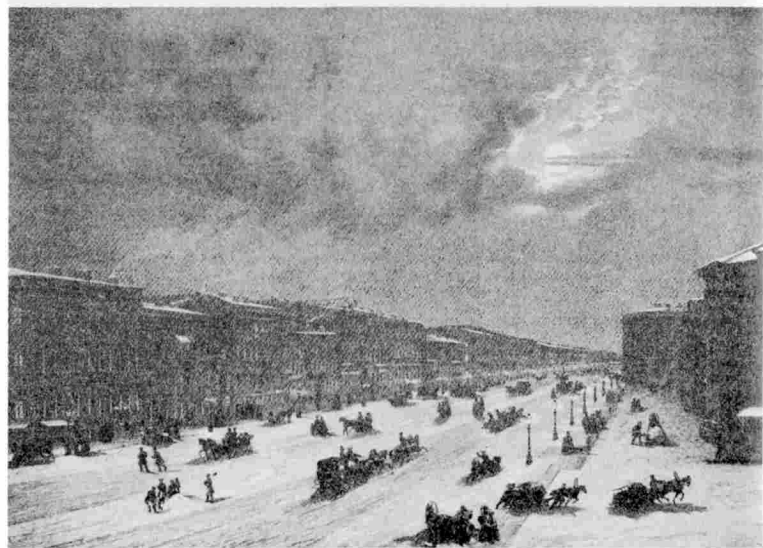
В 1819 году в озеленении Невского произошло очередное событие. Вот как сообщал о нем журнал «Отечественные записки»: «Невский проспект, как неким очарованием, принял новый, несравненно лучший вид, явившись прекраснейшею в свете улицею. Как будто по мановению волшебного жезла, исчез высокий бульвар» [89]. Очевидно, понадобилось расширить проезжую часть, и деревья — 500 молодых липок — были посажены уже не посередине проспекта, а вдоль обочин вновь устроенных тротуаров из гранита. По отзыву тех же «Отечественных

*В. С. Садовников. Панорама Невского проспекта. 1830—1835.
(Фрагмент)*

Посадки деревьев теперь уже тянулись вдоль тротуаров
(на фрагменте — у дома Энгельгардта).

записок», «зелень деревьев, коими усажено пространство между Полицейским и Аничковым мостами, по обеим сторонам у тротуаров, придает немало красот сей единственной улице». Эти молодые деревья хорошо видны на известной «Панораме Невского проспекта» В. С. Садовникова (1830—1835). А на гравюре неизвестного мастера «Голландская церковь» (1824) можно различить и отдельные детали: каждое дерево (или группа из двух

*И. И. Шарлемань. Невский проспект зимой.
Литография. 1855—1859. (Фрагмент)*

В эти годы на главной улице Петербурга уже не осталось ни одного дерева.

деревьев) было посажено на отдельном прямоугольном участке, огороженном низкой деревянной оградой.

В 1824 году деревья на Невском проспекте сильно пострадали от наводнения. А в 1841-м по распоряжению Николая I все посадки были выкопаны. Газета «Северная пчела» советовала не сожалеть об этих деревьях, «от которых никто между прочим не видел ни тени, ни зелени, потому что они были постоянно покрыты пылью», и утешала читателей тем, что тротуары стали «такими широкими, как парижские бульвары: 9 человек могут свободно прогуливаться рядом» [172]. (Ну, это уже к истории нравов прессы...) В последующие времена на изображениях Невского не видно ни одного дерева; только в самом конце XIX века посадки были восстановлены, но лишь у Гостиного двора.

Однако не только главная улица столицы была предметом забот озеленителей, уличные деревья высаживались и в других местах. Так, на гравюре, изображающей шествие подаренных персидским шахом слонов, можно различить ряды деревьев и кустарников, отделяющих Дворцовую площадь от здания Адмиралтейства. Эти же посадки — уже значительно подросшие — видны и на панораме Петербурга, созданной А. Тозелли в 1820 году; они полосой окаймляют поле перед Зимним дворцом, вдоль его бокового фасада (там, где теперь проезд к Дворцовому мосту). В начале XIX века была сделана попытка благоустройства Сенной площади — одного из самых запущенных и грязных мест столицы, где производился торг сеном, дровами и т. п. На территории рынка были высажены ряды деревьев,

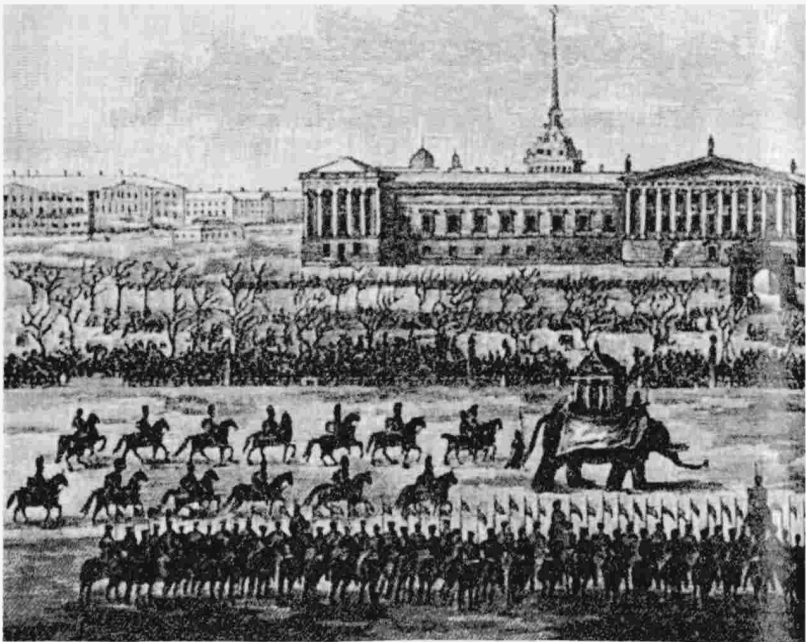
Невский проспект у Гостиного двора. Фото 1900-х гг.

Кроны лип снова стали подстригать в виде конуса —
почти как два века назад.

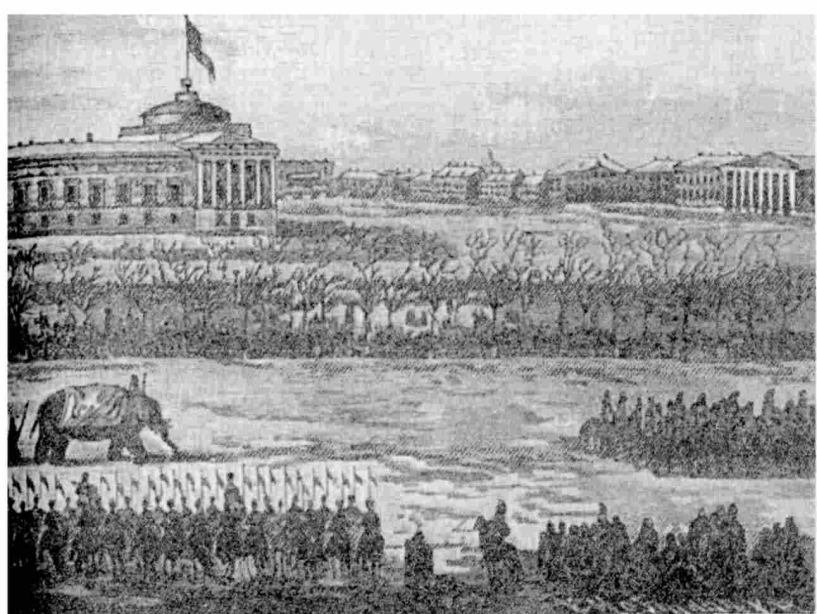

Невский проспект у Гостиного двора.
Фото 1970-х гг.

Липы вновь сменили форму «причесок».

Вид Адмиралтейства и Дворцовой площади во время шествия слонов, присланных персидским шахом.
Гравюра с акварели М. Н. Воробьева

Акварель, послужившая оригиналом для гравера, написана, очевидно, в начале XIX в., поскольку восточный фасад и башня Адмиралтейства представлены такими, какими они стали после перестройки А. Д. Захаровым в 1806—1811 гг. (тогда как появление слонов в Петербурге датируется 1740-ми гг. [147]).

как бы продолжившие Садовую улицу. Но продержались эти посадки недолго — расширявшийся рынок смел их.

В XIX веке в центральных районах столицы стали появляться бульвары, служившие не только украшением города, но и своеобразными центрами социальной жизни — прогулок, встреч, общественных гуляний. Таков был бульвар, разбитый у Адмиралтейства на месте засыпанного рва и срытого земляного вала (в литературе подробно описана история его создания [3]). Бульвар тянулся вдоль здания, огибал его юго-восточный угол и продолжался напротив Зимнего дворца. Первоначально он представлял собой аллею из трех рядов лип, затем были подсажены рябины, молодые дубки, жимолость. Как видно на офорте И. А. Иванова (1814) и в серии акварелей А. П. Брюллова и Ф. К. Неелова, по устройству и внешнему виду этот «Адмиралтейский променад» отчасти напоминал описанный выше бульвар на Невском проспекте. По мнению пушкинистов, именно по Адмиралтейскому бульвару прогуливался Онегин:

Надев широкий боливар,
Онегин едет на бульвар
И там гуляет на просторе...

(Правда, есть и другое мнение — что это был бульвар на Невском [81].) В 1873—1874 годах бульвар у Адмиралтейства был превращен в Александровский сад.

Другой известный петербургский бульвар — Конногвардейский — был устроен в 1845—1846 годах на месте участка Адмиралтейского канала, который к тому времени

потерял значение транспортной артерии и стал сточной канавой для конногвардейских конюшен. Канал перекрыли кирпичным сводом и на нем был посажен, как писала «Северная пчела», «прелестный бульвар с тротуарами, осененными в четыре ряда липами» [63].

Любопытна и даже причудлива история озеленения Большого проспекта Васильевского острова [97]. Проспект начался с прокладки параллельно Неве центральной аллеи парка позади дворца Меншикова, которая затем по приказу светлейшего была продолжена на запад —

А. Иванов. Вид Санкт-Петербургского Главного Адмиралтейства. 1814

Одним из первых бульваров Петербурга был «Адмиралтейский променад».

через густой лес прорубили просеку до моря. По первоначальным планам Д. Трезини и Ж.-Б. Леблона, предполагавших создать на Васильевском острове сеть каналов вместо улиц, на месте этой просеки должен был проходить центральный Большой канал, который соединил бы взморье и центр города, планируемый на Стрелке Васильевского острова. Для этого просеку расширили до 40 сажен (85 метров). Но «Северная Венеция» не состоялась, а центр города сложился совсем в другом месте — на Адмиралтейской стороне, и идея выхода к морю заглохла. Просека — тогда уже названная Большой проспективной — стала застраиваться, превращаясь в улицу необычной ширины. Нужно было как-то ее благоустроить.

Дворец вел. кн. Николая Николаевича.
Гравюра по рисунку И. И. Шарлеманя. Середина XIX в.
У Николаевского дворца начинался Конногвардейский бульвар.

Как говорилось в указе Екатерины II 1767 года, эту «немалую широту... всю замостить потребен великий кошт (стоимость. — Т. Г.). Ежели ж ее уменьшить, то построенные ныне дворы следует переносить, на что и более суммы произойдет. Сохраняя сии неудобства, вымостить одну середину». Так посередине улицы появилась узкая булыжная мостовая, окаймленная канавами, а между ней и домами остались широкие полосы неприглядных пустырей, наверняка заросших лопухами, крапивой и прочими рудеральными, или «мусорными», травами. А ведь Большой проспект постепенно становился центральной улицей Васильевского острова.

В 1809 году был найден практичный вариант благоустройства: участки земли, находящиеся перед домами, были безвозмездно отданы землевладельцам с условием обнести их «приличною сквозною оградой». Ясно, что за этими оградами нельзя было размещать хозяйственные постройки — положение перед домом обязывало, и жители занялись стихийным озеленением Большого проспекта. Перед домами возникли огороженные палисадники, в которых сажали лесные и плодовые деревья, ягодные кустарники, клубнику и, конечно, цветы. Так в Петербурге эпохи классицизма, когда город приобретал «строгий, стройный вид», на одной из главных магистралей возник совершенно провинциальный тип озеленения, что придало соответствующий облик и самому проспекту.

Но так было не на всем проспекте. Западная его часть стала застраиваться позже — уже в эпоху развития капитализма, когда резко возросла стоимость земли и начался

строительный бум. Из находившейся в частной собственности территории владельцы стремились извлечь как можно больше прибыли; тут уж было не до палисадников. Пользуясь тем, что при вручении участков не была оговорена цель их использования, владельцы стали строить на них доходные дома, фабричные корпуса, склады и т. п., причем у самой проезжей части, вплотную к тротуарам. Было время, когда «отцы города» спохватились: в 1880 году по «Новому плану урегулирования Петербурга» предполагалось расширить Большой проспект в его западной части, для чего нужно было выкупить у владельцев застроенные участки, снести стоящие на них строения (выплатив компенсацию)

Так выглядел Большой проспект Васильевского острова, когда разросшиеся палисадники за глухими заборами совершенно закрыли дома. Фото начала XX в.

и затем отдать участки обратно (бесплатно!) для разведения все тех же палисадников. Но на это нужны были огромные суммы (не говоря уже о согласии владельцев), что оказалось совершенно неподъемным для Городской думы, и без того весьма скупой в расходах на озеленение. Вот так и получилось, что к западу от Косой линии Большой проспект сузился и превратился в обыкновенную улицу; вместо широкого канала к морю вышел узкий коридор.

К началу XX века провинциальные черты в характере озеленения Большого проспекта сохранились и даже усилились. На изображениях проспекта той поры видно, что деревья перед домами сильно разрослись и закрывают фасады; вместо «сквозных приличных оград» вплотную к тротуару подступают сплошные высокие дощатые заборы, как в каком-нибудь заштатном купеческом городке.

После революции были национализированы не только дома, но и земельные участки перед ними. Это позволило в 1920-е годы уничтожить заборы и, объединив палисадники, создать на Большом проспекте широкий бульвар, что и было окончательно сделано к 1932 году. А в западной части проспекта остались лишь два фрагмента бывших палисадников — перед домами № 77 (детская больница) и № 85 (Покровская больница), да позже посаженный ряд старых тополей (до Гаванской улицы).

По-иному складывалось озеленение на тихой и провинциальной Петербургской стороне, где в XIX веке зеленью (уличными посадками, частными садами и огородами) была занята примерно половина территории. Здесь сразу несколько улиц носили название Зеленых.

В краеведческой литературе той поры читаем: «Еще замечательна на Петербургской стороне одна из Зеленых улиц; она широко обсажена большими деревьями и имеет ворота при въезде и выезде, так что целую улицу можно запереть на замок, будто один двор». Большинство же составляли улицы, где были «одинаковые или почти одинаковые домишки с мезонинами и без мезонинов, палисадники в два куста сирени или желтой акации...» [41].

Любопытна недолгая история озеленения Каменноостровского проспекта, по которому царствующие особы проезжали в Каменноостровский дворец. Александр II,

Один из двух сохранившихся остатков палисадников перед домом 77 на Большом проспекте Васильевского острова

не одобряя «томительного вида» проспекта в районе Аптекарского острова, повелел устроить вдоль него живую изгородь. Долго длились препирательства между властями — что сажать, боярышник или желтую акацию? В конце концов, был высажен боярышник, несмотря на такую компрометирующую его (по мнению министра внутренних дел) деталь, как «твердые и длинные колюшки», которые не позволят «проходить по тротуару из боязни изорвать платье». За несколько лет боярышник так разросся, что по решению Городской думы в 1867 году был вырублен «ввиду невозможности поддерживать живую изгородь в порядке» [42].

Со второй половины XIX века, с увеличением тесной и многоэтажной застройки, в столице все больше стал ощущаться недостаток зелени. Под натиском каменных громад исчезали придомовые сады и палисадники, озелененные дворы и дворики. Вот как виделось это поэтам:

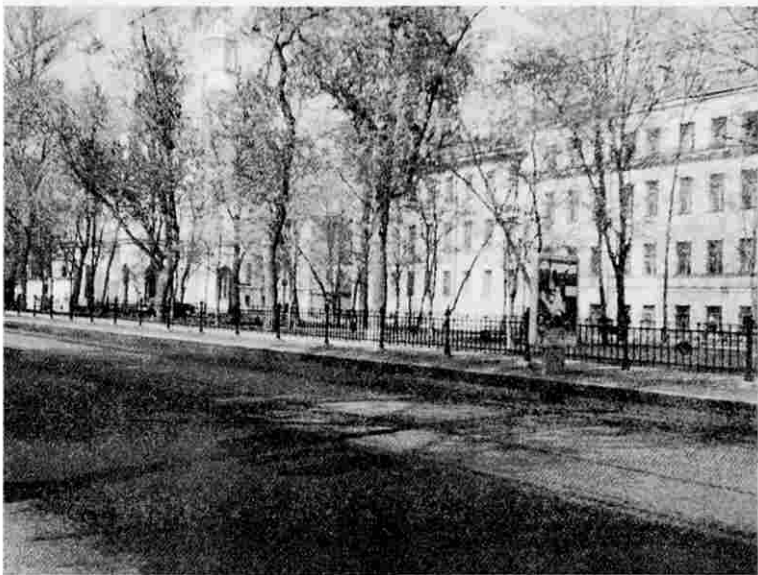
Как будто смертный бой природе объявив,
Громадный город-спрут пьет из нее все соки,
<...>
Дыханием своим темнит он неба своды;
И там, где зеленью кудрявились сады,
Что год — то все наглей встают в пылу вражды
Семиэтажные дома его, уроды.

А. А. Коринфский. «Песни о городе» (1903—1911)

Не только архитекторы, но и «отцы города» признавали, что эти потери следовало восполнить. Возникла идея — превратить в сады (или по крайней мере озеле-

нить) обширные центральные площади. Но осуществить ее было нелегко.

Стоит напомнить, что в отношении к городскому озеленению в столице существовал свой, петербургский акцент: стремление иметь в городе побольше зелени вступало в противоречие с идеалами зодчих. Как писал известный знаток садово-паркового искусства В. Я. Курбатов, строгие постройки петербургского классицизма не гармонировали даже с самыми совершенными «видовыми посад-

Современный вид бульвара на Большом проспекте Васильевского острова в районе 6-й и 7-й линий. Фото 2000 г.

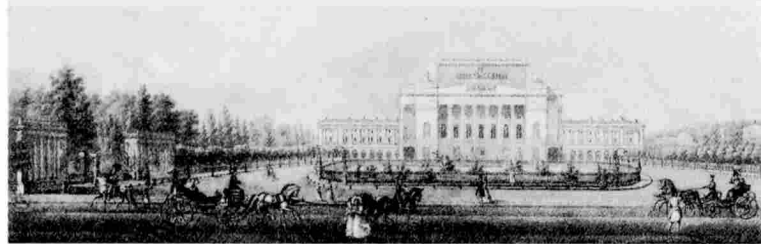
ками», и авторы строений боялись «нарушения архитектурных красот зеленью» [73]. Возможно, отсутствие или весьма умеренное применение уличной зелени в те времена в немалой степени способствовало восприятию Петербурга как города холодного, «расчисленного», вымеренного (о чем так много сказано в литературе).

На городских пейзажах начала XIX века видны деревья и кустарники совсем небольших размеров — молодые, к тому же иногда подстриженные. Очевидно, именно такую уличную зелень использовали зодчие в объемно-пространственных решениях, не задумываясь о том, как она будет выглядеть через сто — двести лет.

Сохраняя перед строениями обширные незасаженные пространства, петербургские архитекторы стремились создать возможность обзора зданий и ансамблей. Например, Александринская площадь (ныне площадь Островского) по замыслу К. И. Росси была распахнута к Невскому проспекту. Небольшой партерный сквер с низко стриженными кустарниками, газоном и цветами, разбитый в ее центре, не закрывал великолепную панораму, украшавшую главный проспект. Это ощущение простора, в глубине которого словно парит здание театра, хорошо передано на рисунках и акварелях того времени. А потом панорама исчезла, закрытая отчасти памятником Екатерине II, но главным образом разросшимися деревьями сквера, который был устроен вокруг памятника. Примерно то же произошло и на Михайловской площади (ныне площадь Искусств), где раньше дворец царствовал над круглым сквером с невысокими стриженными кустарниками. Плотно

закрыт в наши дни старыми деревьями памятник екатерининской эпохи — обелиск «Румянцова победам», установленный на набережной Васильевского острова в когда-то небольшом сквере (точнее, перенесенный туда с Марсова поля).

Не избежало подобной участи и Адмиралтейство. В конце XIX века в печати не раз выражалось сожаление о том, что сад, разбитый перед Адмиралтейством по решению Городской думы, «много повредил, закрыв великолепное здание». Но когда выросшие деревья и кусты Александровского сада стали закрывать «Медного всадника», одними сожалениями не ограничились: в 1890 году часть сада, вокруг памятника, была уничтожена и на ее месте разбит «сад-цветник» с клумбами и рабатками (длинными цветочными грядками). После долгих колебаний были вырублены деревья (не очень старые — 50—60-летние) в сквере на Исаакиевской площади, когда они, по словам прессы, стали «расти как в лесу» и закры-

В. А. Садовников. Панорама Невского проспекта. 1830—1835.
(Фрагмент)

вать храм, отчего терялось «подобающее ему художественное впечатление».

А вот проблема озеленения площади перед Казанским собором была решена более осторожно: здесь ограничились сквером с низкорослыми кустарниками и газоном, не препятствующим обзору здания с Невского проспекта (нетрудно представить, как повредили бы этому обзору вековые деревья, будь они здесь посажены).

И в наши дни оценка озеленения в таких случаях неоднозначна. В 1988 году в цикле лекций «Старый Петербург», проводившихся Фондом культуры, столкнулись два прямо противоположных мнения: один лектор энергично порицал создание древесных посадок на площади Островского и перед Адмиралтейством, которое из-за разросшихся деревьев «исчезло», «как если бы ушло под землю»; другой, напротив, видел в них прием организации пространства в понимании конца XIX века и способ улучшения городской среды.

А на среду действительно пора было обращать внимание. Усиливались такие негативные стороны урбанизации, как скученная высокая застройка («каменные джунгли»), пыль, шум, летняя духота и прочее. Общее ухудшение среды обитания для горожан заставило по-новому взглянуть на зелень в городе. Во времена молодости столицы, когда зелень привычно и незаметно окружала жителей в виде усадебных и придомовых насаждений (а если возникало желание, то и до «дикой природы» было рукой подать), собственно городское озеленение было частью архитектурного облика города и рассматривали его в основном

с точки зрения эстетической. Теперь же городской зелени стали придавать ценность и гигиеническую, и — как бы мы теперь сказали — психофизиологическую, способствующую снятию городских стрессов (впрочем, еще Елизавета Петровна считала березки на Невской перспективе посаженными «для веселия»).

Но уличной зелени в Петербурге становилось все меньше. Во второй половине XIX века стал резко ощущаться ее недостаток в центре; а в частях Казанской и Коломенской зеленых насаждений уже практически не было. Особенно остро, хотя, может быть, и не всегда осознанно, ощущали дефицит зелени жители районов-трущоб со скученной застройкой и дворами-колодцами. Вспомним, как Раскольников в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского мечтает о создании грандиозного сада внутри города — мечта, по словам Н. П. Анциферова, характерная для живущих «в таких частях города, где нет ни садов, ни фонтанов, где грязь и вонь, и всякая гадость» [6].

Но не только отдельным мечтателям приходили подобные мысли. Идея создания «городов-садов»* возникла в конце XIX века и среди архитекторов как реакция на неотвратимое наступление «каменных джунглей». Для Петербурга в 1897 году был предложен проект разукрупнения городского центра и организации «предместий-

* Образ «города-сада» был использован в 1926 г. ученым-мелиоратором С. А. Яковлевым, мечтавшим о том, чтобы «волшебством мелиорации» превратить в «город-сад» всю Приневскую низменность; а в 1929 г. — поэтом В. В. Маяковским в стихотворении «Рассказ о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка».

садов». Последнюю идею пытались реализовать при проектировании и устройстве Федоровского городка в Царском Селе. Подобные же проекты возникали и при переустройстве предместий в других городах России — Харькове, Одессе, Екатеринбурге. В 1913 году в Петербурге было основано «Общество городов-садов России». Последующие события не дали возможности реализовать эту форму озеленения, может быть слишком романтическую для своего времени; сохранился лишь эскизный проект И. А. Фомина, предполагающий устройство двух кварталов «города-сада» близ Новой Деревни [159].

Впрочем, создание озелененных предместий-садов все равно не решило бы проблем озеленения самого города. Начиная с 1860-х годов городские власти неоднократно обсуждали вопрос о необходимости увеличения озелененности столицы. Небезынтересно, что одним из доводов было явное отставание в этом плане Петербурга от других европейских столиц. После довольно долгой «раскачки» начались практические работы по озеленению, и прежде всего — разбивка новых бульваров. Они были устроены на Александровском проспекте (ныне проспект Добролюбова) (1875), Малой Конюшенной улице (1890), Обводном канале (1890) и в других местах. На месте засыпанного Лиговского канала был разбит бульвар (1892); правда, просуществовал он недолго и был возобновлен лишь после революции. В конце XIX века по инициативе одного из градоначальников, генерал-майора Н. В. Клейнгельса, были обсажены деревьями некоторые городские каналы.

Появилась новая форма озеленения города — общественный сквер, «оазис среди городской сутолоки и пыли» [152], удобный для кратковременного отдыха. Характерным для скверов было сочетание малых групп деревьев и кустарников с газонами (иногда газоны украшались клумбами и цветочными бордюрами), а также открытые проходы со скамьями. Во второй половине XIX века небольшие общественные скверы были устроены на Чернышевой (ныне Ломоносова) площади, на Манежной площади, на Малой Конюшенной улице, у Старо-Калинкина моста, на Пушкинской улице и в других местах. Интересно, что скверы создавались за счет не только казны, но и частных лиц. Н. А. Гречук, автор цикла иллюстрированных очерков «Секунда истории» («Санкт-Петербургские ведомости», 1990-е годы), рассказывает об одном из них в очерке «Сквер от штабс-капитана». Речь идет о сквере на Исаакиевской площади, который появился в 1860 году благодаря пожертвованиям и стараниям штабс-капитана Ратькова и в 1865 году был благоустроен также за счет частных средств. Небольшие садики и скверы создавались вокруг соборов и церквей, например у Владимирской церкви, у Троицкого (Измайловского) собора, у Благовещенской церкви рядом с Конногвардейским бульваром. (Примечательно, что в петербургской поэзии того времени вместо прежних «темнозеленых садов», «пышных садов» все чаще стали упоминаться именно скверы.)

Как и в начале XIX века, на исходе столетия у петербургского городского озеленения были не только сторонники, но и противники. Но если в эпоху классицизма по-

садки деревьев считались иногда нежелательными по архитектурно-эстетическим соображениям, то теперь стали приводить иные доводы, неплохо отражавшие перемены в общественном менталитете конца века. Вот некоторые из них, приведенные в «Описании древесных насаждений гор. С. Петербурга...» (1907): тень, падающая на витрины магазинов, портит «эффект выставки»; листва, закрывающая вывески, лишает их всякого смысла; усиливается темнота улиц, и требуются лишние расходы на освещение; на набережных древесные посадки мешают выгрузке дров и кирпича из барж, и т. п. [99].

Однако, несмотря на подобные возражения, озеленение города продолжалось. Посадочный материал выращивали в специально созданных городских питомниках. Один из них располагался в Александровском парке, на месте будущей Ортопедической лечебницы, другой — на Выборгской стороне, близ тогдашнего Католического кладбища. Главный же питомник был на Александровском проспекте у Тучкова моста (там, где сейчас спорт-комплекс «Юбилейный»), а его отделение — на Аптекарском острове, на углу Песочной набережной и Вяземского переулка.

Что касается ассортимента древесных и кустарниковых пород, применявшихся в уличном озеленении столицы, то во второй половине XIX века уже сложился набор видов, наиболее предпочитаемых «по опыту их приживания в Петербурге», как мы читаем в рекомендациях А. Э. Регеля, специалиста по городскому озеленению и большого его энтузиаста [151; 152]. Наиболее пригодными и желатель-

ными считались клен*, вяз, каштан конский, рябина. Была в списке и желтая акация (карагана), еще в XVIII веке приглянувшаяся петербуржцам как «произростение, которое не боится ничего и не бывает подвержено никакому бедствию»; к тому же считалось, что «змеи и жабы никогда под сим деревом видимы не бывали и потому под ним без опасения можно отдыхать» [174; 192] (правда, это скорее о садах, чем об улицах). Первое же место занимала липа голландская, более известная в наши дни как липа крупнолистная («родная сестра» ныне более обычной в городском озеленении липы сердцелистной).

Любопытно, что в число рекомендуемых древесных пород попала новинка тех времен — клен американский (точнее, ясенелистный). Это порода действительно неприхотливая и быстро растущая, она легко приживается, но обладает и рядом отрицательных свойств, в том числе недолговечностью, малой морозостойкостью. Кроме того, этот клен весьма агрессивен: попав в садово-парковые насаждения, он довольно скоро начинает вытеснять местные породы. В наши дни озеленители его не любят и даже опасаются, но в XIX веке его характер, видимо, еще не «раскусили».

А вот дуб, напротив, оказался в списке видов, которые «не годятся для двора и улицы», ибо он «слишком близко

* Напомним, что клен широко применялся и ранее, как в придомовых посадках, еще при Петре I, так и в других насаждениях, например, у Михайловского замка. До сих пор идущая от него улица носит название Кленовая аллея, хотя теперь растут на ней липы и каштаны.

прирастает к зданию» своей раскидистой кроной. В этом же «черном списке» и другие знакомые нам древесные породы, притом с весьма нелестными характеристиками: ива («чисто мещанское дерево, растет чересчур быстро и бестолково»), тополь («красив лишь в молодом возрасте, беспощадно засаривает улицы всяческой опадалью»), береза («для Петербурга слишком обыденна, полезна лишь там, где никакое другое дерево расти не может»). Очевидно, в подборе ассортимента для озеленения в те времена кроме собственно ботанических соображений немалую роль играли и своего рода мотивы престижности, заставлявшие предпочитать каштан конский (основного обитателя парижских бульваров) «слишком обыденной» березе.

Примечательно, что в списке непригодных «по опыту приживания» — все хвойные древесные породы. И это неспроста. Мы теперь, увы, слишком хорошо знаем, что хвойные очень чувствительны ко всякого рода загрязнениям воздушной среды и в первую очередь страдают (а то и гибнут) не только вблизи промышленных предприятий, но и в сильно загазованных городах. Значит, в Петербурге уже в конце XIX века скорее воздух был непригоден для хвойных, нежели они — для города, ибо декоративные качества елей или лиственниц в уличных посадках не вызывают сомнений.

Заметим попутно, что растения — существа, обитающие одновременно в двух средах — воздушной и почвенной. И потому экологические условия большого города обрушиваются на них с двойной силой — сверху и снизу. Это стали ощущать на себе и деревья Петербурга. Участившиеся вскрытия мостовых для ремонта сточных колод-

цев, газовых и водопроводных труб нередко приводили к повреждению корней и гибели уличных насаждений. Недаром в городских питомниках постоянно выращивались саженцы не только для создания новых уличных посадок, но и для «ремонта» уже существующих.

Близился конец XIX века, а ситуация с озеленением столицы не улучшалась. Несмотря на существование старых и появление новых общественных садов, скверов и бульваров, зелени в центральных частях Петербурга по-прежнему не хватало — особенно на улицах и во дворах, в непосредственном соседстве с горожанами. Под натиском нового строительства исчезали старинные петербургские домики, а с ними и окружавшие их вековые деревья (вспомним, как обреченно под злое ще нависшей многоэтажной громадой выглядит один из таких уголков уходящего Петербурга на картине М. В. Добужинского «Домик в Петербурге», 1905). А озеленение стремительно выраставших доходных домов ограничивалось одним или несколькими чахлыми деревьями в каменных дворах-колодцах, где, по меркам тех времен, было «так тесно, что и с одноколкой еле можно повернуться» [151]. Растения в этих дворах с полным правом могли бы сказать о себе словами В. Я. Брюсова:

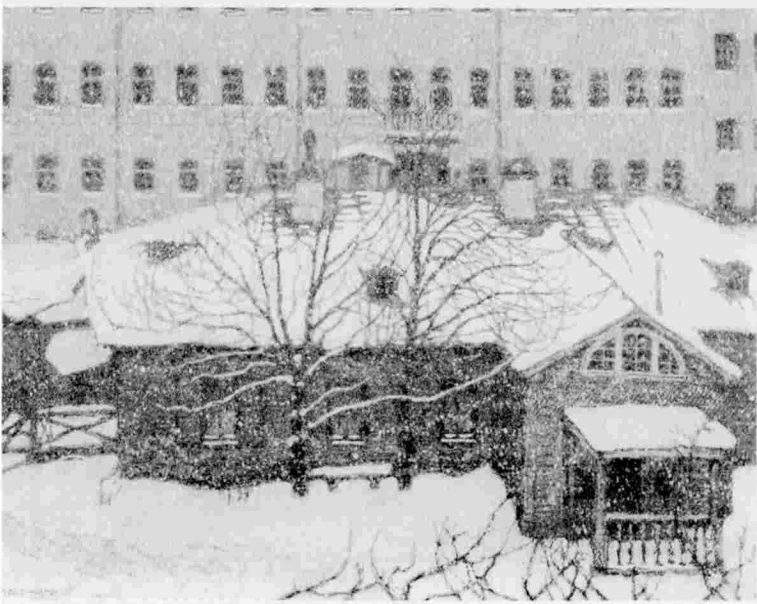
В пропасти улиц закинута,
Городом взятые в плен,
Что мы мечтаем о Солнце потерянном!

«Слава толпе» (1904)

Некоторое улучшение условий для деревьев и кустарников, растущих во дворах, принесли такие архитектурные

новшества рубежа XIX и XX веков, как широкая въездная арка и раскрытый на улицу курдонер (парадный двор, предваряющий расположенный за ним основной двор). Но эти новинки были в городе большой редкостью.

Как упоминается в цитированном выше «Описании древесных насаждений...», были отдельные попытки создать «полубульвары» (то есть обсадить деревьями обочины тротуаров) у нескольких домов, принадлежащих Думе. Такую же инициативу проявили было некоторые домо-

М. В. Добужинский. Домик в Петербурге. 1905

владельцы, но ее пришлось «задержать» из-за опасности, угрожавшей подземным трубам. Властями было обещано, что создание полубульваров в городе «еще предвидится в будущем». Действительно, вопрос об обсадке улиц деревьями не раз ставился в Городской думе (в 1860, 1866—1867 годах и позднее), но все не хватало средств, и «вопрос как-то заглох» [99].

Тем временем исчезали целые уличные сады, садики, скверы. Вот несколько примеров таких зеленых уголков, исчезнувших частью в предреволюционные годы, частью уже после революции: Мытнинский сад у проезда к Биржевому мосту; Греческий сад рядом с Греческой церковью; Старо-Манежный сад на Большой Итальянской улице; Введенский сад (как писали современники, обычно весьма многолюдный) напротив Царскосельского вокзала — от него остался лишь совсем небольшой клочок; два садика у Семеновского моста через Фонтанку; партерный цветник позади Казанского собора; бульвар на Среднем проспекте Васильевского острова от 1-й до 6-й линии. Эти примеры можно умножить. Не сохранились некоторые существовавшие ранее аллеи, например на откосах Обводного канала у Варшавского вокзала. На Аптекарском проспекте от бывшей здесь когда-то аллеи осталось несколько старых тополей, которые ныне оказались за оградой, на территории спортивного комплекса. Удивительно, как удалось сохраниться аллее на небольшом участке такой оживленной транспортной магистрали, как Московский (ранее Забалканский) проспект. Напротив Воскресенского Новодевичьего монастыря и Дворца пушнины

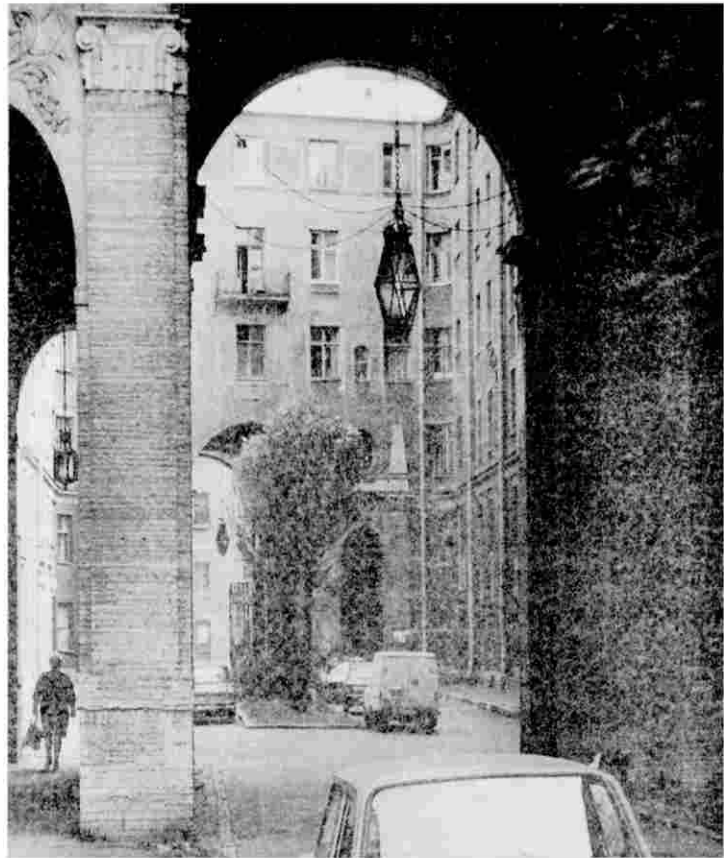
На улицах с многоэтажными домами деревья вынуждены расти словно в узких горных ущельях. Фото 1980-х гг.

трамвай и в наши дни идет между двумя рядами старых деревьев. Лишь на кладбищах сады сохранялись неприкосновенными; по словам В. М. Гаршина, это были самые тенистые сады в городе [32].

В отдельных местах украшением улиц и дворов долго служили старые деревья, уцелевшие от бывших здесь некогда парков и роцц. В. Я. Курбатов в статье «Зеленые памятники Петербургской старины» (1909), защищая «деревья посреди улицы», упоминает о дубе Петра Великого на Каменном острове и выражает опасение: «не вздумало бы городское управление провести туда трамвай

Еще более трудная жизнь у деревьев и кустарников в тесных дворах-«колодцах», им достается лишь такой клочок неба

Двор дома 54 на набережной Фонтанки. Фото 1980-х гг.
В таких дворах с высокой въездной аркой деревьям немного светлее.

Ботаническая реликвия — дуб, посаженный Петром I на Каменном острове (не сохранился). Фото 1970-х гг.

и для прокладки пути уничтожить это дерево» [72]. Но трамвайные пути прокладывались, и деревья уничтожались... Правда, каменноостровский дуб эта судьба миновала, и он долго был ботанической реликвией Петербурга. Но возраст есть возраст, и с 1996 года эта реликвия осталась лишь на фотографиях.

Из других зеленых патриархов были еще известны огромные тополя (до трех метров в обхвате) во дворе Петербургского университета (точнее — на территории университетского Ботанического сада). Возможно, это были остатки сада Кадетского корпуса или даже более раннего насаждения, от которого должен был начинаться Большой канал Васильевского острова. Такой же великолепный тополь рос на съезде с Троицкого моста на Петербургскую сторону. Четыре громадных тополя стояли в садике перед зданием Мариинской больницы на Литейном проспекте. До первой мировой войны старые деревья — «лишь незначительно моложе самого Санкт-Петербурга» — сохранялись в саду Петропавловской больницы (ныне Санкт-Петербургский государственный медицинский университет), где в начале XVIII века было подворье Феофана Прокоповича.

Итак, начало XX века застало петербургское уличное озеленение в явно неблагоприятном состоянии. Архитекторы не раз били по этому поводу тревогу, призывая городские власти принять меры, «пока бывшие липовые парки не превратятся в трамвайные» [170]. В печати приводились такие цифры: в Петербурге «озонированным воздухом с одной десятины садов должны дышать 1130 человек,

в Вене — 336, в Лондоне — 345». По принятым ныне способам расчета это составляло соответственно 10, 30 и 32 квадратных метра озелененной территории на одного жителя (отметим попутно, что современная, на 1997 год, официальная величина по Петербургу — 48 квадратных метров). Нужно было искать новые принципы, новые пути улучшения и облагораживания городской среды с помощью «зеленых соседей». Но этим предстояло заняться уже в следующих десятилетиях.

Петербургские сады и садики

«Сады Петербурга» — тема поистине необъятная. История этой рукотворной формы растительного мира (которая одновременно есть произведение искусства) в нашем городе тесно переплетается с историей его архитектуры, социального устройства, быта. Сразу предупредим читателя: в настоящем кратком очерке мы не будем касаться таких прославленных творений известных садовых мастеров, как Летний сад, Таврический сад или пригородные парки, и поныне украшающие северную столицу; оставим в стороне и вопросы садово-паркового искусства. Остановимся на садах более скромных, но вместе с тем составлявших немаловажную часть зеленого мира старого Петербурга.

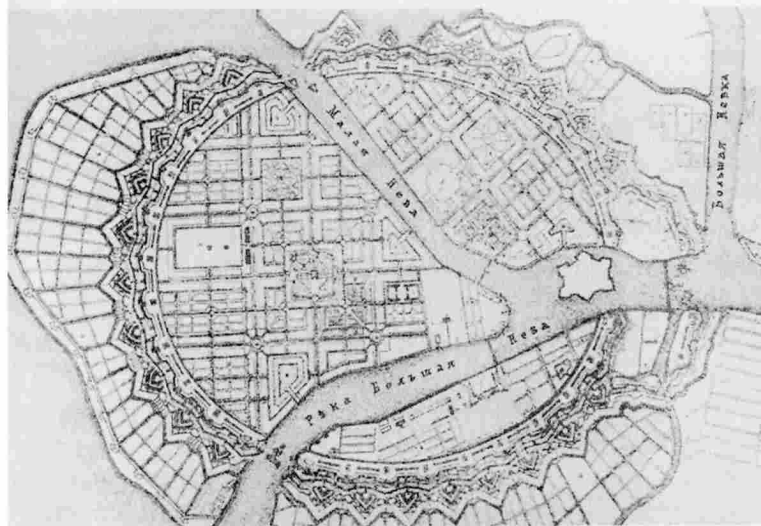
В допетровской Руси сады разводили начиная с XV века и при царских дворцах, и при домах горожан, о чем мы узнаем из книг историка И. Е. Забелина [53], «Домостроя», впечатлений иностранцев, посещавших Москву. Это были сады утилитарного назначения, с плодовыми деревьями и ягодными кустарниками, традицион-

ный набор которых определялся климатическими возможностями Средней России. Он напоминал тот, который и в наши дни разводят горожане на своих «сотках»: яблони, груши, вишни, малина, крыжовник, смородина. Сеяли тогда также душистые травы, и только в конце XVII века в царских садах начали появляться цветники. Стало быть, ко времени основания Петербурга уже существовала московская традиция садоводства — в основном как разновидности сельского хозяйства.

Но Петра I, задумавшего создать Петербург как «парадиз», и притом на иностранный манер, старая традиция, конечно, удовлетворить не могла, и с самого начала царь начал заводить «садовое дело» по-новому — уже как садово-парковое искусство, служащее украшению города. Одновременно дальновидный царь преследовал и более практическую цель — разбивку садов как способ осушения местности. «...Петр I и на краю Адмиралтейского острова, по берегам Фонтанки — как при устройстве Мыи (Мойки. — Т. Г.) — предложил давать землю под сады и летние помещения особам с большими средствами. Сам подавал пример обделки влажных участков почвы, заведения садов» [115].

Будущие сады и парки нашли место уже на первых петровских набросках планов строительства Петербурга [106]. Следовало позаботиться и о специалистах. Среди иноземцев, приглашенных царем на русскую службу, были мастера садового дела, причем «каждому иностранному садовнику было дано несколько русских молодых людей, которых иностранцы должны были обучать своему делу».

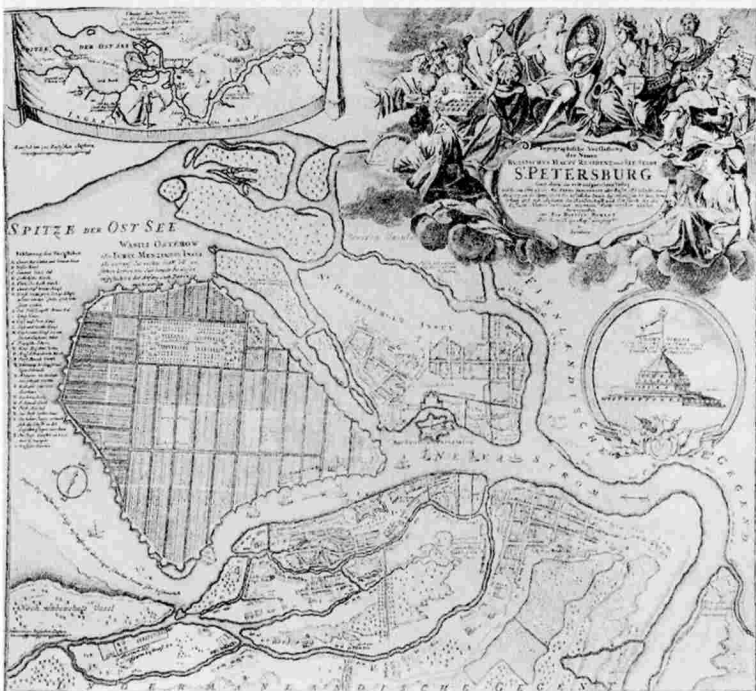
Так, в 1710 году царь велит прислать из Москвы «огородных семян и кореньев, а также 13 молодых ребят для обучения их садовому искусству». Другие «ребята» постигали основы садоводства за границей: в 1717 году трое учеников Славяно-латинской школы были отправлены в Голландию для обучения «садовому делу и изготовлению урнов» [170]. Впрочем, не остались незамеченными и российские умельцы — для устройства царских садов

Проект застройки Петербурга. Архитектор Ж.-Б. Леблон.
1716—1717

Проект включал несколько регулярных парков, которые должны были занять значительную часть территории города.

в Стрельне туда были переселены из Коломенского 20 садовников с семьями [7]. В 1710 году была создана специальная Садовая контора, ведавшая закупкой растений и другими делами по устройству царских садов.

Карта С.-Петербурга с планом застройки Васильевского острова.
Архитектор Д. Трезини. 1716—1717

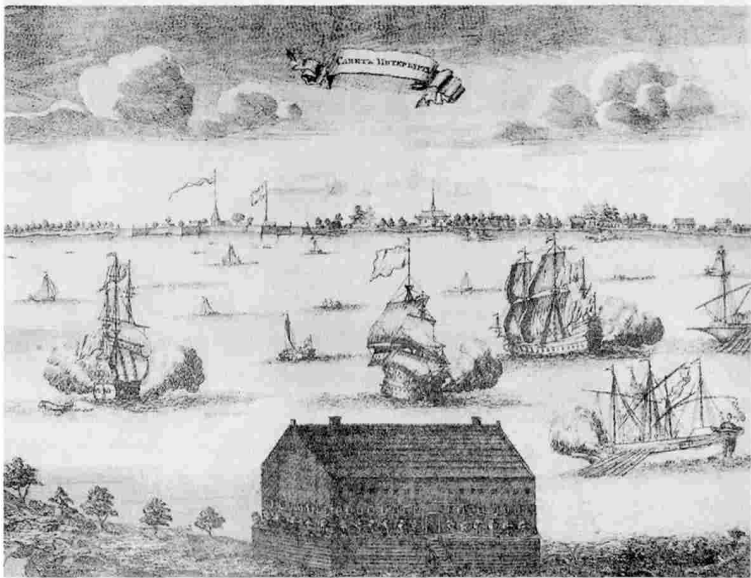
Предполагалось устроить обширный парк в северной части острова
(отмечен горизонтальным прямоугольником).

Сам Петр I принимал чрезвычайно деятельное участие в создании первых петербургских садов. В главе 5 уже говорилось о том, как по его указаниям выписывали из различных мест и доставляли в Петербург декоративные растения, которым предстояло украсить сады молодой столицы, как принимали различные меры, «дабы лутче было охотникам огороды строить».

«Охотников», по-видимому, было немало, несмотря на то, что устройство садов на болотистых почвах требовало больших трудов и расходов. В числе первых, кто попытался развести небольшие садики при своих домах, были поселившиеся в Петербурге иностранцы. Однако, еще не представляя себе особенностей местного климата, они часто терпели неудачу, жалуясь, что в Германии такое лето сочли бы зимою, ибо и в мае, и в августе «никто не стыдится носить шубу»; что фруктов нет, яблоки привозные, а о сливах, грушах и вишнях «слухом не слышать». К тому же и стихия относилась враждебно к усилиям первых садовников: «...вода, как только что-нибудь сделают, набегая, все затопляет и снова разрушает» [100; 101]. Затем придомовые сады стали разводить дворяне, принудительно устраивавшиеся на жительство в Петербурге, строители-«переведенцы» из других губерний, прочий работный люд, получавший небольшие наделы земли. Сохранился типовой проект («образцовый лист») небольшого дома с садом для построек на окраинах и в окрестностях города, разработанный архитектором Д. Трезини.

Дело пошло, и, по словам известного историка П. Н. Столпянского, город мало-помалу покрылся «не-

прерывной цепью садов», и «в XVIII веке Петербург представлял сплошной сад» [170]. Возможно, это некоторое преувеличение увлекшегося исследователя, но вот свидетельство очевидца (из известного описания И. Г. Георги): он упоминает о садах при многих домах, «которые вместе взятые составляют обширные земли и без коих выстроенные части города весьма уменьшены были бы» [33].

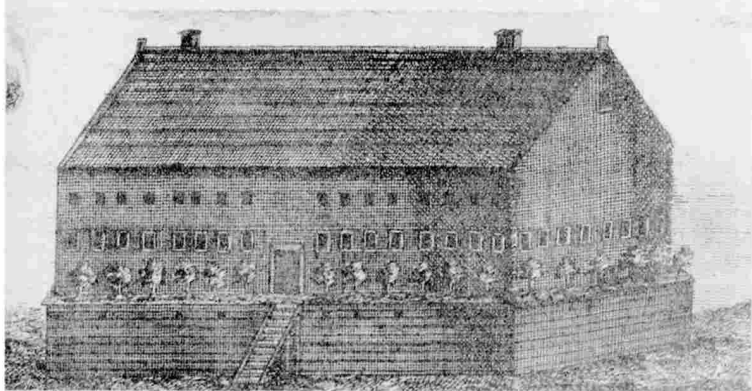

П. Пикарт. Санкт-Петербург. Офорт. 1704

Первое изображение строящегося города — вид с левого берега Невы на Петропавловскую крепость и Березовый остров (ныне Петроградская сторона). На переднем плане изображено здание гостиницы.

Весомую лепту в картину Петербурга вносили крупные усадебные сады. Перечисление даже только самых примечательных из них заняло бы слишком много места. Ограничимся рассказом лишь о некоторых.

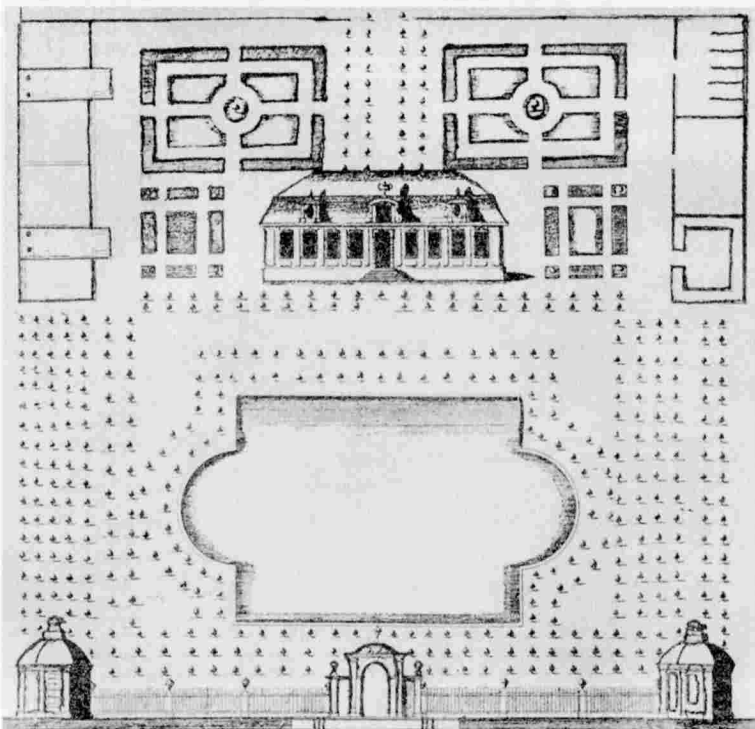
Ровесником Летнего сада был заложенный в 1704 году сад князя А. Д. Меншикова на южной стороне Васильевского острова, немного поодаль от берега Невы [61]. В 1710 году в этом саду были построены деревянные хоромы — «Посольский дворец» и началось строительство каменного дворца, известного нам ныне. Подросший к тому времени сад, хотя и оказался позади здания, естественно, должен был соответствовать великолепию дворца петер-

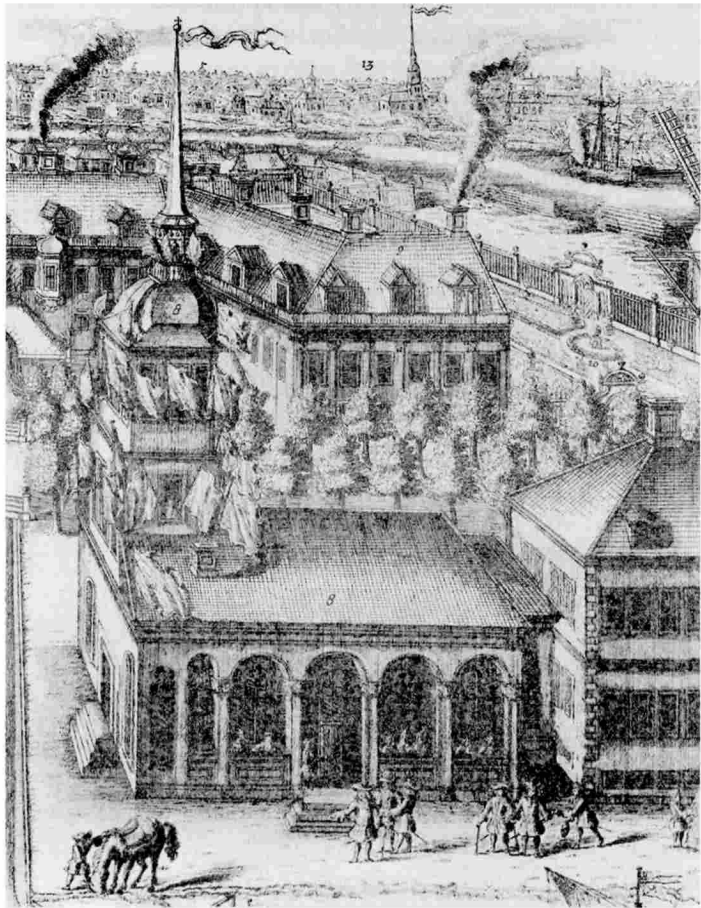
П. Пикарт. Санкт-Петербург. Офорт. 1704. (Фрагмент)

Растения, посаженные на возвышенной пристенной грядке по периметру дома, — еще не садик, но уже первое придомовое озеленение в Петербурге.

бургского генерал-губернатора. В работах по расширению и украшению сада участвовала целая армия садовников и крепостных из имений Меншикова. Через несколько лет это уже был пышный дворцовый сад, занимавший 12 гекта-

Д. Трезини. Проект дома с садом петровских времен (иллюстрация в книге «Художественные сокровища России», 1903)

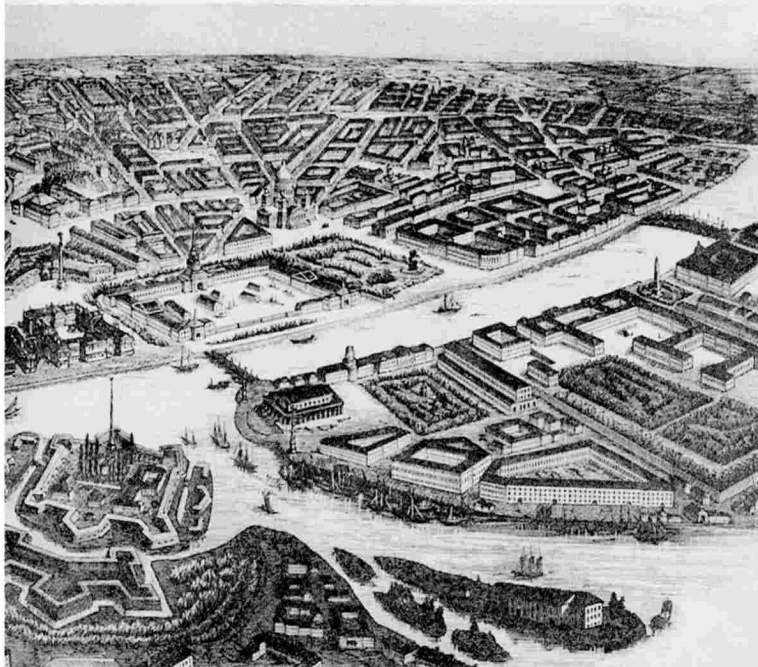
А. Ф. Зубов. Вид Васильевского острова. Гравюра. 1714.
(Фрагмент)

ров и устроенный во французском (регулярном) стиле. Его украшали ряды стриженных лип, зеленые лабиринты, крытые аллеи и другие затеи «версальского» толка. Были здесь и фонтаны, и статуи, которые Меншиков, не скупясь, выписывал из Италии и Голландии. Были и фруктовые деревья, дававшие «наилучшие плоды», поскольку почва здесь была «теплей и песчаная» [27]. Во время празднеств приходилось приставлять к ним солдат, чтобы публика не срывала плодов. Не осталась без озеленения и территория внутреннего двора: ряды деревьев, посаженных на ней, видны на одной из гравюр А. Ф. Зубова.

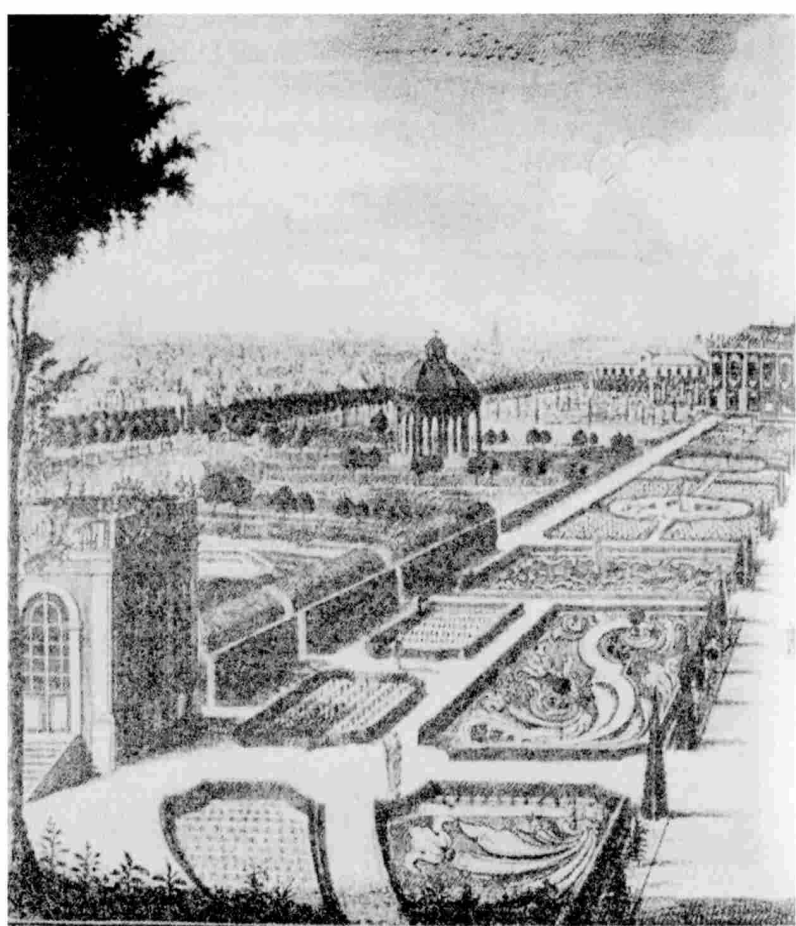
После опалы Меншикова и разорения его богатств здание дворца, а с ним и сад были отданы Сухопутному Кадетскому (Шляхетскому) корпусу, организованному для подготовки «сведущих офицеров из дворян». Сохранять регулярный стиль стриженного сада, требующий больших трудов для поддержания, стало некому, и сад начал разрастаться «по своей воле». К середине XVIII века сад Кадетского корпуса был благоустроен, но в более скромных формах. В нем были куртины, аллеи, два пруда; был отгороженный стеной свой небольшой садик для «малолетнего отделения». Большой участок занимал плодовый сад, в котором росло около 800 яблонь. Часть территории сада была отведена под «место для лагеря и военных экзерциций». Тем не менее сад Кадетского корпуса вплоть до начала XIX века упоминался среди самых крупных садов Петербурга.

Из малоизвестных парков, окружавших в XVIII столетии петербургские дворцы, упомянем еще парк, существ-

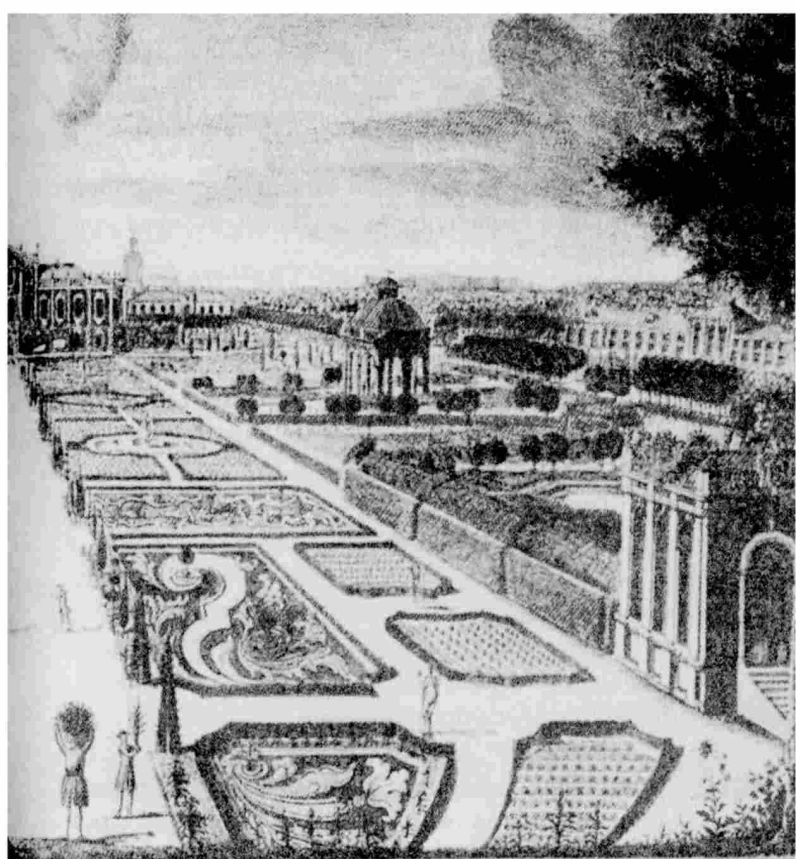
вовавший на Петровском острове. В начале XVIII века этот остров был личной собственностью Петра I. Позже на нем построили небольшой дворец, открытие которого отпраздновали в 1768 году. Центральная часть парка

Петербург с высоты птичьего полета. Гравюра. 1881. (Фрагмент)
Хорошо видны сад между зданиями Биржи и Двенадцати коллегий, далее к западу — обширный сад Кадетского корпуса и молодой садик вокруг обелиска «Румянцова победам».

Усадьба Вольфа на Петербургской стороне.
Раскрашенная гравюра с рисунка М. И. Махаева (?). 1757

Сад Вольфа, устроенный во французском стиле, был известен большим цветочным партером с причудливыми узорами.

была устроена в регулярном стиле; от дворца отходили радиальные дорожки, пересекавшие остров и выходявшие на Малую Неву и Малую Невку. С обеих сторон к центру парка примыкали пейзажные участки. Авторство дворца и парка предположительно приписывают А. Ринальди [76]. Дворец сгорел в 1912 году, от парка мало что осталось. Лишь нынешний Петровский проспект напоминает о нем — это бывшая главная парковая аллея, которая шла вдоль всего острова.

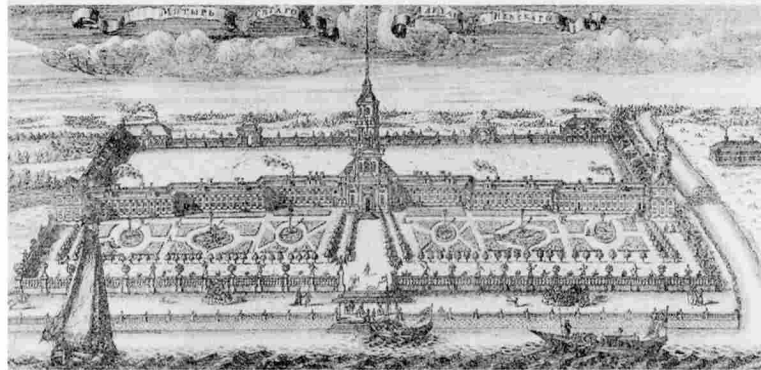
В центральной части города кроме императорских садов располагались великолепные сады знатных особ. Обширные дворцово-парковые ансамбли тянулись вдоль Фонтанки. На нынешней нечетной ее стороне — усадьба графов Шереметевых с садом, доходившим до Литейного проспекта; обширный Итальянский сад, заложенный в 1711 году Петром I для дочери Анны (он простирался до Лиговки); более скромный по размерам сад усадьбы Румянцевых (затем — графа Зубова) — там, где сейчас Измайловский сад, и другие. На четной стороне Фонтанки — большой сад при Аничковом дворце, сады в усадьбах графа П. Чернышева и князя Н. Б. Юсупова. Столпянский упоминает еще сад барона Аша у Обухова моста, площадью около пяти десятин, «с рощами» [175]. До Фонтанки доходил сад при дворце графа Воронцова (будущий Пажеский корпус). Многие усадебные сады выходили на Садовую улицу, получившую отсюда свое наименование.

На Мойке самыми крупными были сады графа И. И. Шувалова и гетмана малороссийского К. Г. Разу-

мовского, а в конце, против Галерной гавани, — обширный (около 4 гектаров) сад вице-адмирала Н. А. Сенявина. Хорошо устроенный регулярный сад окружал дом, располагавшийся на месте будущего Дворянского собрания (нынешней Филармонии).

Кроме упомянутых славились в столице и другие обширные сады, например «превосходный сад» протоиерея А. Самборского близ Литейного моста, сад английского посла Вольфа и другие [150].

Свою долю в общую садовую карту Петербурга вносили сады при городских церквях и монастырях. В Александро-Невской лавре существовал монастырский сад в регулярном стиле [25]. В пору своего расцвета (в середине

*А. Ф. Зубов. Александро-Невский монастырь.
Гравюра. 1716—1717*

Уже вскоре после основания монастыря при нем был разбит регулярный сад.

XVIII века) он занимал большую площадь, но вскоре его стала теснить окружающая застройка, и к настоящему времени от него осталась едва ли десятая часть — три аллеи. Садами были окружены и здания Смольного монастыря. Много садов было около Владимирской церкви и далее по Загородному проспекту.

Были в Петербурге и такие чудеса садового искусства, как висячие сады. Так с давних пор именовали сады, устроенные на крышах зданий или специально построенных павильонов. По преданию, первым, кому в голову пришла идея таких «высотных» садов, был царь древнего

И. Иванов. Вид на Смольный собор и Институт благородных девиц в Петербурге. Гравюра. 1816

Небольшой сад, по-видимому, служил «смолянкам» для прогулок.

Вавилона Навуходоносор, повелевший создать их для своей жены, мидийской принцессы, которая тосковала по зеленым холмам родной стороны. Созданные трудами рабов пышные четырехъярусные сады Вавилона вошли в легенды как одно из семи чудес света под именем «садов Семирамиды» (хотя так звали совсем другую, ассирийскую правительницу). Они не раз были предметом подражания, правда в более скромных формах. Непременным условием создания подобных садов была достаточно прочная и водонепроницаемая кровля; но соблюсти это условие не всегда удавалось.

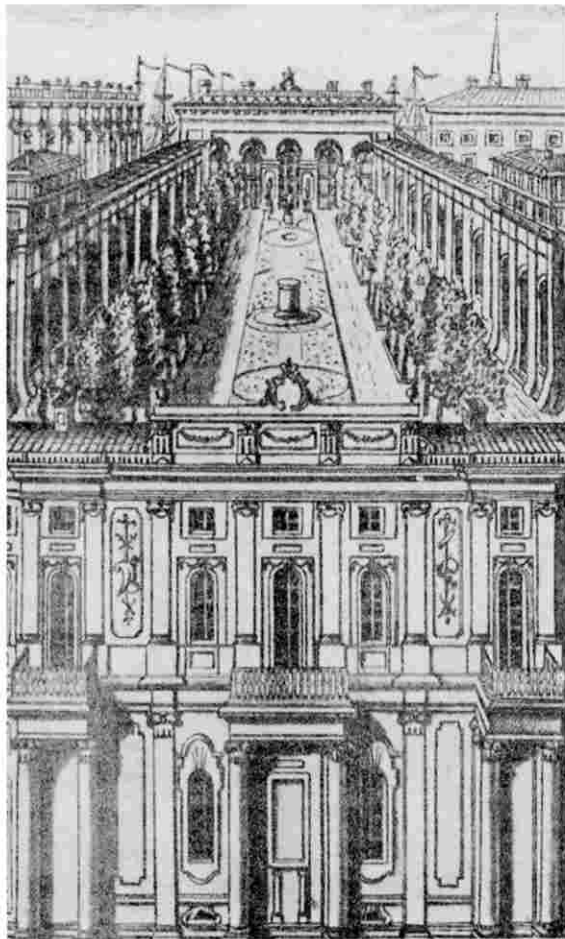
В Петербурге было несколько попыток создания висячих садов. Так, при постройке С. И. Чевакинским Царскосельского дворца в 1746 году «верхние сады» были устроены на одноэтажных каменных галереях, соединявших боковые флигели с центральным корпусом дворца [114]. Но этой затее не суждена была долгая жизнь, ибо вскоре галереи были надстроены, а затем и весь дворец перестроен Ф.-Б. Растрелли. Есть упоминание о попытке создать в 1767 году *hortus pensilis* (висячий сад) на одном из сооружений «рядом с новым императорским Зимним дворцом» [189]. Впрочем, это было скорее намерение, чем действие: сад был заложен весной, но уже осенью на месте этой постройки был сооружен двухэтажный жилой павильон для графа Г. Г. Орлова. Обширный висячий сад был устроен в 1740-х годах над боковым корпусом Аничкова дворца, выходящим на Невскую перспективу.

Известен Висячий сад в Эрмитаже, построенный на крыше одного из помещений первого этажа в 1764—

1766 годах по проекту архитектора Ж.-Б. Валлен-Деламота при участии Ю. М. Фельтена. Во времена Екатерины II в этом саду росли «ряды прекраснейших берез», среди дерновых газонов были дорожки, украшенные цветами, а в конце сада — высокая оранжерея (вольер) для заморских птиц и зверей [147]. Эрмитажный Висячий сад сохранился и в наши дни — его можно видеть из Павильонного зала.

Уже по перечню зданий, на которых устраивались висячие сады, можно понять, что это было дорогое удовольствие, практически недоступное владельцам частных домов. Его мог позволить себе лишь сановник И. И. Бецкой, занимавший при императрице Екатерине II среди прочих должностей пост «главного директора над строениями Е. И. В. садов и дворцов», а следовательно, имевший и вкус, и технические возможности к столь экзотическому украшению. «Изрядный» висячий сад, неоднократно упоминавшийся в описаниях Петербурга, располагался на крыше его дома на углу Лебяжьей канавки и набережной Невы (ныне Академия культуры); он виден на некоторых изображениях дома Бецкого. Этот сад просуществовал до 30-х годов XIX века, когда, приспособив дом для принца Ольденбургского, В. П. Стасов на его месте надстроил два этажа.

Неподалеку был еще один висячий сад. И. Г. Георги наряду с «висящим садом на сводах» в доме Бецкого упоминает также о «довольно великом саде на кровле третьего яруса» в доме генеральши Рибасовой «на канале Летнего сада» [33]. Сад этот, хотя и был «по своему положению

— Висячий сад на кровле Малого Эрмитажа.
Гравюра. 1779

и высоте весьма виден», других следов в описаниях и изображениях столицы не оставил.

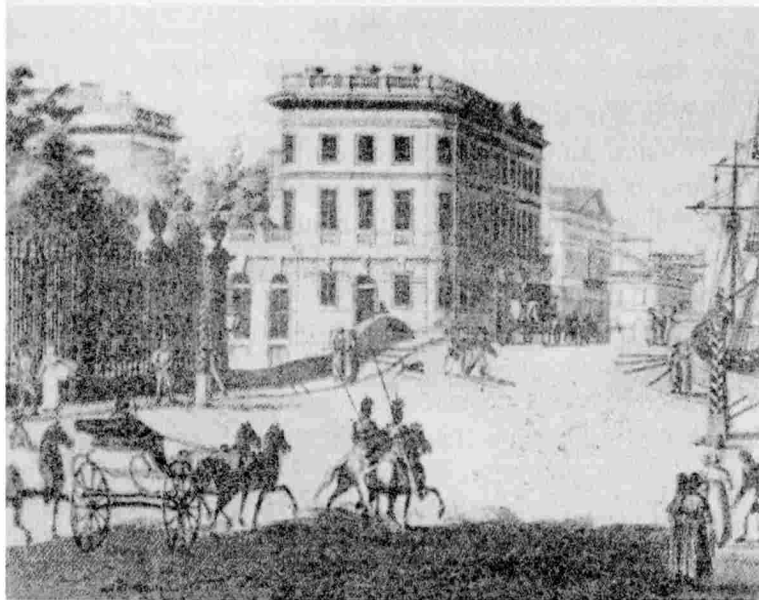
Позднее, на рубеже XIX и XX веков, идея «кровельных садов» вновь ожила, уже в связи с необходимостью как-то оживить и украсить «каменные джунгли», но осталась лишь на страницах специальных журналов, ибо строители не были готовы обеспечить нужные технические качества кровель. Впрочем, один такой сад появился в Петербурге в 1890-х годах (правда, ненадолго). Его устроил на крыше высокого дома № 43 по 10-й линии Васильевского острова прославленный художник А. И. Куинджи.

Современный вид Висячего сада Малого Эрмитажа.
Фото 1990-х гг.

В этом «семирамидском саду», как называл его часто бывавший в нем И. И. Шишкин, Куинджи любил писать этюды [29].

Висячие сады нашли отражение в петербургской поэзии. П. А. Вяземский в пышной оде «Петербург» (1818)

*Неизвестный художник. Набережная Невы у Летнего сада.
Первая половина XIX в. (Фрагмент)*

На углу набережных Невы и Лебяжьей канавки возвышается дом И. И. Бецкого, а между его двумя трехэтажными частями виден сад на крыше — известный в старом Петербурге «висячий сад Бецкого».

среди прочих красот столицы называет «сады Семирамиды» (по мнению комментаторов, речь идет, вероятно, о Висячем саде Эрмитажа). А поэт Е. Л. Милькеев, обращаясь к городу, «необузданному и чудному», приписывает ему такой подвиг:

Поднял ты с земли дубравы
И висеть заставил их.

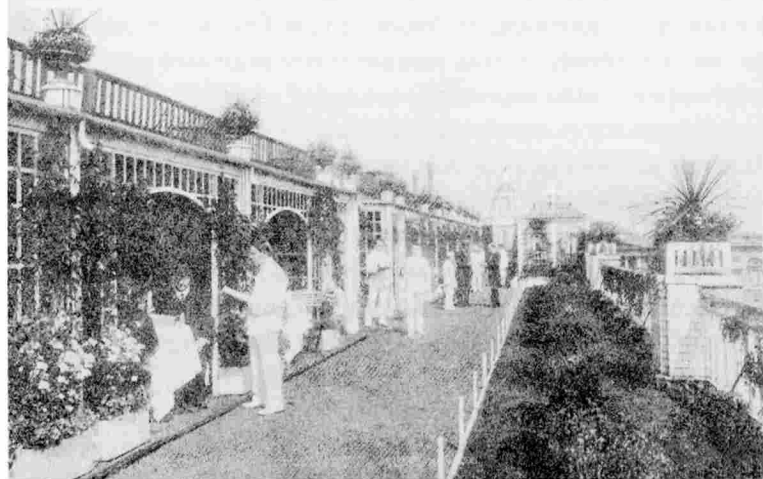
«Вавилон» (1842)

Не о саде ли Беэцкого здесь идет речь?

В наши дни высказывались предложения разводить газоны на крышах жилых зданий, но дальше отдельных попыток это хлопотное дело не пошло.

Если теперь обратиться от Петербурга роскошных усадеб и дворцов к Петербургу того же XVIII века, но уже обыденному, то и в нем мы найдем изобилие садов — конечно, более скромных, скорее садики — при жилых домах обывателей. В одном из описаний столицы после перечня принадлежащих «знатным особам» «нарочитых садов с аллеями и ранжереями» читаем: «В протчих же домах во всем гражданстве садов с хорошими плодами исчислять, за множеством, нужды нет» [20]. Представление о таких садах мы можем получить, воспользовавшись результатами того огромного труда, который проделал в начале XX века уже упоминавшийся историк Петербурга П. Н. Столпянский. Он просмотрел около двух тысяч объявлений о продаже, купле и найме земельных участков и домов в «Санктпетербургских ведомостях» с 1728 по 1799 год, в журналах, среди кото-

рых «Экономический магазин», издававшийся А. Т. Болотовым, «Магазин натуральной истории», «Чтение для вкуса и разума» и других, а также в сочинениях XVIII века по садоводству (например, «Секретный садовник», «Садовый словарь»). В объявлениях обычно помещались сведения о садах и огородах, принадлежащих участку. Например, читатели извещались о продаже дома у Пяти углов с «изрядным садом, в котором фруктовые деревья и пруд с рыбой»; сада с огородом и рыбным прудом на 9-й линии Васильевского острова и т. п. Эти объявления, — по словам автора, «драгоценный бытовой и статистический материал» — дают возможность предста-

Озеленение ресторана «Крыша» на кровле гостиницы «Европейская». Фото 1910-х гг.

вить общую картину развития садоводства в «несановном» Петербурге [175].

Особенно много садов при домах было на тогдашних окраинах города. Так, Петербургская сторона в 30—40-е годы XVIII века — это «положительная деревня: деревянные домики с заборами и садами, в том числе и у людей среднего достатка»; садами было занято около половины территории. Многочисленны были частные сады и на Васильевском острове (главным образом в центре, между Большим и Средним проспектами), а также садики с дощатыми заборами при «домиках в Коломне». Множество садов было в Литейной слободке, Московском и Нарвском предместьях. Как видно из приведенных объявлений, во многих садах были пруды (число их доходило до пяти-шести), поставлявшие рыбу к домашнему столу, обычно это были карп и карась.

А что же росло в петербургских садах XVIII века? В саду как месте отдыха, успокоения, прогулок обычно (если позволяло место) были тенистые аллеи, романтические уголки, извилистые дорожки. Из лесных деревьев чаще всего росли липы, клены, березы, вязы, иногда ели, из кустарников — орешник, бузина, позднее — желтая акация. Впрочем, сведений о флоре садов (особенно мелких) не так уж много; в этом отношении больше всего повезло плодовым деревьям и кустарникам. Они непременно перечислялись в торговых объявлениях, поскольку, естественно, повышали продажную цену сада. Ассортимент плодовых культур был неширок: это яблони, груши, сливы, смородина — красная, белая и черная, крыжовник, мали-

на; с середины XVIII века появляется клубника. Что касается сортов, то о них сведения очень скудны; так, о яблонях известно, что разводились «местные и с Украины», а наилучшими считались яблоки сорта апорт, а также «наливу белого и сквозного» (то есть прозрачного). Как видим, набор видов примерно тот же, что и в московских садах допетровских времен, да и на современных «сотках» в загородных садоводствах петербуржцев. Впрочем, сравнивая ассортимент дней прошедших и настоящих, нельзя не заметить, что в XVIII веке были еще две культуры, почти угасшие в наше время. Одна из них — вишня. Она росла, по-видимому, еще в садиках допетербургских поселений, иначе как объяснить упоминание о том, что в 1720 году в трех милях от строящегося города встречались вишни, но «мало и очень кислые» — видимо, одичавшие [27]. В XVIII веке вишня — довольно частая культура в петербургских садах. «Экономические» журналы посвящали ей множество публикаций с описаниями разновидностей, способов выращивания и т. д., вплоть до советов, как сохранить плоды на дереве до сентября. Интересен прием (правда, придуманный уже в следующем веке), с помощью которого «нежные» (теплолюбивые) сорта вишни и сливы защищали от морозов: «...осенью у каждого дерева с двух противоположных сторон вырывают ямы и дерево поворачивают на корнях, оставшихся в земле, как на оси, и пригибают к поверхности почвы. Потом все растение засыпают землею; в этом виде оно проводит зиму. По оттаянии почвы, весной, дерево снова ставят вертикально» [155]. Другая ныне забытая культура (вер-

нее, перешедшая из рук садоводов в руки работников городского озеленения) — барбарис обыкновенный, который выращивали как ягодный кустарник почти в каждом саду. Вероятно, плоды барбариса занимали более заметное место, чем сейчас, в кулинарном искусстве. О размерах его культуры можно судить по одному газетному объявлению, предлагавшему «свежих барбарисовых ягод до 20 пудов».

Что касается цветов, то на протяжении XVIII века набор их видов в петербургских садах оставался весьма ограниченным. Вывезенные из подмосковных садов уже давно известные цветочные декоративные растения нашли приют в основном в мелких частных садиках, а при устройстве пышных дворцовых и вельможных садов их решительно потеснили заморские луковичные культуры — в основном голландские, датские, германские (об этом рассказывалось в главе 5). Первое место среди них занимали гиацинты, притом еще весьма скромного облика, с малоцветковым и редким соцветием. Именно таков белый гиацинт в стакане, изображенный на одном из женских портретов кисти О. А. Кипренского («Портрет Е. С. Авдулиной», 1822). За ними шли тюльпаны, тацеты, нарциссы, лилии. В конце века становятся также популярны клубневыращиваемые культуры — ирисы, анемоны, примулы; с 1785 года появляются объявления о продаже гвоздик, левкоев, виолы. Разводили в XVIII веке и гладиолусы (французские сорта), но только в императорских садах. Из цветущих кустарников постоянная любимица — роза

О. А. Кипренский. Портрет Е. С. Авдулиной. 1822

(тогда еще полумахровая), а в конце века к «царице цветов» присоединяются жасмин и сирень, которая входит в моду с 1790-х годов.

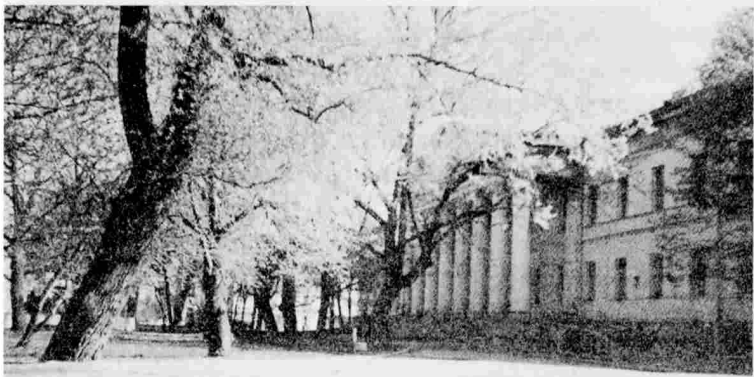
Устройство садов требовало большого количества посадочного материала — и в Петербурге возникла особая отрасль торговли. В первой половине XVIII века «садовая» торговля была довольно случайной. Саженьцы, цветочные луковицы, семена и прочий товар «на садовую потребу» купцы привозили из заморских стран вместе с другими товарами и продавали их в самых разных лавках (в течение всего XVIII века цветочных магазинов еще не было). Так, судя по объявлениям, в 1754 году иноземец Кондратий Кизель торговал одновременно «голландскими сельдями, анчоусами, английскими кабинетами и цветочными луковицами». До 4000 «разных иностранных плодоносных деревьев» продавали в те же годы в трактире на Офицерской улице. Торговали садовыми растениями и в крупных парках и садах — дворцовых и усадебных. Здесь этим занимались садовники, предлагавшие петербуржцам излишки выращенного своими трудами (особенно часто — цветочные луковицы «разных званий и отменных колеров»), а также специально растившие саженьцы на продажу. Этим делом, по-видимому достаточно прибыльным, занимались в садах не только знатных особ, но и Кадетского корпуса, Дворцового ведомства, Академии наук, в Медицинском (Аптекарском) огороде.

Первым коммерческим садовым заведением можно считать уже упоминавшийся петровский «огород» на Канцах, но настоящие «торговые сады» впервые появились на

Выборгской стороне около 1740 года. Вскоре они сосредоточились в районе Сампсониевского моста по обе стороны Невы. В основном там торговали саженцами плодовых деревьев; в некоторых заведениях счет шел на тысячи штук. Были среди них и специализированные: так, известны были «вишневые торговые сады» коллежской советницы Фокши (вероятно, г-жи Фок) на Петербургской стороне и голландского садовника Ферстера на Васильевском острове. Вишневые деревья продавались как в цвету, так и «с 200—300 ягодами на дереве». В других садоводствах выращивали также лесные деревья «к украшению садов». Одно из заведений на Васильевском острове предлагало саженцы березы «с тем, чтобы самому покупателю их с корнями вынуть», и давало подробные советы «о делании шампанского вина из березовицы» (березового сока), которое якобы считалось лучше привозимого из Шампани [193]. Понемногу и прочие практичные петербуржцы оценили возможности своих придомовых садов и садиков как источника дохода. Как писал П. Н. Столпянский, поэзия исчезла: вместо романтических и меланхолических уголков, беседок и извилистых дорожек в садах появились участки, «могущие вместить не одну тысячу яблонок» (саженцев).

XIX век принес большие перемены в жизни петербургских садов. Еще до его наступления возник новый стиль в устройстве садов и парков. На смену регулярным (французским) садам пришли пейзажные (английские) — со свободной планировкой, в подражание природным ландшафтам (впрочем, уже в руководствах XVIII века для практичных «садоделателей» предлагались варианты

«англо-русского сада», соединяющего красивое с полезным — пейзажные приемы с посадками «овощных деревьев»). Но, как писал знаток и историк садово-паркового искусства В. Я. Курбатов, эта смена стилей привела к тому, что многие петербургские сады, ранее хорошо «архитектурно устроенные», не столько перестраивались, сколько попросту забрасывались и приобретали запущенный вид [73; 74]. В то же время быстро растущей столице требовались всё новые земли для застройки, и притом — поскольку еще не было дальнего городского транспорта — не на окраинах, а в центре и вокруг него. Город стал отвоевывать территории не только у болот, но и у своих «зеленых легких».

Сквер у Марининской больницы (Литейный пр., 56) — остаток бывшего Итальянского сада. Фото 2000 г.

Обширные сады — и усадебные, и даже царские — понемногу застраивались, сжимались, таяли, распадались на клочки. Такая участь постигла, например, некогда огромный Итальянский сад, от которого к началу XX века остались лишь небольшие фрагменты — сквер перед Мариинской больницей (Литейный проспект, 56) да группа старых деревьев за домом № 57 по тому же проспекту. (Впрочем, в обоих случаях эти деревья — уже не те, что росли в самом Итальянском саду: сейчас им должно бы быть под триста лет, а возраст старых дубов, ив и тополя у больницы не более ста восьмидесяти лет, так что они явно

Сквер во дворе дома 57 по Литейному пр. — остаток бывшего Итальянского сада. Фото 2000 г.

были посажены позже, на смену одряхлевшим «итальянцам».) Сад Шереметевых на Фонтанке исчез почти полностью, лишь несколько деревьев растут теперь перед входом в Фонтанный дом да позади дома остался небольшой садик. Об обширном саде Разумовского на Мойке напоминал лишь садик перед Воспитательным домом (ныне Педагогический университет им. А. И. Герцена). По кусочкам исчезал громадный некогда сад Кадетского корпуса, оставив к нашему времени лишь территорию, занятую Ботаническим садом Санктпетербургского университета. Перечислив не только эти, но и многие другие «садовые»

Остатки Шереметевского сада позади Фонтанного дома.
Фото 2000 г.

потери столицы, Курбатов в одной из статей пришел к печальному выводу: в городе идет постепенное уничтожение зелени и остатков бывшего петровского «парадиза» [74]. С уплотнением застройки в центре исчезали и мелкие сады при особняках. Вероятно, только привилегированное положение архитектора А. И. Штакеншнейдера позволяло ему долго сохранять собственный сад при доме на Миллионной улице (сад выходил на Мойку там, где сейчас дом № 9). И конечно, нетронутыми оставались некоторые сады при «вельможных» особняках и дворцах (например, сад во внутреннем дворе Марининского дворца).

Судьба петербургских садов, располагавшихся вдали от центра города, была в XIX веке не столь суровой. Продолжали процветать пышные императорские и великокняжеские загородные сады и парки. По-прежнему много было мелких придомовых садиков на окраинах; по мере того как город «расползался» вширь, число их даже увеличивалось. В 1836 году по данным Министерства внутренних дел в Петербурге числилось 1688 садов (впрочем, возможно, что некоторые из них были просто огородами).

В литературе XIX века много упоминаний о столичных придомовых садиках и палисадниках. Вот картина одного из них в романе Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные»: этот сад при маленьком доме на 13-й линии Васильевского острова «шагов в 25 длиною и столько же в ширину и весь зарос зеленью. В нем три высоких, старых, раскидистых дерева, несколько молодых березок, несколько кустов сирени, жимолости, уголок маличника, две гряд-

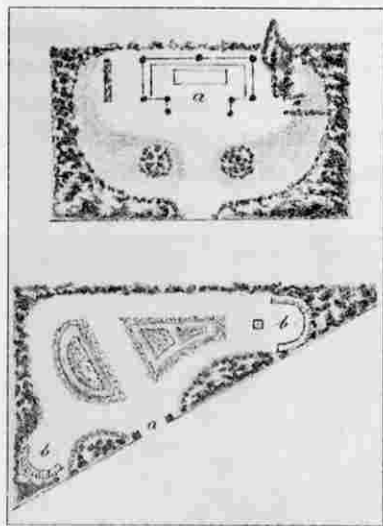
ки с клубникой и две узеньких, извилистых дорожки вдоль и поперек сада». Плодовых деревьев в таких садиках почти не выращивали — негде было. Интересно, что придомовые садики нашли свое место и в тогдашнем садово-парковом искусстве. В 1853—1860 годах было опубликовано руководство, помогавшее распланировать и создать садики и сады разных размеров при жилищах [187]. Поскольку автор подчеркивал, что все представленные образцы «не просто фантазия, но виды, снятые с натуры», можно, по-видимому, по приведенным в книге планам представить облик типичных петербургских садиков. Среди них — совсем крохотные, в 15 квадратных сажен

Сад при Марининском дворце. Фото 1890-х гг.

(около 70 квадратных метров, или 0,7 «сотки»), с одной березой, кустами акаций и цветником, рядом с которым — беседка со столом и скамьей. В другом варианте — только кустарники по периметру, цветник и стол посередине и даже статуи в конце дорожки. В садиках побольше (80 квадратных сажен, или около 360 квадратных метров) уже умещались не только несколько деревьев, много кустарников и цветники с розами, но и стриженный партер, и беседка из вьющихся растений. Более обширные сады, включающие оранжереи, парники для цветов, «салоны в итальянском вкусе», горки и прочие «садовые затеи», предназначались уже не для города, а для богатых загородных домов и дач. Еще одно подобное руководство — «125 небольших садов» — появилось позднее, в начале XX века [31].

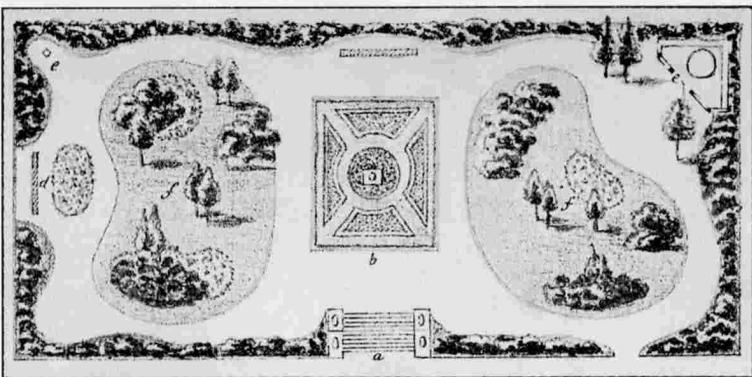
По словам Достоевского, петербуржцы дорожили своими садиками, даже совсем крохотными, «как в тюрьме ценят клочок небесной лазури». Кстати, Достоевскому довелось по-

Планы миниатюрных придомовых садиков на площади 15 квадратных сажен. Чертежи 1853 г.

знакомиться и с настоящим тюремным петербургским садиком. Когда в 1849 году по делу петрашевцев писатель был заключен в Петропавловскую крепость, великой отрадой для него стали прогулки в садике при Алексеевском рavelине, где он сосчитал каждое дерево (их было семнадцать). П. Н. Столпянский в одной из своих книг приводит более подробное описание этого тюремного садика, которое в 1860-х годах оставил узник крепости Поливанов. В нем росли липы и тонкие, тянущиеся к свету березки, кусты бузины, весной пышно цвели яблони (но осенью яблоки узникам не доставались, их обрывали жандармы); была и клумба с лилиями [169].

Флора садов в XIX веке практически не менялась, лишь некоторые состоятельные владельцы садов, не довольствуясь местными видами, украшали свои участки

План садика площадью 80 квадратных сажен. Чертеж 1853 г.

экзотическими деревьями и кустарниками. К примеру, в обширном саду великой княгини Елены Павловны на Каменном острове было собрание видов южноамериканского дерева араукарии; в саду одного из министров на Аптекарском острове росли тамариксы, пирамидальный можжевельник, спиреи из Японии и Китая и прочие диковины. Но это были лишь отдельные случаи, ибо, конечно, петербургский климат не давал простора для сколько-нибудь значительного обогащения садов экзотами — не то, что в Западной Европе, где время от времени на них возникала мода (так, восточно-пруссский Кёнигсберг на рубеже XIX и XX веков представлял собой настоящий ботанический сад, остатки которого сохранились в Калининграде до наших дней) [75].

Коммерческое садоводство процветало в Петербурге и в XIX веке, судя по описаниям и объявлениям в «Вестнике садоводства, плодоводства и огородничества». Особенно известны были крупные торговые сады на Каменно-островском проспекте. Притом у каждого владельца была своя «изюминка»: в саду Бука разводили много тогдашних цветочных новинок, среди которых были душистый табак, астры, душистый горошек, а также белолистный сельдерей и декоративные сорта картофеля; в саду Геддевига — георгины и китайскую гвоздику (кстати, владелец сада был автором одной из ее разновидностей, известной садоводам и в наше время). Были и временные «садовые ярмарки». Так, до середины XIX века в Конном переулке, близ Сенной площади, весной создавался импровизированный сад: шла продажа цветов, саженцев, зелени до Троицына

дня. В целом, садовое дело в Петербурге развивалось столь успешно — и по количеству выращиваемых растений, и по их ассортименту, — что его продукцию стали отправлять в другие города, в том числе и в Москву, всего за полтора столетия до того служившую источником садовой флоры для новорожденного Петербурга.

В нашем кратком обзоре нельзя не упомянуть и об общественных садах — реалиях не только городского растительного мира, но и социальной жизни горожан. До конца

Е. А. Крюгеръ,

СЪМЯННАЯ ТОРГОВЛЯ и СКЛАДЪ ЦВѢТОЧНЫХЪ ЛУКОВИЦЪ,

Вас. Остр., 2-я лин., д. № 1—3, противъ Румянцевскаго сада,

предлагаетъ:

Свѣжія сѣмяна цвѣточныхъ, огородныхъ, луговыхъ и комнатныхъ растений.

Голландскія и разныя цвѣточныя луковицы.

Бокалы для гиацинтъ и тюльпановъ.

Разныя кактусы. Сѣмена штамбовой смородины, штамбового крыжовника и всякихъ деревьевъ, кустарниковъ.

Розъ грунтовыхъ и горшечныхъ. Мочалу Рафію.

Садовыя ножницы, ножи, пилы и лейки по рисунку въ «Комнатномъ Садоводствѣ».

Гальмайерское цвѣточное удобреніе.

Гундельфингерскіе сушенныя овощи и проч., проч.

Принимаются заказы и платежи для Спб. Помологическаго сада д-ра Регеля и Я. К. Кессельринга.

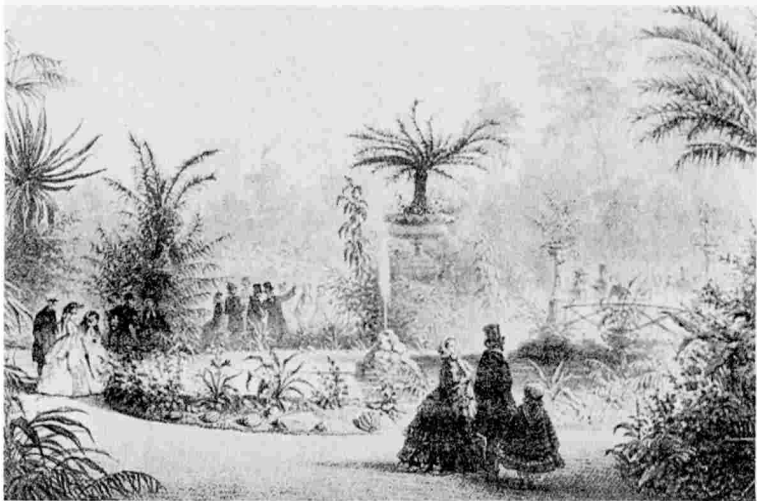
Реклама торгового садового заведения. 1898

XVIII века собственно общественных садов еще не было, но иногда горожане в праздничные дни могли гулять и в императорских садах. Начало этой традиции было положено еще при Петре I, когда устраивались праздничные гулянья в Летнем саду и Екатерингофе. Регулярный доступ в царские сады открыл указ Елизаветы Петровны 1755 года «О пропуске для гулянья в Придворные сады по четвергам и воскресеньям». Однако доступ для публики был ограничен: разрешался вход министрам, генералам, офицерам, допускались также «все дворянство, российское и иностранное знатное купечество, с их фамилиями», ино-

Фруктовая лавка в Петербурге.
Ксилография. 1858

странные моряки («кроме матросов, також и господских, ливрейных и подлого народа»). Не пускали тех, «кои будут неопрятны, то есть: волосы не убраны, платки на шеи и в сапогах, также в серых кафтанах, а из купцов с бородами, а женщин в русском платье, в чепчиках и прочих тому подобных простых платьях отнюдь не пущать». Петербуржцы могли посещать по праздничным дням также некоторые сады знатных особ, на тех же условиях — допускались «все порядочно одетые люди». Разрешалось посещать уже упомянутые сады в центре города, но в основном — сады загородных имений: на дачах

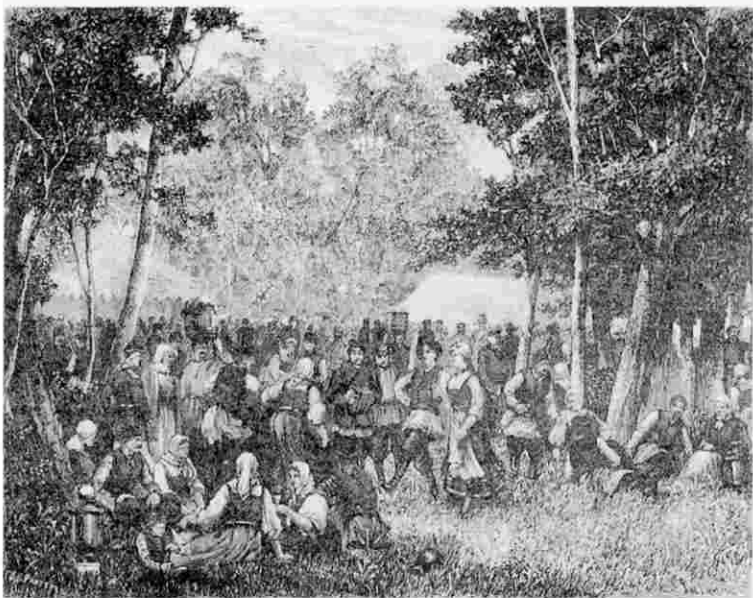
Выставка Санкт-Петербургского Общества садоводства.
Литография. 1857

А. А. Безбородко и А. С. Строганова на Выборгской стороне, К. Г. Разумовского на Крестовском острове, А. А. и Л. А. Нарышкиных в начале Петергофской дороги. В последнем посетители встречало такое объявление у входа: «Приглашаем всех городских жителей воспользоваться свежим воздухом и прогулкою в саду для разсыпания мыслей и соблюдения здоровья». Даже в саду Кадетского корпуса, несмотря на строгости военного учебного заведения, по воскресеньям и праздникам разрешалось гулять горожанам «в порядочной одежде».

В следующем веке Петербург уже имел и настоящие общественные сады, которые сразу же стали использоваться не только для прогулок «на природе», но и для увеселения. Первый из них — появившийся еще в 1793 году увеселительный сад на Мойке («Вокзал в Нарышкином саду»), от которого затем отделился Демидов сад на Офицерской улице. В 1837 году общественный сад был открыт на Петровском острове — там, где когда-то был парк при дворце, а затем земли Вольного экономического общества. В нем проводились гулянья «для небогатого люда» (в ночь с 23 на 24 июня — на Ивана Купала — даже прыгали через костры); были и различные аттракционы, а в начале XX века — даже катанье на оленях с эскимосами.

Любимым местом для гуляний продолжал оставаться Екатерингофский парк, претерпевший за два века немало изменений — он был и регулярным дворцовым садом, и обширным пейзажным парком, и охотничьим «зверинцем», правда только в неосуществленных планах;

а в советское время — уже сильно потесненным застройкой народным парком, который носил имена 1 Мая, затем 30-летия ВЛКСМ. Ныне он снова стал Екатерингофом. В XIX веке (до 1860-х годов) этот парк был известен ежегодным первомайским гуляньем (дата первой победы русского флота в Северной войне в 1703 году), привлекавшим множество петербуржцев, от царской фамилии до простых мастеровых. «Первого мая в Екатерингофе не быть! Что вы, Илья Ильич! Да там все!» —

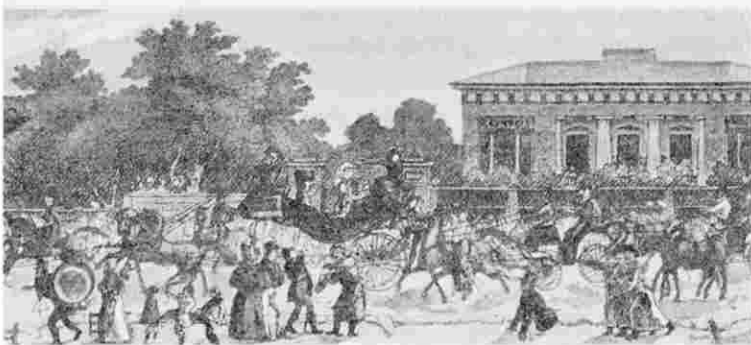

Гулянье на Петровском острове. Гравюра. 1870-е гг.

так изумленно восклицал один из знакомых Обломова в ответ на его отказ покинуть свой диван. Тогда еще не знали, какая будущность ожидает Екатерингоф через несколько десятилетий: в 1907 году «вся местность кругом застроена фабриками и заводами, растительность гибнет, т. к. вся территория покрыта облаками удушливого дыма, особенно от костеобжигательного завода. Редкие гуляющие обращаются в бегство» [99]. Вероятно, уже тогда могли бы появиться строки, написанные о Екатерингофе много позже:

В одном из ужаснейших наших
Задымленных, тесных садов,
Среди изувеченных, страшных,
Прекрасных древесных стволов...

А. С. Кушнер (1970)

*К. К. Гампельн. Панорама Екатерингофского гулянья.
Раскрашенная гравюра. 1825. (Фрагмент)*

В 1843 году общественным стал Александровский парк на Петербургской стороне, разбитый на месте бывшего кронверка. Его посещала демократическая публика, большей частью мастеровые и рабочие с семьями, по праздникам и вечерами в будние дни непринужденно располагавшиеся на отлогих берегах Кронверкского пролива и на лужайках. «Шумел разведенный самовар, появлялась незатейливая закуска, звенели песни, слышались звуки гармоники, гитары, балалайки, составлялись танцы на траве...» Нет сомнения, что растительность парка сильно страдала от всех этих увеселений, поскольку через несколько лет они были запрещены городскими властями «в целях сохранения зеленой травки, лужаек и поддержания среди гуляющей публики большего порядка и благочиния» [99].

На этом примере хорошо видно, как в общественных садах рекреационные интересы горожан (потребность в отдыхе «на природе») сталкивались с другими их же интересами — экологическими, гораздо более существенными, но не столь явными и вообще неосознаваемыми. Побеждали первые; но в значительной мере побежденной — испорченной, угнетенной — оказывалась и растительность этой разновидности городского зеленого мира.

Из общественных садов упомянем еще «тезку» Александровского парка и прямого наследника Адмиралтейского бульвара — Александровский сад у Адмиралтейства, где, по словам уже цитированного «Описания древесных насаждений...», публика гуляла многочисленная, «исключительно более или менее интеллигентная». Неда-

ром атрибутами этого сада были не «шумящие самовары», а скульптурные бюсты великих людей.

Известны и другие петербургские общественные сады XIX века — Измайловский, «Аквариум» и пр. Но поскольку они привлекали петербуржцев скорее не как зеленые островки среди города, а как увеселительные заведения, предоставим их описание историкам петербургских публичных развлечений и эстрадного искусства. Отметим лишь, что перед революцией в Измайловском саду был последний в Петербурге «висячий сад» скромных размеров, устроенный владельцем на крыше погребов.

В конце XIX века небольшие общественные сады возникали при «народных домах» — учреждениях клубного типа, которые устраивались для рабочих крупными фабрикантами при поддержке правительства. Сады эти были бедны по составу и оформлению, так что «их значение для истории русского садоводства ничтожно» [9].

И еще об одной разновидности садов Петербурга — садах при дачах. История дачного строительства вокруг столицы (точнее — возникший с середины XIX века «дачный бум») — особое явление в жизни нашего города, нашедшее отражение и в трудах историков, и особенно в многочисленных бытописаниях — часто юмористических, изображающих дачную жизнь петербуржцев.

Каковы были причины, заставлявшие состоятельных жителей столицы строить себе загородные, иногда довольно удаленные дома для летнего пребывания, а людей со скромным достатком — уже в конце зимы объезжать ближние окрестности в поисках наемной дачи? В молодом Петер-

бурге, пока существовали городские усадьбы с их сельским помещичьим укладом жизни, дачи были не нужны (разве что роскошные загородные дворцы для «вельможности» в подражание царской фамилии). Но, как отмечают историки Петербурга, начиная с эпохи К. И. Росси, застройка двух-трехэтажными домами вокруг парадных площадей вытеснила усадебную застройку; местом проживания стала квартира, а еще позже — подчас и комната в большом доме, рядом с которым не было места даже небольшому саду. Уже в 1889 году М. И. Пыляев с грустью отмечает: «Теперь в городе при домах почти нет садов» [147]. Загородная дача стала своего рода компенсацией этих потерь. Другая причина тяги за город — постепенное, по мере роста плотности застройки, ухудшение городской среды обитания. Еще не было слова «экология» (оно появилось в 1866 году и имело смысл, далекий от современного*), но все труднее дышалось в столице летом. Вот одна из поэтических зарисовок:

Все камни... Камни стен и камни мостовых!
В домах защиты нет от духоты и жара!
Деревья чахлые бульвара
Стоят, как вечный фронт! Под мертвой пылью их

* Термин «экология» (от греч. *oikos* — дом, родина и *logos* — учение) ввел немецкий зоолог Э. Геккель. Экология — это наука о взаимоотношениях организмов с окружающей средой и между собой. В наше время — эпоху все нарастающих антропогенных и техногенных влияний на среду — большинство людей под словом «экология» понимают широкий круг связанных с этими влияниями вопросов, от любых загрязнений окружающей среды до проблем охраны природы.

Не видно зелени, нет свежести — и это,
Столица бедная, ты называешь лето!

М. А. Дмитриев. «Лето в столице» (1840)

Эти «чахлые деревья» оказались живучими в петербургской поэзии:

В столице северной томится пыльный тополь...

О. Э. Мандельштам. «Адмиралтейство» (1913)

Добавим, что и этой пыльной, угнетенной зелени в городе становилось все меньше. Ну и, конечно, немало способствовала развитию «дачного бума» мода, охватившая не только состоятельных петербуржцев, но и горожан среднего достатка. В различных описаниях быта Петербурга мы находим колоритные картины массового переселения на дачи, когда чуть ли не весь столичный люд переезжал в окрестности.

Дачные места старого Петербурга — это хорошо знакомые нам ныне давно застроенные и обжитые районы бывших окраин и близлежащих сельских местностей. В середине XIX века это, главным образом, острова — Каменный, Крестовский, западная часть Аптекарского, а также Охта и даже бывшее болотистое Полуострово; в предреволюционные годы — Новая и Старая Деревня, Удельная, Лесное, Парголово, а также вновь отвоеванные у болот места вокруг города (см. главу 3), например к югу от Петергофской дороги.

Конечно же, на дачах были сады, весьма разнообразные по размерам, устройству, набору растений, в зависимости от возможностей и вкусов владельца. Так, на Аптекарском

острове, где уже к 1810 году насчитывалось 79 дачных участков, были и настоящие английские парки (на дачах графини А. Г. Лаваль, князя П. В. Лопухина и др.), были и сады любителей ботанических редкостей со специальными оранжереями для их выращивания (на дачах графини С. И. Борх, купца Г. Сапожникова, «миллионщика» В. Ф. Громова), но были и скромные садики на дачах чиновников, торговцев и пр. [42]. На рубеже веков и в предреволюционные годы, когда дачами в массе стали пользоваться «средние слои» петербуржцев, именно такие садики стали основным местом летнего отдыха и контактов горожан с зеленым миром. Город изгнал петербургские садики за свои пределы — горожанам пришлось «догонять» их, перемещаясь каждое лето в новые места их обитания.

Стоит отметить, что, судя по многочисленным описаниям дачного быта прошлых времен, контакты дачников с окружающей природой были весьма умеренными — не более, чем прогулки в садиках и самых ближних окрестностях. И потому еще не было и речи о «рекреационных нагрузках»* на природу.

* Рекреация (лат. *recreatio* — восстановление) — в XIX — начале XX в. термин из школьной лексики: отдых между уроками, перемена. С 1960-х гг. стал употребляться в физиологии и медицине для обозначения отдыха, восстановления сил человека, причем в различных формах — от занятий спортом и туризмом до коллекционирования или художественного творчества. Поскольку многие проявления рекреационной деятельности горожан сильно и даже разрушительно влияют на природу, термин «рекреация» стал использоваться и в экологии. Возникли понятия о «рекреационных нагрузках» на природу, «рекреационных» формах растительности (в той или иной степени нарушенной).

В наши дни облик Петербурга немислим без имени-тых, прославленных садов и парков, украшающих город как редкие старинные драгоценности. Но далеко позади осталась та — сравнительно недолговечная — пора в истории города, когда и многочисленные пышные сады, и незамысловатые садики окружали чуть ли не каждый дом и, как писал П. Н. Столпянский, «весь Петербург утопал в зелени, когда широким кольцом сады окружали столицу России и незаметным образом сливались с вплоть подходящими к столице лесами» [175]. Не прошла мимо изобилия садов и петербургская топонимика. В разные годы носили название Садовых улицы Таврическая, Новосильцевская (ныне Новороссийская), часть нынешней улицы Шишкина, часть Геологической улицы; Садовой Итальянской (затем Малой Итальянской) была нынешняя улица Жуковского. Садовой в конце XVIII века недолго была и Песочная улица на Аптекарском острове (ныне улица Профессора Попова). До наших дней сохранили свои названия Садовая и Малая Садовая улицы, а также Садовый мост через Мойку.

Сейчас картина города — «сплошного сада» кажется скорее одной из петербургских легенд, чем отражением реальной, хотя и давно минувшей действительности.

Ботанические сады Петербурга

Почему же сады? — спросит читатель. Ведь в городе всего один Ботанический сад — тот, что на Аптекарском острове, бывший Аптекарский огород; это все знают. На самом деле в истории российской столицы ботанических садов было несколько (да и сейчас не один).

Мысль о создании ботанического сада в столице России возникла еще при жизни Петра I. Возможно, она ему и принадлежала, о чем говорят некоторые факты. В 1725 году в Париже вышла небольшая книжка «Записка, написанная с целью доставить сведения о натуральной истории растений России и для устройства ботанического сада в Санкт-Петербурге»; автором ее был французский ботаник П. Дешизо, побывавший в Петербурге в 1724 году [49]. Известно, что целью его поездки были отнюдь не ботанические труды, а хлопоты об устройстве медиком при посольстве графа Румянцева, отправлявшемся в Константинополь [93]. Можно предположить, что в Петербурге Дешизо, соответственно его специальности, было поруче-

чено разработать план создания Ботанического сада, результатом чего и явилась упомянутая книжка.

Первый Ботанический сад Петербурга, созданный уже после смерти Петра I носил титул академического. Как известно, Академия наук была основана в России по указу Петра I в 1724 году. Одним из направлений ее деятельности была «натуральная история», включавшая многие науки о природе, в том числе и ботанику. И потому ново-рожденной Академии приличествовало иметь свой ботанический сад, подобно многим европейским научным учреждениям. Уже в 1726 году на стол главного архитектора Петербурга легло прошение: «Академии наук на Васильевском острове для ботаники необходимо иметь свой огород. Того ради, ваше благородие, прошу дабы изволили показать удобное место» [109]. Хлопотами по организации сада занялся выдающийся ботаник того времени голландец И. Амман, приехавший в Россию в 1733 году и занявший в петербургской Академии наук должность академика по ботанике. Место для сада выбрали в конце 2-й линии Васильевского острова, где Академия наук снимала дом для своих служителей. В 1735 году был куплен участок земли при доме, выходявшем на 1-ю и 2-ю линии, а в 1739-м приобретен и сам дом. Как говорилось в прошении о покупке, направленном в Сенат, земля была необходима «для содержания академического огорода, на сохранение и ращение в нем разных семян и трав и для содержания ботанических книг на обучение молодых людей» [93]; в другом месте — еще более конкретно: «Академии Ботанический сад необходимо надобен для за-

воду, севу и рассаживания» семян, присланных из европейских стран, Сибири, Китая, а также «ради обучения молодых людей ботанике» [83]. Как видим, сад должен был выполнять двойную задачу: служить научной коллекцией растений (в том числе экзотических) и своеобразным учебным пособием.

И вскоре в лексике петербуржцев появились новые наименования: вначале «ботанический двор», «ботанический дом», а затем и «Ботанический сад». Для создания коллекций Амман стал выписывать семена и растения из-за рубежа — от иностранных ученых, охотно присылавших их в обмен на диковинную для них российскую флору, а также от русских ученых и участников академических экспедиций — из разных местностей Сибири, из Уфы, Самары, Оренбурга и др. Появились и первые ростки научной работы: Амман описывал и систематизировал коллекционные растения, начал сочинение «книги о 200 разных травах», которая «началом травной истории вся Российской империи будет» (но замысел этот так и не был осуществлен). Именно научные исследования должны были отличать академический сад от существовавших уже тогда аптекарских, или медицинских, садов, где разводили, в первую очередь, «травы, до лекарств принадлежащие» [20].

После Аммана в Ботаническом саду за несколько лет сменился ряд директоров. Среди них были известные в истории российской науки естествоиспытатели-путешественники — И. Г. Гмелин (о котором К. Линней писал, что он один открыл столько растений, сколько другие ботаники все вместе) и С. П. Крашенинников, автор знамени-

того «Описания земли Камчатки». Постепенно саду стало тесно, а коллекции продолжали расти, и Крашенинников в 1747 году стал хлопотать перед Академией наук о получении для сада обширного места на Васильевском острове между 7-й и 9-й линиями, пытаясь убедить руководство различными доводами о необходимости расширения сада, в том числе и практическими: «Главная же польза от того последовать имеет, что несколько известно будет, что у нас в государстве родится и не выписывается ли того из чужих стран, чего внутри России довольно». Но эти хлопоты не увенчались успехом.

Большой интерес к созданию академического Ботанического сада проявлял М. В. Ломоносов. (Кстати, на территории сада была для него построена первая в России химическая лаборатория, а в доме сада Ломоносов получил свою первую квартиру, вернувшись в 1741 году из-за границы.) Когда в 1764 году готовился проект нового устава Академии, Ломоносов составил для него программу «работ академического ботаника» — по существу, развернутую программу разносторонней деятельности Ботанического сада как научного и учебного учреждения: «Ботаник, он же купно и всей натуральной истории профессор; содержит в своем смотрении и расположении академический бот[анический] сад, оранжерею; семена и сушеные травники (гербарий. — Т. Г.); все в исправном и надобном числе и количестве. Семена стараться собирать через корреспонденцию откуда возможно, наипаче же изо всех областей Российской империи и со всех соседственных земель, особливо ориентальных (восточных. — Т. Г.),

и через то проводить бот[аническую] часть натуральной истории нашего отечества к совершенству, дабы оное служило к лутчему исправлению бот[анической] общей системы. Между тем стараться о познании здешних медицинских трав для удовольствия здешних аптек домашними материалами. В оранжерее содержать иностранные травы, сколько допустит здешний климат и сколько потребуется к показанию бот[анических] разных систем для наставления учащихся» [18].

Эту программу — по крайней мере ту ее часть, которая касалась расширения коллекций, — во многом осуществил академик И. И. Лепехин, руководивший садом в течение 28 лет, с 1774 по 1802 год [83]. Посылки с семенами и черенками растений стали приходиться из Крыма, с Кавказа, Камчатки, Колымы, из Забайкалья и др. Растения присылали и участники академических экспедиций, и местные любители природы, с которыми переписывался Лепехин. Так, в числе его корреспондентов были казак из Якутска, переводчик из Монголии, полковой врач с Урала, смотритель Аптекарского сада в Астрахани и др. Активным поставщиком сада был известный уральский горнозаводчик П. А. Демидов — страстный любитель растений. В Соликамске, где он жил, у него были оранжереи с редкими растениями, полученными от Ботанического сада в обмен на уральскую и сибирскую флору. А в 1756 году он даже основал собственный ботанический сад в Москве с обширной по тому времени коллекцией растений (известно ее описание, сделанное академиком П. С. Палласом [107]).

Академический сад разрастался и приобретал известность. В описании Петербурга, изданном в 1779 году, он уже упомянут среди крупных петербургских садов: «Сад Ботанический, Императорской Академии наук, в котором всякие растут травы, принадлежащие до науки Натуральной истории» [20]. Однако использовать эти травы по их «принадлежности», то есть наладить научные исследования, в полной мере не удавалось, все силы и средства уходили на поддержание сада. А средства, поступавшие от Академии, были весьма скудны: от 100 до 400 рублей в год, на которые Лепехин должен был нанимать садовых работников, ремонтировать оранжереи и заборы и т. д. Денег не хватало, и саду приходилось, жертвуя частью территории, разводить плодовые культуры для продажи. Так, в 1782 году было продано плодов на 27 рублей 50 копеек, которые пошли на оплату работы садовников. Но все это были крохи. Как писал один из тогдашних академиков, «едва ли во всей Европе сыщется ботанический сад, который был бы в столь жалостном состоянии» [93].

В 1777 году опять встал вопрос о новом месте для сада, ибо старое стало «не только мало, но и совсем неспособно». Лепехин хлопочет о получении «безденежно» поля на Васильевском острове за Малым проспектом, между 11-й и 15-й линиями, с прилегающим лесом. И опять в просьбе отказывают. Пришлось арендовать для сада расположенные на Васильевском острове огородные земли Московского подворья, бывшего под началом Московского митрополита. Но когда директором Академии наук стала Екатерина Романовна Дашкова, весьма экономная

в расходах, она увидела в том недозволенное расточительство и повелела «сделать такое распоряжение, чтобы с нанимаемой к Ботаническому саду земли все посаженные растения перенесены были в самый Академический сад, поелику оная земля отныне впредь нанимаема не будет».

Неизвестно, как бы вышел из столь трудного положения сад (и в особенности ни в чем неповинные растения), если бы вскоре не последовал щедрый дар от другой Екатерины — императрицы. В 1786 году она пожаловала Академии наук 26 тысяч рублей на покупку земли для Ботанического сада и дома для собраний Российской Академии. Был куплен обширный (170 x 150 сажень, или около 11 гектаров) участок на левом берегу Фонтанки за Обуховским мостом, рядом со слободой Семеновского полка. Его обнесли каменным забором, построили два флигеля по Измайловской улице, причем Дашкова сама вела дела с поставщиками и руководила работами. И вот в мае 1789 года состоялось «великое переселение»: к берегу Фонтанки причалил большой швербот, на котором с Васильевского острова были перевезены выкопанные деревья, кустарники и травы. И уже к осени все работы по их устройству на новом месте были закончены. Вскоре, однако, выяснилось, что новый участок еще менее пригоден для сада, чем прежний, но уже не из-за тесноты, а от излишней сырости, которой способствовал неудачно проведенный рядом сточный ров.

После смерти Лепехина в 1802 году дела сада стали постепенно приходить в упадок. А в 1811 году в Академию поступило предложение от министра народного про-

свещения графа А. К. Разумовского: «Находя, что принадлежащий Академии наук Ботанический сад в настоящем положении требует больших издержек и не приносит почти никакой пользы, а притом и вовсе не нужен никому, что при Академии нет никакого училища, я испросил Высочайшего повеления на продажу оного». Как видим, для министра сад был всего лишь учебным пособием, ненужным при отсутствии использующих его учебных заведений. (В эти годы гимназия и университет при Академии наук, созданные при деятельном участии Ломоносова, уже не существовали.)

Нельзя не отметить, что граф Разумовский вовсе не был принципиальным противником ботанических садов. Совсем напротив. Страстный любитель ботаники и меценат, он в 1798 году основал в Горенках (под Москвой) собственный ботанический сад, устроенный весьма грамотно и на широкую ногу. Достаточно сказать, что сад занимал площадь около пяти квадратных километров, а общая длина оранжерей (их было сорок) составляла более полутора километров; в саду трудилось около ста садовников и рабочих. Растения для коллекций доставляли многочисленные иностранные корреспонденты и специально отправляемые в путешествия ботаники, среди которых нередко бывали и профессора Московского университета. В скором времени «Сад в Горенках» стал не только прихотью богатого вельможи, но и крупным научным центром с обширными коллекциями и превосходной библиотекой, какой не было и в Академии наук. «Вестник Европы» в 1810 году писал, что его можно поставить «наряду с пер-

вейшими ботаническими садами», чему «споспешествовали как постоянная охота к естественной истории и твердое знание наук знаменитого хозяина, который не щадил никаких издержек, так и удачный выбор мужей, которых распоряжению все сие заведение препоручено было». После смерти Разумовского в 1822 году все это великолепие рухнуло, поскольку наследники отказались поддерживать существование сада.

Историки науки справедливо ставят вопрос: не была «Сад в Горенках» тайной причиной повеления Разумовского о закрытии Ботанического сада Академии наук в Петербурге? Возможно, что Разумовский, вложив несколько миллионов в свое детище, «весьма ревниво относился к ботанической работе, с ним лично не связанной» [19].

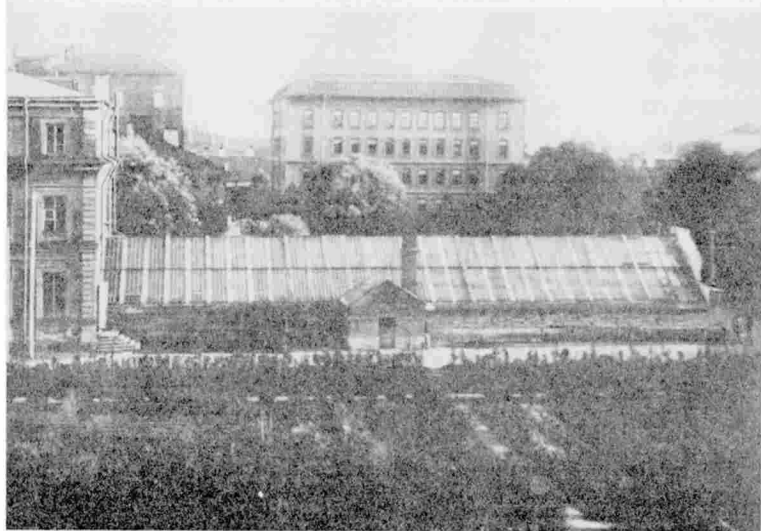
Вероятно, ученые Академии наук и предприняли бы какие-то попытки отстоять свой Ботанический сад, но грянула война 1812 года; средства, отпускаемые Академией, стали еще более скудными, и академический Ботанический сад был закрыт. Его коллекции к тому времени насчитывали 2184 растения. Все, что счел нужным сделать Разумовский, — это повелеть перед ликвидацией сада составить его «подробную опись», «чтобы народу было известно, какие растения были в Саду в последнее время его существования». Опись эта до нас не дошла (если только она вообще была сделана).

Историкам Петербурга просуществовавший 77 лет Ботанический сад Академии наук практически неизвестен. Даже ботаники мало знают о нем, путая его с Аптекар-

ским огородом — предшественником современного Ботанического сада Академии наук.

А теперь от описанных событий перенесемся на сто с лишним лет вперед — как раз ко времени основания еще одного петербургского Ботанического сада. Он существует и поныне, но тоже мало известен. Это Ботанический сад Санкт-Петербургского университета.

В те времена биологию (а именно — ботанику и зоологию) в университете преподавали, как ни странно это сейчас звучит, на физико-математическом факультете

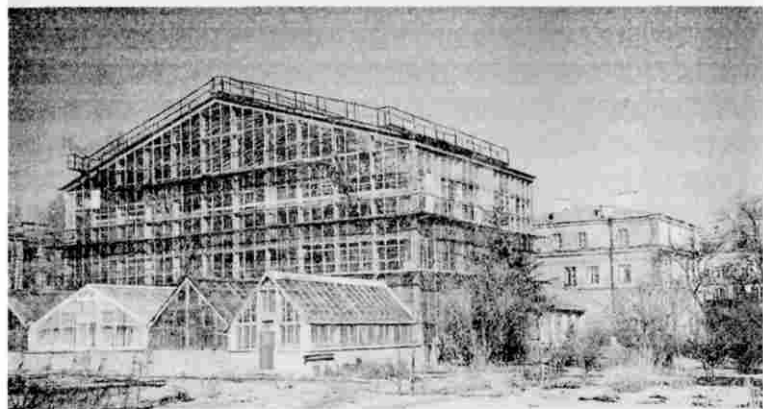
Оранжерея Ботанического сада Санкт-Петербургского университета. Фото конца XIX в.

(впрочем, и другие естественные науки, еще не имевшие «своих» факультетов). В его состав входила и кафедра ботаники. Первые упоминания об университетском Ботаническом саде относятся к 1830-м годам*. Известно, что в начале XIX века учебные помещения университета находились в разных местах города, пока в 1830 году Николай I не дал «соизволение» на переезд учебного заведения в здание Двенадцати коллегий, до тех пор занятое различными административными учреждениями. (Ныне это главное здание университета на Университетской набережной, 7/9.) Это событие (вернее, его «первая очередь») совершилось лишь в 1838 году, а до того несколько лет ушло на приспособление здания для новых целей. Очевидно, тогда и возникла мысль о Ботаническом саде.

Николай I, лично надзиравший за подготовкой здания, в одно из своих посещений постройки университета повелел произвести «отделение по лицевому фасаду дома коллегий части прилегающей площади для разведения сада по тому уважению, дабы устранить проходящих от нижнего этажа, где расположены столовые, и отдалить шум проезжающих экипажей от аудиторий». Такой сад был создан и какое-то время носил название Ботанического. На деле же это была придомовая посадка, в основном утилитарного назначения. Разбивал этот сад Ф. Бук, садовод весьма

* Далее приводятся сведения из рукописи Д. М. Залесского [54], любезно предоставленной автору М. П. Барановым, сотрудником кафедры ботаники Санкт-Петербургского государственного университета, где хранится эта рукопись.

известный, но вряд ли сведущий в создании научных ботанических коллекций. (Возможно, в этом саду выращивали и какие-то теплолюбивые растения, поскольку в архивах сохранились сведения о средствах, ежегодно отпускаемых университетом на содержание «Ботанического сада с теплицами и оранжереями»; впрочем, не исключено, что они расходовались вовсе не по назначению.) Сделанные в те годы посадки вдоль здания Двенадцати коллегий сохранились до наших дней. Теперь старые разросшиеся деревья летом частично закрывают длинный фасад здания, нередко вызывая досаду экскурсоводов, ибо показать все архи-

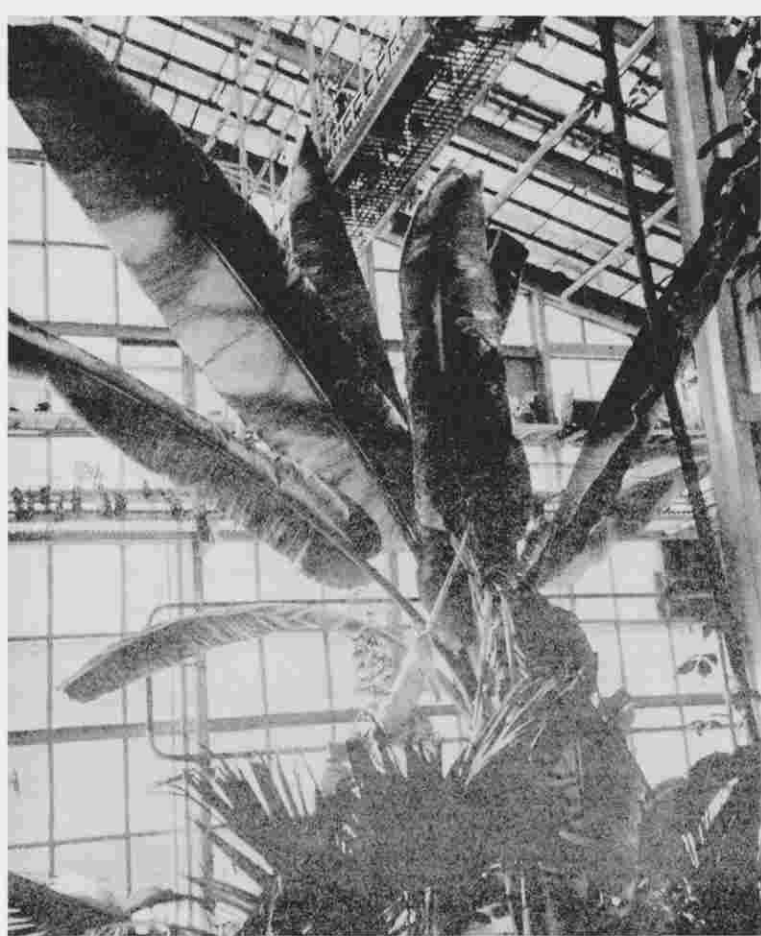
Современный вид строений Ботанического сада Санкт-Петербургского университета. Фото 2000 г.

В центре — большая оранжерея (1974), перед ней — оранжереи кактусовая и разводочная (1990). Справа в глубине видна старинная оранжерея, представленная на предыдущей фотографии.

тектурные особенности великолепного творения Доменико Трезини можно лишь у центрального входа с Менделеевской линии.

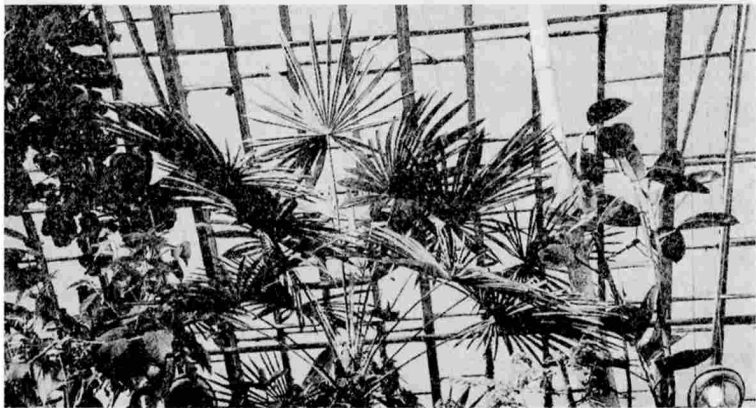
Но университету нужен был и настоящий ботанический сад как пособие для студентов, изучающих естественные науки. Горячим сторонником его создания стал один из крупных ученых второй половины XIX века А. Н. Бекетов, занявший с 1863 года в университете должность профессора ботаники и в корне изменивший как преподавание этой науки, так и отношение к ней [190]. До тех пор ботаника считалась «монотонной» (если не сказать — нудной) дисциплиной, занимавшейся лишь бесконечным перечислением и описанием растений. Бекетов в буквальном смысле слова оживил обучение студентов ботанике — и тем, что рассматривал растения как живые существа, испытывающие влияние климата, почвы и прочих условий; и тем, что стал использовать для преподавания и учебных работ живые растения (а не только гербарий, как ранее)*. Потребность в них все возрастала, и Бекетов стал хлопотать о разбивке хотя бы небольшого ботанического сада, а также о постройке оранжереи с учебными кабинетами при ней.

* В рамках этой книги невозможно рассказать о научных трудах и общественной деятельности А. Н. Бекетова; упомянем лишь, что он был предшественником дарвинизма и основателем географии растений в России, одним из первых русских экологов, автором первого русского учебника «Курс ботаники»; принимал самое деятельное участие в создании Высших женских курсов. С 1876 по 1883 г. Бекетов был ректором университета.

Банан в большой оранжерее университетского Ботанического сада.
Фото 2000 г.

Хлопоты были долгими и трудными. Вначале пришлось преодолеть сопротивление университетского совета, который отнесся к затее Бекетова как к ненужной трате средств. Затем оказалось, что у университета для сада нет свободной территории. Попечитель учебного округа предложил использовать для разбивки сада узкий университетский двор, для чего следовало снести загромождавшие его мелкие строения, а оранжереи устроить в аркадах университетского здания. Бекетов готов был уже согласиться (представим себе на минуту, как выглядело бы здание Двенадцати коллегий с «дворовой» стороны!). Но в 1867 году неожиданно была удовлетворена поданная советом университета еще три года назад просьба:

Веерная пальма в большой оранжерее университетского Ботанического сада. Фото 2000 г.

по высочайшему повелению военный министр Д. А. Милютин передал университету соседний участок земель Кадетского корпуса (часть его плаца, около полутора гектаров). Добавили еще небольшую часть университетского двора, и общая площадь будущего сада составила немногим более трех гектаров.

С трудом добывал Бекетов деньги на улучшение территории (ее «кадетская» часть была низкой и топкой), на строительство и разбивку сада. Что касается теплиц и оранжерей, то «при одних собственных средствах университет не мог бы и подумать об устройстве этих заведений в скором времени, если бы на помощь ему не пришла тут любовь к науке одного из богатых его питомцев». Это был магистр кафедры ботаники М. С. Воронин, внесший на постройку оранжерей шесть тысяч рублей [43].

И наконец в 1870 году комиссия приняла построенное трехэтажное каменное здание Ботанического кабинета с оранжереями. В саду начались и еще несколько лет продолжались посадки деревьев и кустарников, оранжерея заполнялась иноземными растениями: вначале было приобретено 1000 видов, а в отчетах университета за 1872—1876 годы уже числилось «живых растений 4500 номеров». В открытом грунте выращивалось около 700 видов, причем один из участков сада был отведен профессору сельского хозяйства для культурных растений. Как учебный, Ботанический сад университета в эти годы не имел себе равных в России и за границей.

О научной деятельности сада сведений не сохранилось, но о ее уровне можно судить хотя бы по тому, что с 1886

по 1916 год им издавался собственный журнал «Ботанические записки», популярный в ученых кругах того времени.

Внешний облик университетского сада можно представить себе по воспоминаниям дочери Бекетова Марии: «Сад окружен с трех сторон каменной стеной... Посредине построен ботанический дом с аудиториями, кабинетами для профессоров и квартирой садовника. К нему примыкает оранжерея. В левой части сада разбит настоящий сад с разнообразными деревьями, дорожками, горкой и прудом, тут же были прекрасные цветники. В другой части сада

Уголок университетского Ботанического сада.
На переднем плане — коллекция хвойных. Фото 2000 г.

было... поле, состоявшее из многочисленных квадратов, засаженных растениями всевозможных пород, по которым учились студенты. Отец мой состоял директором Сада, при этом не получая за это жалованья, но в виде некоторой компенсации пользовался растениями из оранжерей и цветами из сада...» В университетском Ботаническом саду, «о котором не имеют понятия многие жители Петербурга», гулял с няней Саша Блок, будущий великий поэт (он родился в 1880 году в Ректорском доме и провел раннее детство в семье А. Н. Бекетова — своего деда) [12].

На рубеже веков территория сада стала сокращаться: тогда (и в последующие годы) на ней было построено несколько университетских зданий для научных и жилых нужд. В наши дни сад занимает лишь половину прежней площади.

В годы войны сад сильно пострадал; из оранжерейных растений осталась едва одна треть видов, из дикорастущих травянистых — меньше десятой части. Восстановительные работы последующих лет позволили восполнить большую часть потерь. Как и прежде, Ботанический сад университета используется для преподавания ботанических дисциплин. Автору настоящих строк еще в конце 1940-х годов довелось слушать лекции по ботанической географии прямо в его оранжереях, среди «зарослей» растений из разных стран, и выполнять там же первую курсовую работу.

Кроме оранжерейных коллекций сад включает небольшой парк-дендрарий, в котором наряду с местными деревьями и кустарниками растут некоторые дальневосточные экзоты. Сохраняется и пруд с мостиком.

Из других петербургских учебных заведений свой Ботанический сад имел Лесной институт, но история этого сада почти не отражена в литературе; есть упоминания о том, что в конце XIX века он отличался «изобилием видов», хотя по «наличным средствам мог бы иметь еще и не то» [150].

А теперь о главном, хорошо ныне известном петербургском Ботаническом саде на Аптекарском острове. По времени основания он старейший из ботанических садов столицы, но первое столетие своего существования он провел в ранге Аптекарского огорода.

На Руси издавна основой медицинской практики было лечение травами — как в народной медицине, так и в профессиональной. Лекарственные растения удобно было всегда иметь под рукой, и после образования в Москве в 1620 году Аптекарского приказа стали создавать посадки целебных трав — «аптекарские огороды». Особенно известен был расположенный в подмосковном Измайлове «царев огород», названный по форме «Круглым огородом», для которого воеводы нескольких областей присылали Алексею Михайловичу лекарственные травы в виде особой подати [150]. В допетровской Руси на аптекарских огородах вначале разводили только растения, используемые в медицине. Затем на них стали появляться виды пряные и эфиромасличные (их использовали для духов), а также цветы и иногда «ботанические растения» — представители дикорастущей флоры, не приносившие прямой пользы.

Петр I стал основателем двух аптекарских огородов. В 1706 году в Москве был заложен «медицинский огород» с лабораторией и аптекой (через сто лет на его основе

возник Ботанический сад Московского университета на Мещанской улице). Не могла обойтись без такого огорода и новорожденная столица. Правда, жителей в ней было еще немного, но вновь созданным армии и флоту требовалось регулярное медицинское обслуживание, и лекарства в том числе*. И в 1714 году Петр I отдал приказ заложить петербургский Аптекарский огород, которому надлежало быть в ведении Главной аптеки при Медицинской канцелярии. Место для него было выбрано за городом в юго-восточной части Вороньего острова (Корписаари), который тогда еще был покрыт густым еловым лесом и не заселен; на нем находилось лишь иноверческое кладбище. Прошло немного времени, и царь получил донесение: «...на данном под аптеку... острове огорожен огород и построен для житья аптекарских служителей двор». А новое имя острова — Аптекарский — стало упоминаться в документах еще раньше, в 1713 году [79].

Возможно, в первые годы существования Аптекарский огород занимал не всю отведенную ему территорию: на одном из планов Петербурга (1725) на ней показан «Сад ея императорского величества» (Екатерины I). Но скорее всего, это был лишь «протокол о намерениях», так как больше нигде сведений об этом саде не встречается.

Вначале Аптекарский огород работал в основном для нужд армии и флота — шла Северная война. В 1721 году

* Есть упоминание о том, что какой-то аптекарский огород недолго существовал при госпитале на Охте, но, по-видимому, он обслуживал только нужды этого госпиталя [79].

здесь была построена лаборатория и уже изготовлялись различные лекарственные препараты 160 наименований, а рядом с огородом работала «инструментальная изба» — первая в России мастерская по изготовлению медицинских инструментов, предшественница нынешнего объединения «Красногвардеец» [10]. О другой деятельности Аптекарского огорода в те годы известно мало, поскольку вся его документация сгорела в пожаре 1737 года. Из впечатлений датского путешественника Гавена, посетившего Петербург в 1736 году, известно, что в то время Аптекарский огород выращивал уже не только лекарственные травы, но и имел коллекцию из нескольких сотен живых растений — экзотов, происходивших из Китая, Японии, Монголии, а также много гербарных образцов. Это уже были зачатки будущего научного учреждения.

Новые, более обширные задачи Аптекарского огорода (или Медицинского сада, как его стали называть) были сформулированы в 1735 году. По-прежнему главной задачей было выращивание лекарственных растений, а также сбор их в окрестностях и снабжение ими аптек. Притом в деле добычи лекарственных средств бывали и курьезные моменты. По царским указам велено было доставлять из соседних губерний и выпускать на острове... живых зайцев, чьи сушеные лодыжки и жир ценились тогда в медицине как весьма целебные. Но создать на острове «заячий питомник» не удалось: местные жители оказались отменными браконьерами, а уцелевшие зайцы зимой, когда замерзали реки, просто разбегались с острова.

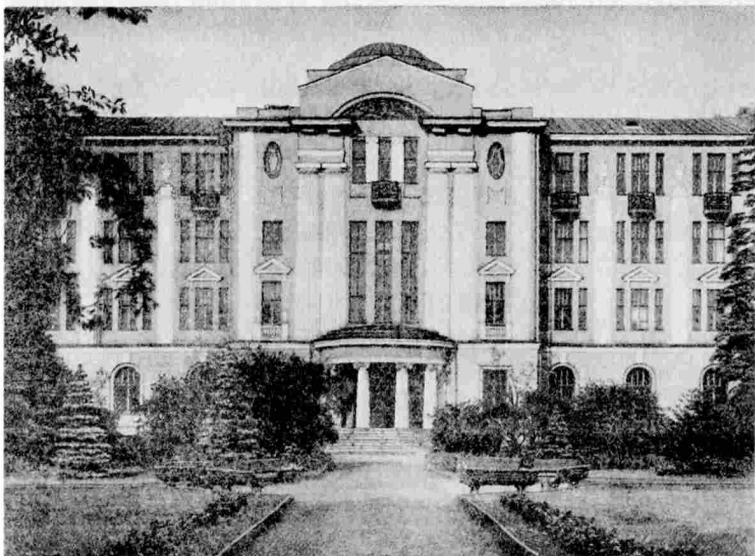
Другие поставленные перед Медицинским садом задачи были нацелены на деятельность, как мы теперь бы сказали, научно-педагогическую. Следовало преподавать ученикам из госпиталей ботанику, именовавшуюся тогда «прозябословием»^{*}; «давать дважды в неделю в огороде лекционов и плантов (растений. — Т. Г.) демонстрировать порядочно». В саду проводилась также подготовка фармацевтов и провизоров. Медицинский уклон в преподавании особенно усилился, когда в 1767 году сад был подчинен Медико-хирургической академии: заведующий садом профессор обычно читал студентам лекции не только по ботанике, но и по фармакологии, искусству выписывания рецептов и даже по акушерству.

Еще одной важной задачей Медицинского сада считалась деятельность по расширению коллекций — как лекарственных растений, так и вообще «куриозных и чуждых плантов», для чего следовало вести «корреспонденцию» (обмен семенами и растениями) с иноземными учеными и учреждениями. Мы уже упоминали о том, что европейские ботаники в XVIII веке проявляли живой интерес к неизвестной им до тех пор российской (и в особенности сибирской) флоре, среди которой оказывалось много растений, еще не известных науке. Многие ученые, и среди них прославленный Карл Линней, стремились получить коллекционные материалы из петербургского Медицинского сада.

В последующие годы XVIII века, когда Академия наук снаряжала одну за другой «великие экспедиции» в Сибирь,

^{*} См. примеч. на с. 127.

на Алтай, Камчатку и в другие районы, участвовавшие в них естествоиспытатели активно пополняли коллекции сада. А в XIX веке и сам сад стал посылать специальные экспедиции и отдельных сотрудников в поездки за растениями по России и за границу. После того как были построены многочисленные оранжереи, стало возможным выращивать в саду теплолюбивые растения из дальних стран — с Кавказа, из Персии и т. д., в том числе и из Бразилии, где

Ботанический сад Российской Академии наук. Здание гербария и библиотеки. Архитектор А. И. Дмитриев. 1914.
Центральная часть фасада. Фото 1950-х гг.

в 1831—1836 годах даже существовал специальный «заготовительный пункт» — филиал петербургского Ботанического сада. Ближе к концу XIX века деятельное участие в расширении коллекций сада приняло Географическое общество, организовавшее в 1870—1890-х годах несколько крупных экспедиций в Центральную Азию. Живые растения и гербарии привозили оттуда Н. М. Пржевальский, П. К. Козлов и другие известные путешественники. На рубеже XIX и XX веков такую же роль сыграли экспедиции Переселенческого управления Министерства государственных имуществ, обследовавшие обширные области азиатской России с целью их возможной колонизации.

В результате ботанический «капитал» сада постоянно увеличивался. Если в 1736 году в открытом грунте и в теплицах культивировались растения 1275 наименований, то в 1836-м их было уже 15 тысяч, и коллекции сада считались тогда богатейшими в мире. Это положение они сохранили и в 1905 году, когда число видов и разновидностей растений достигло 34 тысяч.

Что касается научных исследований, то они тоже входили в первоначальные задачи Аптекарского огорода. Правда, в 1736 году их цель и объем были сформулированы еще весьма неопределенно: постановка опытов «относительно действия растений (по-видимому, лечебного. — Т. Г.) и их размножения». В последующие годы научные работы заняли видное место в деятельности Медицинского сада благодаря участию в них многих крупных ученых — ботаников и географов. Основными направлениями работ в течение двух веков были составление российской флоры

и изучение растений различных областей России. В годы Первой мировой войны, когда увеличилась потребность в лекарственных средствах, были усилены исследования растительного лекарственного сырья.

История Ботанического сада как научного учреждения — предмет специального повествования, и мы отсылаем интересующихся к содержащим его книгам [79; 102]. Здесь упомянем только, что современный преемник петровского Аптекарского огорода — один из крупнейших научных центров, всемирно известный Ботанический институт им. В. Л. Комарова Российской Академии наук, имеющий в своем составе много отделов и лабораторий с разнообразной научной тематикой (и конечно же, сам сад). Недаром в течение десятилетий Ленинград был «ботанической столицей» СССР.

Более чем двухвековой жизненный путь Аптекарского огорода, затем сада был непростым, а нередко и ухабистым. Многие зависело от того, в чьих руках и в чьем ведении было управление.

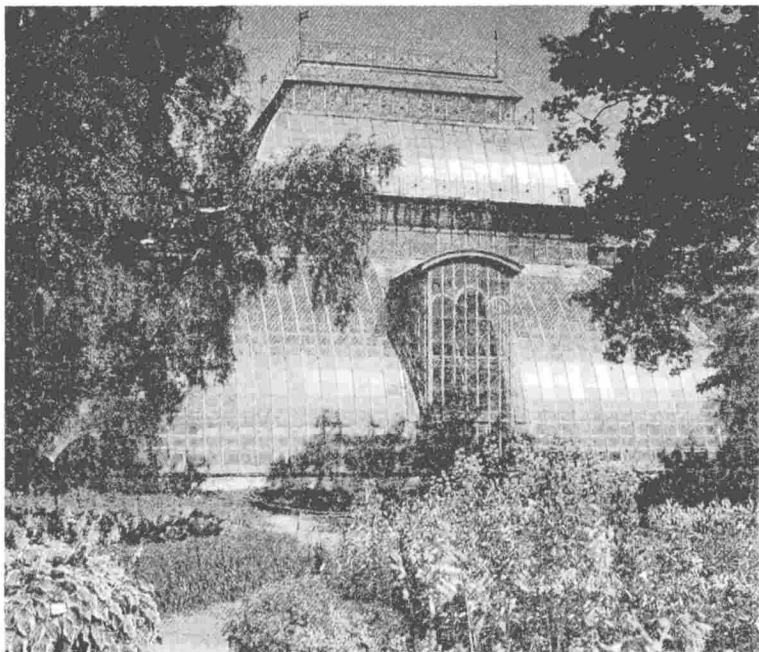
Первым директором Аптекарского огорода (тогда уже Медицинского сада) в 1736—1742 годах был немецкий ботаник и врач И. Сигизбек, преподававший ботанику в обоих учрежденных Петром I госпиталях — армейском и флотском. В истории науки он снискал себе сомнительную славу тем, что отвергал наличие пола у растений, а потому и основанную на признаках пола линнеевскую систему растительного мира. Отвергал по весьма «веским» причинам: Бог-де никогда бы не допустил в растительном царстве такой безнравственности; иначе — как бы при-

шлось излагать все это учащейся молодежи, не оскорбляя ее?)* Впрочем, управителем сада он был неплохим; при нем, в частности, была создана коллекция сибирских растений и издан первый каталог всех коллекций.

В дальнейшем среди директоров Медицинского сада было немало крупных ученых, но были и мало сведущие в ботанике «провизоры, садовники и чиновники» [166]. Соответственно и коллекционная, и научная деятельность сада то расширялась, то хирела. Особенно трудными были годы в конце XVIII — начале XIX века, когда у Медико-хирургической академии не хватало сил и средств для содержания сада. Вот строки из донесений одного из тогдашних директоров: «Забор упал. Открылись проходы, по которым ходят посторонние люди и портят растения... Прежде насчитывалось 20 оранжерей и 34 парника, теперь число оранжерей сократилось до 5, а парников до 6. Оранжереи готовы рухнуть от малейшего сотрясения... от холода погибло 130 растений». Но потом настали более светлые дни. В 1823 году указом Александра I Медицинский сад был преобразован в Ботанический и получил титул Императорского, а в 1830 году был переведен в ведение Министерства Двора. Сад получил новые штаты, увеличенный бюджет и большие средства для строительства новых оранжерей. В эти годы были построены существующие и

* Отзвуки таких взглядов слышались еще в 1860-х гг.: когда известный ботаник Ценковский читал в Благородном собрании популярную лекцию о половом процессе у грибов, то дамы не были на нее допущены «из нравственных соображений».

ныне большой оранжерейный комплекс, административные и жилые здания, в проектировании которых участвовали И. И. Шарлемань, Д. И. Висконти и другие известные архитекторы. Но появилась у сада и новая обязанность — массовое разведение декоративных растений для украшения царских и великокняжеских дворцов, особенно в дни празд-

Большая субтропическая оранжерея Ботанического сада
Российской Академии наук. Архитектор А. Р. Бах. 1889.
Фото 1990-х гг.

неств. Это «придворное» положение немало тяготило ботаников-ученых (правда, теперь с сада была снята обязанность поставлять лекарственное сырье аптекам).

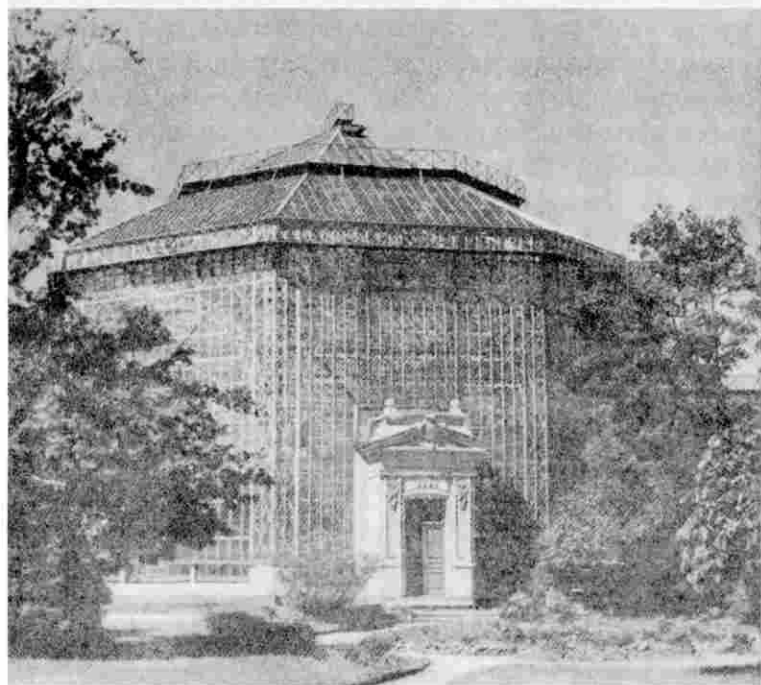
«Дом главного ботаника» на территории Ботанического сада
Российской Академии наук. Архитектор И. И. Шарлемань.
Начало XIX в. Фото 1950-х гг.

Были и другие неудобства положения «при дворе», да еще какие! В 1855 году Министерство Двора назначило при директоре еще и управляющего садом — некоего барона Кистера (до того — бухгалтера сада). Он сразу же объявил, что «чисто научные занятия вовсе не дело Императорского Ботанического сада», а дело его — «чисто практическое садоводство», для чего следовало «способы к сему умножить... торговыми предприятиями». И барон стал действовать: были ликвидированы все научные должности, уволены все ученые (и даже живописец), исходатайствовано «высочайшее повеление», запрещающее покупать растения и гербарии для коллекций. Легко представить себе весь вред, который был нанесен саду...

Возрождение сада как успешно развивающегося научного учреждения связано с именем приглашенного в Россию швейцарца Э. Регеля, который возглавлял его более тридцати лет. Он был крупным специалистом в области садоводства и ландшафтной архитектуры, но также и выдающимся ботаником (достаточно сказать, что за время работы в саду он описал около тысячи новых для науки видов растений). Человек весьма энергичный, Регель использовал для развития и укрепления сада все возможности, в том числе и свои связи при дворе — он преподавал ботанику сыновьям Александра II.

В 1860-х годах Ботанический сад оказался в русле общегосударственных реформ. Теперь он был подчинен Министерству государственных имуществ, ведомству земледелия. Научные исследования не только не запрещались, но поощрялись, причем указано было на желатель-

ность их связи с садоводством и сельским хозяйством. Наконец можно было свернуть декорационное отделение, освободить «царские» оранжереи и заняться наукой. В это же время было проведено благоустройство парка, созданы цветники и пруды; Ботанический сад принял

Большая пальмовая оранжерея Ботанического сада
Российской Академии наук. Архитектор И. С. Китнер. 1899.
Фото 1950-х гг.

облик, близкий к тому, в котором мы знаем его ныне. К концу XIX века были построены грандиозные оранжереи, позволявшие размещать крупномерные растения: в 1889 году — Большая субтропическая, в 1890-х годах — Большая пальмовая. Последняя имела высоту более двадцати метров и была в те времена наиболее крупным в Петербурге сооружением с металлической конструкцией.

Кроме крупных ботанических садов (как бы мы теперь сказали, ведомственного подчинения) были в прошлые века в Петербурге и частные ботанические сады — конечно, небольшие по размерам и существовавшие непродолжительно. Известно, что в середине XVIII века такой сад был у академика И. Г. Гмелина [94]. В нем выращивались как растения из окрестностей Петербурга (в частности, с горы Дудергоф, до сих пор известной разнообразием флоры), так и редкие виды, выращенные ученым в Академическом и Медицинском садах или полученные в обмен. Есть упоминания о том, что такой же сад был и у академика П. С. Палласа, ботаническая коллекция которого включала также виды растений, привезенные из путешествий. Свои ботанические сады создавали и некоторые богатые вельможи — любители растительных редкостей. Правда, этим больше отличалась Москва, где были уже упоминавшиеся сад П. А. Демидова, «Сад в Горенках» А. К. Разумовского и некоторые другие.

В Петербурге 1850—1860-х годов благоустройством и ботаническими редкостями славились сады при дачах весьма состоятельных людей на Аптекарском острове [42]. Так, в оранжереях «короля» петербургской лесной

биржи В. Ф. Громова, миллионера и одного из учредителей Российского общества садоводов, были собраны редкости, которым мог бы позавидовать и Императорский Ботанический сад. (Дача Громова занимала территорию от Большой Невки до нынешней улицы Графтио.) Розами и камелиями — последних было 607 сортов! — были известны парки на даче графини Борх (от улицы Грота до впадения Карповки в Малую Невку). Но особенно богата растительными диковинами была дача графа К. В. Несельроде, располагавшаяся на территории нынешнего Института экспериментальной медицины. В нескольких огромных оранжереях выращивались рододендроны, камелии, акации, пальмы, много «новоголландских» экзотов с мыса Доброй Надежды. Притом туда допускались все любопытствующие, которых бывало до 300 человек в день (большой частью иностранцы), так что это был, по существу, своего рода частный публичный ботанический сад.

Упомянем еще об одном — скорее игрушечном, чем настоящем, — петербургском Ботаническом саде, располагавшемся, правда, не в самом Петербурге, а в Гатчине. Этот небольшой (около четырех гектаров) уголок Гатчинского парка распланирован в регулярном стиле. Сеть пересекающихся дорожек делит его на восемь прямоугольных частей, лежащих на двух уровнях (отчего и возникли названия — Верхний и Нижний Ботанические сады). Здесь находились грядки, на которых с середины XVIII века до 20-х годов XIX века выращивались редкие цветы и лекарственные растения. Нельзя не задаться вопросом: почему возникла эта парковая «затея», не совсем обычная для загородных царских резиденций?

Известный историк садово-паркового искусства В. Я. Курбатов напоминает, что владевший с 1765 года Гатчинской мызой Г. Г. Орлов был намерен пригласить в гости французского философа-просветителя Ж.-Ж. Руссо (о чем свидетельствует его письмо, посланное Руссо в 1766 году). Зная, что предполагаемый гость страстно любит ботанику, «быть может, Орлов для него именно приготовил Ботанический сад» [71]. Однако согласно современным исследованиям, в которых использовались старинные планы и документы, разведение лекарственных растений, по-видимому, началось в Гатчине значительно раньше. С 1716 года по распоряжению Петра I Гатчинская мыза использовалась для нужд царской аптеки, а затем была собственностью медиков: в 1718—1719 годах — личного врача царя, Р. Арескина, в 1719—1732 годах — доктора И. Л. Блументроста. «Не может быть сомнения в том, что оба они выращивали здесь растения, необходимые для изготовления лекарств» [77]. Поэтому вполне естественно, что при создании парка в 1766—1783 годах для целебных растений был распланирован специальный уголок.

В наши дни эта часть Гатчинского парка именуется Ботаническим садом (точнее — Ботаническими садами) «по старой памяти», поскольку от садов сохранилась лишь планировка да старые дубы, которыми была обсажена регулярная геометрическая сетка.

Вот так распорядилось время с петербургскими ботаническими садами, история которых за три века была не менее сложной, чем история самого города.

Петербургские огороды и огородники

Несмотря на современное звучание заголовка (ибо многие из нас стали сейчас огородниками — не столько по душевной склонности, сколько из-за суровой жизненной необходимости), речь пойдет не о наших многострадальных шести сотках, а об огородах в Петербурге прошлых веков — об одной из весьма своеобразных форм рукотворной растительности нашего города.

Когда по воле Петра I на берега Невы хлынули потоки строителей, сразу же стал ощущаться недостаток продовольствия. Допетербургские поселения — мызы и мелкие деревни — не могли прокормить стремительно растущее население города. Продукты приходилось завозить издалека, и стоили они очень дорого. Острый недостаток овощей приводил к тому, что цинга была одной из главных болезней, косивших согнанных отовсюду строителей. Пришлось новорожденной столице заводить свои огороды.

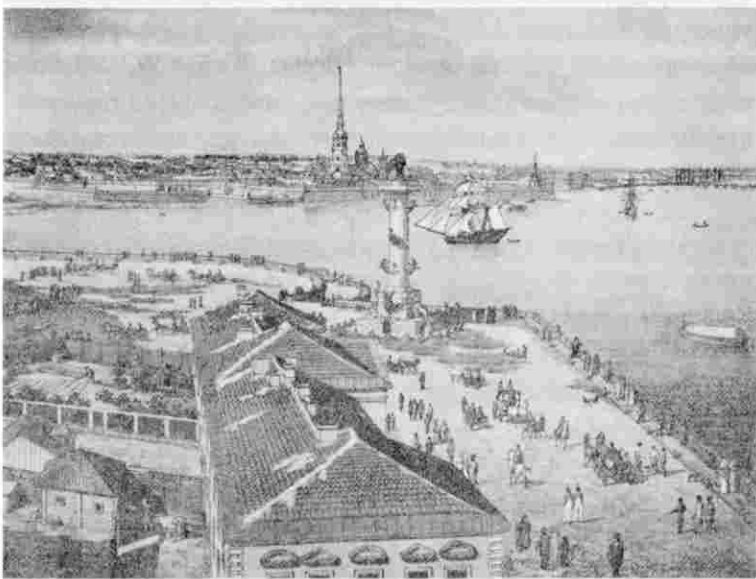
Правда, в самое первое время было не до огородничества: земли, с трудом и мучениями отвоєванные у болот, сразу же шли под застройку. Робкие попытки разводить небольшие огороды при домах делали в основном нанятые Петром I иноземные участники строительства флота и столицы, устроившиеся на жительство в Петербурге; да и среди приглашенных иностранных специалистов были мастера садово-огородного дела (один из них, огородник-швед, ведал царским огородом на окраине Летнего сада). Естественно, они пробовали выращивать свои, привычные западноевропейские огородные овощи; но природа невских берегов сразу же внесла свои поправки. Как писал один из современников, «несмотря на все старания голландцев и немцев, было мало произрастений; почва очень холодна, а зима здесь продолжается гораздо долее лета. Все, что успевала природа произвести в течение июня, июля и половины августа, не могло в меру вырастать и созревать, а потому на плоды не имели сперва никакой надежды» [110]. Стало ясно, что не обойтись без местных овощных культур, а для более теплолюбивых овощей — без парникового хозяйства.

Толчком к дальнейшему развитию огородного дела на берегах Невы послужило переселение дворян на жительство в Петербург по указу Сената от 1712 года. Указ этот вызвал значительное сопротивление, ибо для многих переселение в неведомые места, известные дороговизной жизни, воспринималось как настоящее разорение. (За рубежом даже писали, что царь использует Петербург в качестве исправительного дома для большей части русского

дворянства.) Однако переселяться все же пришлось, и вполне естественно, что дворяне начали устраиваться в строящемся городе в привычных для них формах усадебного быта. Городские дворянские усадьбы стали распространенным типом застройки Петербурга в XVIII веке. В них наряду с садом и хозяйственными постройками непременно были и огородные грядки, парники, теплицы. Из объявлений о купле и продаже домов и земельных участков в «Санкт-Петербургских ведомостях» мы узнаем об огородах на Конюшенной, Мойке, Садовой, Фонтанке и т. п. (не говоря уж о том, что «дворцовые огороды»^{*} существовали у самого царского дворца и на окраине Итальянского сада). Вот одно из таких объявлений: в 1760 году на Большой Пушкарской улице, на участке барона Штейна продавался каменный дом и «огородное место», столь обширное, что имело даже отдельное название — Розенгоф [175]. А вот объявление через сто лет в журнале Общества садоводов: «Предлагается взять в аренду фруктовый сад и огород, на котором есть оранжевые рамы и колодезь для поливки растений... по Каменноостровскому проспекту, дом № 39» (это примерно на месте нынешнего сквера рядом со станцией метро «Петроградская». — Т. Г.). В середине XIX века огороды еще сохранялись даже в центре города — за домами

* Это название напоминает о еще одном — кратковременном «дворцовом огороде», возникшем два века спустя: летом 1918 г. арестованная семья Николая II возделывала огородные грядки при дворце в Царском Селе, где жила под стражей. Но урожай собрать не успели.

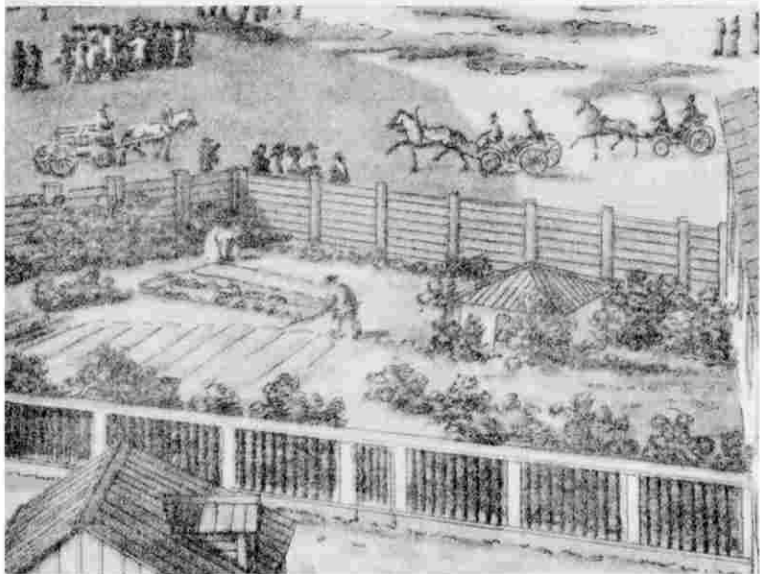
по берегам Фонтанки и по обе стороны Невского проспекта между мостами Аничковым и Знаменским (последний был построен через Лиговский канал, на месте нынешней площади Восстания). А на Петроградской стороне, где застройка долго сохраняла усадебный характер, огороды и цветники существовали в глубине кварталов вплоть до начала XX века.

А. Тозелли. Панорама Петербурга. 1820

В молодом Петербурге огороды располагались не только на окраинах, но и в центральных районах города, например, на Стрелке Васильевского острова (на рисунке грядки — слева).

Огороды имели не только владельцы дворянских усадеб, но и «работные люди» — мастера строительного дела, селившиеся «на вечное житье» в городе и окрестных слободках. По указу Петра I от 1712 года они получали земельные наделы (в основном вверх по Неве и берегам впадающих в нее речек) — по одной десятине на семью под дворы и огороды и по две с половиной десятины на двор под пашню [145]. По мере осушения болот огороды возникали и в других, пока еще не застроенных местах.

А. Тозелли. Панорама Петербурга. 1820. (Фрагмент)

Например, при заселении Коломны (бывшего Козьего болота) архитектором П. М. Еропкиным в 1740 году были разработаны «примерные» проекты земельных участков с садами и огородами.

Таким образом, по мере заселения города потребность в овощах стала в большой мере удовлетворяться усадебным и придомовым огородничеством. Но с конца XVIII века в Петербурге происходили заметные демографические сдвиги: не только быстро росло население, но и увеличивалась доля его слоев, не связанных с землей, — ремесленников, чиновников, военных, купечества, духовенства. И поэтому основная роль в обеспечении петербуржцев овощами быстро перешла к товарному огородничеству; появились, по тогдашним выражениям, «торгующие огородники» и «садово-огородные заведения».

Рост площадей, занятых огородами, и их постепенное распространение можно проследить, совершив своего рода прогулку во времени и пространстве — по картам и планам Петербурга XVIII—XIX веков (хотя на них обычно обозначены лишь крупные огородные массивы; см. схемы в главе 3). В 1714—1725 годах огороды показаны лишь в северной части Васильевского острова — там, где они были и раньше при финской рыбацкой деревушке. Позже огороды появляются и в других его местах, а также в Московской части (вдоль Лиговки), на Петербургской стороне, в Литейной части (в излучине Невы). На рубеже XVIII и XIX веков, судя по картам, в огородном деле происходит стремительный рывок. На карте 1806 года огороды уже окружают город своего рода кольцом, часто

занимая места бывших болот. Здесь особенно наглядно видно, как столица преображала первоначальный растительный покров не только в своих границах, но и в окружающей местности.

В дальнейшем под огороды осваивались все новые территории: на Выборгской стороне, на Пороховых, на острове Голодай и даже на Крестовском острове, ранее сплошь лесистом и занятом дачами вельмож. Кусочек петербургского огородного пейзажа был запечатлен в одном из стихотворений Козьмы Пруткива:

На взморье, у самой заставы,
Я видел большой огород.
Растет там высокая спаржа;
Капуста там скромно растет.

В конце XIX века огороды появились также на южном берегу Обводного канала, вокруг Екатерингофского парка (совсем рядом с Нарвскими триумфальными воротами), вдоль Нарвского тракта. Обширный гарнизонный огород, находившийся близ Нарвской заставы, оставил о себе память в названии Огородного переулка. А вот на Выборгской стороне огороды стали отступать, теснимые дачами.

И конечно же, обширные огороды существовали в пригородах — Парголове, Петергофе, Красном Селе (последнее славилось своей знаменитой брюквой, так же, как Высоцкое — капустой, Шлиссельбургский уезд — цикорием, клубникой и земляникой). Особенно известны были огороды Стрельны, которая издавна была «придворной мызой», поставлявшей к императорскому столу овощи

и фрукты. Здесь была создана школа садово-огородного искусства, задуманная как образцовая для такого рода заведений [7]. Именно в Стрельне впервые начали культивировать «земляные яблоки» (картофель), привезенные из Западной Европы.

Так что можно в целом говорить о весьма обширном петербургском огороде, только разбросанном в пространстве и расширявшемся с течением времени. Общие его размеры учесть трудно, но какое-то представление дают сведения, встречающиеся в публикациях Губернского статистического комитета [168]. Так, в 1864 году в Петербурге числилось 162 огорода (считая только крупные — не менее 0,5—1 гектара, по нынешним меркам) и 42 «са-

Огороды в Автове.
Фото 1910-х гг.

довых заведений». В графе «Кто содержит заведения» (то есть кто собственник земли) — кого только нет: купец, генерал-майор, мещанин, «жена архитектора», «вдова кучера», «боцманша», унтер-офицер, садовый мастер, просто некий «датский подданный» и т. д. Были среди «содержателей» и знатные особы: князь Б. Юсупов, графиня Строганова, графиня Е. Кочубей; и отдельные, как мы бы теперь сказали, юридические лица: Академия художеств, некоторые церкви и даже кладбища, некое «городское ведомство» и другие. Свои огороды имели лейб-гвардии Измайловский, Семеновский и Финляндский полки и прочие воинские части. Обитатели Донской казачьей слободы даже сдавали свои огороды внаем, как

Комсомольская площадь в Автове (на месте бывших огородов).

Фото 1970-х гг.

и Семеновский полк: еще в середине XVIII века в объявлениях предлагалось в Семеновской слободе «порожнее распаханное не малое место, которое способность имеет для сажания и сеяния огородных овощей».

Понятно, что далеко не всегда сами владельцы земель занимались огородным промыслом. Во времена городских усадеб огороды возделывались руками крепостных, а позже на крупных огородах товарного профиля трудились профессиональные огородники, но не петербуржцы, а пришлые — в основном из Ростовского уезда Ярославской губернии. В свое время Петр I, осматривая озеро Неро в Ростове Великом для целей кораблестроения, обратил внимание на весьма успешное огородничество — «доброе разведение овощей» — в прибрежных селах (что было по тем временам редкостью). Он послал нескольких ростовцев на учебу в Голландию [160]. И вот сочетание исконного местного опыта и чужеземной науки дало поразительные результаты: в течение двух веков ростовские умельцы славились огородным искусством на всю Россию и поставляли огородников в Петербург. Правда, в крепостные времена они могли уехать, лишь получив выкуп у помещика. Тем не менее постепенно возникли своего рода ростовские огородные «фирмы», нанимавшие (или даже имевшие) огородные земли и оранжереи в разных губерниях, и прежде всего в столице. (Кстати, в уже цитированном отчете Губернского статистического комитета примерно половина владельцев и арендаторов огородных земель — крестьяне.)

Конечно, среди ростовцев были не только собственники и арендаторы, но и наемные работники, трудившиеся

Шенберг. Уличный продавец овощей и зелени. Гравюра.
Конец XVIII в.

на петербургских огородах с февраля по октябрь. Жили они летом в шалашах на огородах, а весной и осенью — в своего рода общежитиях «от хозяина». Этот отхожий промысел буквально выметал из уезда столь значительную часть мужского населения, что местными огородами приходилось заниматься исключительно женщинам. Огородное искусство передавалось от матери к дочери, как в других местах — секреты ткачества или ковроделия. Это не мешало Ростовскому уезду долго быть центром российского огородничества. О размахе местного огородного промысла в конце XIX века можно судить хотя бы по тому, что на известную ростовскую ярмарку привозили по несколько тысяч пудов овощных семян местного производства. До наших дней сохранились знаменитые местные сорта лука — ростовский, даниловский и другие.

По отзывам современников, ростовские огородники отличались «наивеличайшим рвением, отчего доведено было искусство произведения огородных растений в Санкт-Петербурге до наибольшего совершенства: сие приписывать надлежит суровости климата (очевидно, необходимости преодолеть ее. — Т. Г.), трудолюбию и досужеству огородников» [33].

Что же выращивалось на петербургских огородах? О тогдашнем ассортименте огородных культур известное представление дают публикации в «экономических» (сельскохозяйственных) журналах и старинные руководства по огородничеству. Но понятно, что рекомендуемые в них перечни овощей далеко не совпадали с тем, что разводилось на самом деле. Более надежным источником служат

описания петербургских рынков и сведения о торговле овощами — например, известная книга А. А. Бахтиярова «Брюхо Петербурга» (1888), в названии которой явно прочитывается ироническая параллель с «Чревом Парижа» Э. Золя (1873). Немало упоминаний о потреблении овощей и в различных бытописаниях. Суда по всему, на огородах Петербурга в наибольших количествах выращивали культуры, издавна отобранные нашим северо-западным климатом, унаследованные еще от допетербургских поселений и популярные и по сей день. Это капуста, горох, репа, морковь, брюква и прочие «простые овощи» (кстати, упоминавшиеся еще в первом русском руководстве по огородному делу — «Домострое»). Почетное место среди них занимали огурцы.

Между прочим, употребляли в пищу и съедобные дикорастущие травы: весной «бедные жители» продавали на Сенном рынке писанлею (одуванчик), сныть, крапиву, собранные на свалках Куликова поля (так что нынешние рьяные пропагандисты этой «новой струи» в питании всего лишь открывают хорошо забытое старое). Продавали и лекарственные травы — ромашку аптечную, фиалку полевую и другие; и даже шампиньоны с кладбищ [160].

Заемствование состоятельными петербуржцами европейских кулинарных новшеств, мода на поваров-французов и постепенное формирование некоей русско-французской кухни привели к заимствованию новых овощей. Так появились на петербургских рынках разнообразные салаты, редис, пряная зелень и т. д. Ростовский крестьянин Иван Золотихин, к примеру, составил себе неплохое со-

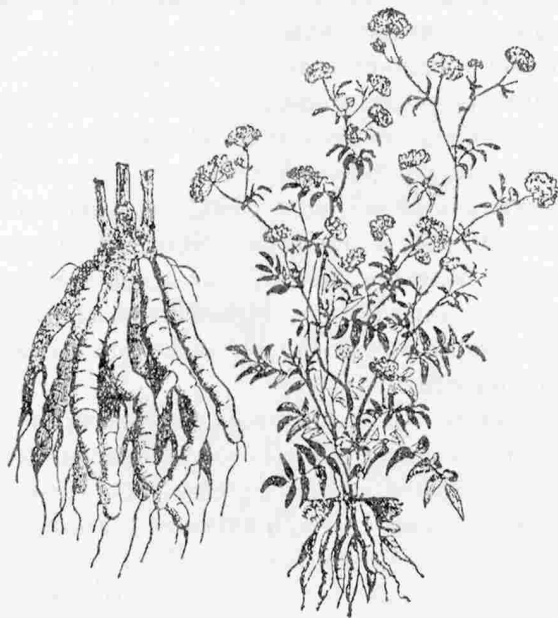
стояние, освоив культуру сахарного горошка. Особенно же часто в огородных руководствах стали упоминаться спаржа и шампиньоны. Для последних были разработаны специальные приемы культуры на навозе «от лошадей, содержаемых на сухом корму» [1].

Тогдашняя наука и энтузиасты опытного дела, со своей стороны, старались обогатить петербургские огороды новыми культурами и сортами. Так, Императорский Ботанический сад под руководством его директора Э. Регеля в 1866 году разводил «на пробу» разные овощи: капусту кочанную 14 сортов, савойскую 16 сортов, морковь 7 сортов и даже редьку 12 сортов.

Однако далеко не все новинки легко приживались и входили в быт. Примечательно, что в течение всего XVIII века практически нет упоминаний о картофеле. Хотя он вроде бы и был введен указом Петра I (и, как сказано выше, его начали культивировать в Стрельне), но широко стал распространяться лишь в XIX веке, ибо еще во времена Екатерины II не только в России, но и в Западной Европе почитался «чертовым яблоком». (Собственно, по-настоящему в России картофель оценили лишь после 1813 года, когда русские познакомились с ним в Европе.) Скромное место даже в 30—50-е годы XIX века занимали «амурные яблоки», или «яблоки любви», как, по дословному переводу с французского, называли помидоры. И то использовали их только для приготовления приправ (так называемой «сои») к мясным блюдам и салатам, свежие же плоды считали несъедобными из-за «неприятного вкуса». Только к концу XIX века их стали употреблять

«для закусок и в салатах». Так что гурман Онегин еще не знал вкуса помидоров (возможно, что и сам его создатель тоже, если только ему не довелось попробовать огородные «яблоки любви» в Кишиневе...).

Таким образом, картофель и помидоры можно зачислить в огородные приобретения нового времени. Однако нельзя не сказать и о потерях. Так, в прошлые века гораздо разнообразнее был набор листовых овощей и пряных

Поручейник сахарный («сахарные коренья»).

Старинная огородная культура, популярная в Петербурге в XVIII в.

трав. Упоминаются в старинных руководствах и мало известные ныне огородные растения — артишоки, рапунцель, одуванчик «львиный зуб», и вовсе неизвестные — например, некие «сахарные корни», которые были «сладки, белы, длиной от 5 до 6 дюймов и толщиной в палец», их сеяли осенью, а урожай собирали через год [184]. (Это старинное сахароносное растение — поручейник сахарный *Sium sisagum* из семейства зонтичных; в XV—XVI веках его широко культивировали по всей Европе, а потом прочно забыли.)

Но гораздо важнее потери совсем иного рода. Дело в том, что на развитие огородного дела в Петербурге минувших дней среди прочих заметно влияли два фактора: во-первых, наличие довольно большого слоя состоятельных и богатых жителей; во-вторых, тогдашнее состояние транспортных средств, не позволявшее доставлять овощи и фрукты в больших количествах издалека, из более южных и благодатных мест. Иными словами, следовало выращивать на месте все, что мог запросить весьма состоятельный покупатель.

Все это стимулировало не только разнообразие ассортимента, но и развитие совсем особой отрасли огородного дела — выращивания ранних и сверхранних (по существу, зимних) овощей и ягод, или, в широком смысле, — оранжерейно-тепличного огородничества. И. Г. Георги в 1794 году писал, что по причине «дорогого образа жизни, требующего редких, ранних и лутчих садовых плодов... здешнее садовничество для поварни доведено до такой степени, что нет нигде совершеннее оно» [33]. Уже в XVIII веке

объявления в «Санкт-Петербургских ведомостях» предлагали (обратим внимание на месяцы!) зрелую землянику и клубнику в марте, а огурцы — начиная с декабря-января. В следующем же веке эта отрасль огородничества достигла невиданного расцвета. На рынках с февраля по июнь продавали парниковый картофель, в марте — щавель, редьку, салаты, в мае — парниковую морковь, в июне — зрелую фасоль (все местного производства). Иностранцы с удивлением отмечали, что «зеленый горошек едят в Санкт-Петербурге свежим во все месяцы»

Артишок колючий (общий вид и соцветие)

Съедобны мясистое цветоложе нераскрывшегося соцветия и основания его оберток.

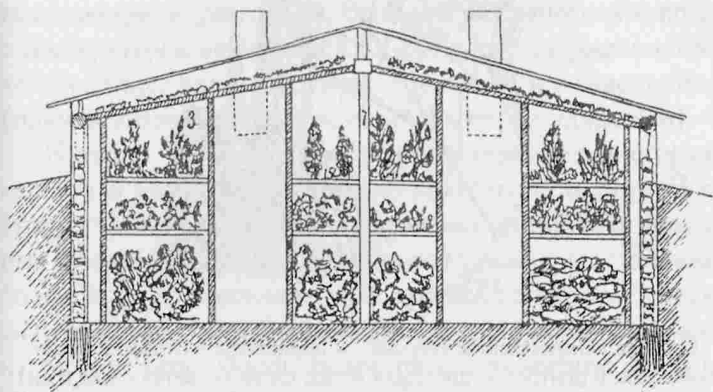
года» [40]. К середине лета успевали вырастить дыни, коих было множество сортов; по словам огородных руководств, одно описание их заняло бы целую книгу. Это и неудивительно, если вспомнить, что в Москве парниковая культура дынь была хорошо известна еще в XVI—XVII веках [69]. О ней упоминается и в «Домострое». В 1757 году императрицу Елизавету Петровну угощали местным зрелым арбузом как диковиной, а через сто лет огородные журналы писали, что дыни и арбузы из местных «огородных заведений» потребляются в Петербурге «несравненно в большем количестве, чем за границей». Они украшали витрины магазинов на Невском, наряду с фарфором, турецкими шальями и английскими сукнами [180]. (Кстати, другие тыквенные — столь любимые нами ныне кабачки — почему-то не выращивали; они появились в петербургском ассортименте только в начале XX века, и то как очень дорогая культура.)

Любопытный документ, запечатлевший ассортимент овощей на столе богатых петербуржцев, представляют «минью» на каждый день в 1857—1858 годах в доме владельца особняка на Английской набережной П. Д. Дурново, опубликованные в книге Ю. М. Лотмана и Е. А. Погосян «Великосветские обеды» [82]. С октября по февраль в них часто упоминаются спаржа, артишоки, брюссельская и цветная капуста, зеленый горошек (конечно, не консервированный), сельдерей и другие овощи.

Конечно, требовались немалые затраты на строительство и содержание теплиц, оранжерей, специальных светлых погребов для зимней выгонки листовых овощей,

а также овощных «лабазов» (хранилищ) в низменных местах с переувлажненной почвой. Недешево обходились и зимние паровые гряды на навозе. Но все эти затраты окупались с лихвой, поскольку ранние, а тем более зимние овощи шли по очень высоким ценам, которые не смущали столичную знать. С навозом же никаких проблем не было: огородники покупали его «по 75 коп. с лошади в год» на извозчичьих дворах, у владельцев частных конюшен и в кавалерийских частях, довольно многочисленных в столице. (Вот такой неожиданный мостик вдруг просматривается между темами «Петербург — военная столица» и «Петербургское огородничество».)

Безусловно, у тогдашних огородников были свои приемы и секреты. Однако конкуренция — кто вырастит

Светлый подвал для ранней выгонки и хранения огородных овощей.
Чертеж 1905 г.

овоци раньше, добротнее, дешевле — заставляла хранить их в строгой тайне. Впрочем, некоторые секреты проникали в литературу. Вот, например, каков был истинно петербургский способ получения свежей спаржи зимой. Гряды со взрослыми растениями спаржи укрывали на зиму толстым слоем конского навоза, да еще и шалашом с «навозной шинелькой» сверху, которая должна была быть горячей, «как только всунутая рука терпит», а после остывания

Спаржа лекарственная (справа — корневище с отрастающими побегами, в центре — цветущая ветка, слева — ветка с плодами)
Известное огородное растение (точнее — одна из его разновидностей), которое с успехом культивировалось петербургскими огородниками.
Съедобны молодые побеги, прошедшие специальную обработку.

ее меняли. В течение двух-трех зимних месяцев спаржу собирали через каждые две недели. Работник с фонарем вползал в шалаш по борозде между грядками, нащупывал и срезал толстые, сочные ростки и клал их в теплую корзину. Делать это надо было очень быстро, чтобы не остудить гряды и не поморозить урожай, поэтому для сбора спаржи наряжали «самых расторопных работников» [58].

Многие из подобных секретов ныне забыты и утеряны. Более того, вероятно, частично утерян и генофонд огородных культур. Так, в руководстве по огородничеству 1837 года описано несколько сортов клубники, употреблявшихся только для ранней выгонки, «чтобы была по крайней мере с февраля» [184]. Мы же о них ныне ничего не знаем. Агротехника была такая: кусты клубники в горшочках весной и летом держали в тенистом месте, срезая появляющиеся цветоносы; осенью их переносили в погреб с температурой не выше $+2^{\circ}$, а с ноября содержали в светлой теплице, где и наступало цветение и плодоношение (причем у обычных сортов получить его не удавалось).

К концу XIX века продукция петербургских огородов перестала удовлетворять бурно растущую столицу. В орбиту огородного промысла оказались втянутыми некоторые ближние (и не очень ближние) поселения. Например, большие партии осенних (для продажи начиная с сентября) тепличных огурцов выращивали для столицы клинские и тверские огородники. Более того, с развитием путей сообщения на петербургских рынках конкурентами местным «плодам земным» все чаще становились овощи, привозимые из мест более благодатных, хотя и удаленных, —

из южных городов (Одессы, Харькова), Западного края, Польши. Как писали огородные журналы, «появляются даже овощи заграничные». А уже в 1902 году «Вестник садоводства, плодоводства и огородничества» с тревогой писал о «тяжелом кризисе петербургского огородничества из-за невероятно развившегося ввоза заграничных овощей» и об иностранной конкуренции, которая грозит петербургскому овощеводству «полным падением». (Как знакомо, не правда ли?..) И в самом деле, как было не встревожиться, когда на рынках столицы находили сбыт, например, земляника из Франции или помидоры, завозимые из Алжира через Берлин. И особенно тяжело давила зарубежная конкуренция на такую исконно петербургскую

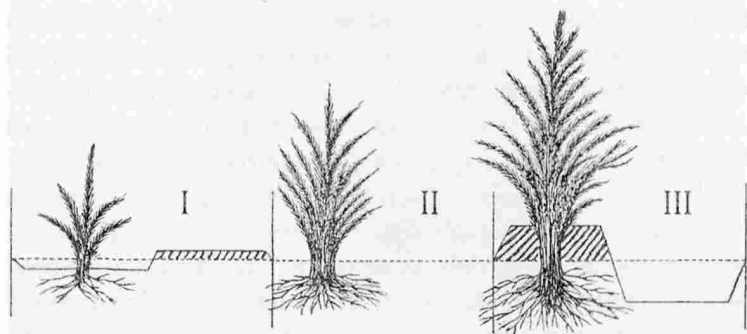

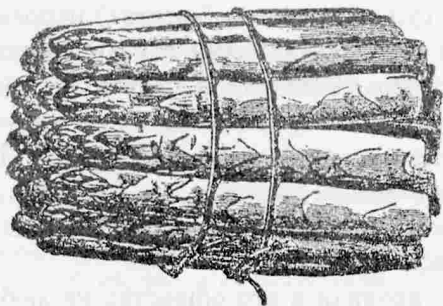
Схема выращивания спаржи

Для получения пригодных к употреблению отбеленных побегов к основанию растения ежегодно подсыпают землю (I — 1-й год, II — 2-й год, III — 3-й год). Пунктиром обозначен первоначальный уровень почвы.

отрасль огородничества, как теплично-оранжерейное выращивание сверххранних овощей.

Тем не менее в огородных руководствах конца XIX века приводились списки обычных для тех лет «выгоночных» овощных культур, и среди них — морковь, фасоль, различные салатные растения (включая одуванчик), дыни, баклажаны (которые тогда считали пряными растениями), конечно же, огурцы, спаржа и прочее.

Говоря об огородном деле в Петербурге, стоит еще отметить, что это было явление не только чисто материального плана, оно занимало и определенное место в социальной жизни столицы. В 1850-х годах было создано и просуществовало до 1917 года Общество любителей садоводства, плодоводства и огородничества. Оно устраивало ежемесячные собрания с докладами о достижениях и новинках (да не где-нибудь, а в помещении Большого зала Городской думы), издавало свой ежемесячный «Вестник».

Голландская спаржа, готовая к продаже и употреблению
(сочные отбеленные ростки длиной 20—25 см)

Кстати, в 1866 году в этом журнале впервые было помещено описание (с рецептами) домашнего консервирования овощей и фруктов с применением герметических крышек, привозимых из Англии.

Ежегодно (а то и несколько раз в год) общество проводило выставки, на которых бывали представлены лучшие, наиболее эффектные достижения петербургского садово-огородного дела, в том числе и в зимнее время, — «превосходные ранние овощи», «безукоризненные шампиньоны», разнообразные цветущие деревья и кустарники. Выставки, пышно оформленные с участием лучших архитекторов и утопавшие в цветах, размещались в Манеже, Пассаже, Таврическом садоводстве, где было построено специальное выставочное здание (ныне на этом месте киноцентр «Ленинград»). Их открытие было событием в жизни города, и они собирали большую публику — до 50—60 тысяч человек. Кроме любителей садово-огородного искусства, выставки (по крайней мере, в первые десятилетия существования общества) непременно посещали члены царской фамилии и великосветская знать, а иногда и императорская чета. Ведь общество, носившее титул Императорского, находилось под высочайшим покровительством великих князей (в конце XIX века — Николая Николаевича старшего, а с 1896 года — великой княгини Елизаветы Федоровны, получившей звание почетного президента общества).

Конечно, входили в это общество не любые огородники, а владельцы крупных торговых заведений, садовники и огородники, работавшие в крупных имениях знатных

особ (например, барона Штиглица), ученые Императорского Ботанического сада, и прежде всего — «поставщики двора Его Императорского Величества». Эта «велико-светская струя» — характерный штрих садово-огородного дела Санкт-Петербурга как столичного города.

Впрочем, встречались среди членов общества и другие персонажи. На протяжении нескольких десятилетий XIX века в отчетах выставок мелькает фамилия Грачевых; вначале это крестьяне-арендаторы (кстати, один из них —

СѢМЯННАЯ ТОРГОВЛЯ

В. Е. ГРАЧЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

Измайловскій полкъ, Дровяная ул., *прямо противъ 12 роты, соб. д.*

Сѣмена луговья, огородныя и цвѣточныя. Цвѣточныя луковицы, грунтовыя и горшечныя розы, ягодныя кустарники.

Цвѣточныя Сѣмена

получаются изъ лучшихъ заграничныхъ домовъ, причемъ выборъ дѣлается лично во время заграничныхъ поѣздокъ. Проверка всхожести и пробная культура на опытныхъ участкахъ какъ въ С.-Петербур- гѣ, такъ и въ собств. имѣнн.

Реклама торгового садово-огородного заведения. 1898

автор многих статей в «Вестнике»), следующие поколения — владельцы огородного заведения, которое специализировалось на огурцах, производя их по полтора миллиона штук в год, а также на красной китайской редьке, шампиньонах [154]. А в самом конце XIX века «Вестник» уже помещает рекламу собственных гибридных сортов Ефима Грачева, который вывел репы 12 сортов, редиса — 35, картофеля — более 100, кукурузы — 25 и многое другое. Так что 62 медали на российских и международных выставках были им получены недаром. Торговало заведение Грачевых и семенами садовых цветов.

И еще одна любопытная фигура среди петербургских огородников: в 1865 году на очередной выставке всеобщее внимание привлекла «коллекция огородных овощей профессора и сенатора Н. С. Таганцева». (Оказывается, не только в наши дни профессора занимались огородничеством; правда, стимулы были иные...)

В более близкие к нам времена развитие огородного дела в Петербурге испытало на себе действие ветров истории. Во время первой мировой войны в садово-огородных журналах появились призывы к максимальному расширению огородничества для обеспечения нормального питания русской армии; выращивание овощей «в неограниченном количестве» стало рассматриваться как «патриотический долг», «помощь преодолению врага». Особенно же сказались на петербургском огородничестве последующие социальные встряски. И дело не только в том, что в XX веке и сами огороды, и их «кормильцы» — кавалерийские и извозчичьи лошади — оказались вытесненными из го-

рода. С исчезновением высших классов исчез и платежеспособный социальный заказчик. Быт и питание стали значительно проще, беднее, огороды — однообразнее.

Теперь, если огородничество и переживало своего рода всплески, то уже совсем не по разнообразию и качеству овощей, а по массе втянутого в него населения, ибо стало способом выживания в трудные времена. Об одном таком всплеске свидетельствует красноречивый заголовок брошюры Т. Гужавина, изданной в Петрограде во время гражданской войны, в 1918 году: «Граждане! Разводите овощи! Они спасут вас от голода». Второй всплеск — это всем известные блокадные огороды, для которых ленинградцы использовали любые клочки земли в скверах, на аллеях, вокруг памятников и т. д. В 1942 году в осажденном городе вышла брошюра с советами по выращиванию овощей в комнатах. (Собственно, до овощей дело и не доходило: капусту рекомендовалось употреблять в пищу уже при образовании 5—6 листьев, свеклу — в виде листьев или корнеплодов величиной «от лесного до грецкого ореха»; дожидаться же настоящего урожая было не под силу...) А в следующем году появилось (правда, не в Ленинграде, а в Москве) краткое руководство по выращиванию овощей не только на балконах и подоконниках, но и на крышах [179; 191].

Ну, а третий всплеск огородничества мы переживаем сейчас, когда разведение огородов вновь стало необходимым условием выживания многих петербуржцев.

Оранжерейное дело

Реформы Петра I не только преобразовали государственное устройство, но и внесли много нового в повседневную жизнь. Уже с первых десятилетий существования Петербурга, наряду с заморскими обычаями, одеждами, убранством жилищ, стали появляться и растительные новинки — древесные породы во вновь создаваемых парках, овощи в огородах, цветы в садах и комнатах. Но если можно было без особых трудов заимствовать из Западной Европы способы строительства домов, покрой одежды или танцы, то с живыми чужеземными растениями это не всегда получалось. Неприятливый петербургский климат оказывался слишком суровым даже для западноевропейских видов, не говоря уж о нежных и теплолюбивых растениях из южных стран. А между тем спрос на них возрастал, по мере того как петербургские вельможи охотно усваивали привычки богатого дворянского быта. Войдя во вкус роскоши, они желали иметь в любое время года и «плоды заморские» к столу, и живые цветы для украшения бальных

дамских причесок, и стриженные иноземные деревья в кадках на аллеях своих парков. Пришлось петербургским садовникам осваивать искусство культивирования растений, как мы теперь говорим, в закрытом грунте, или при искусственном климате, чтобы в какой-то степени исправить несправедливость природы, обделившей северную столицу роскошью растительного мира. А для этого надо было строить оранжереи. По-своему объяснил это французский ботаник П. Дешизо, посетивший Петербург в 1724—1726 годах: «Природа, чтобы компенсировать великие холода, на которые она обрекла эту страну, снабдила ее огромным количеством дерева, чтобы построить здания оранжерей и чтобы поддерживать постоянное тепло в течение зимы для нежных растений» [49].

К тому времени в России уже был небольшой опыт оранжерейной культуры растений. Известно, что в разведенных в конце XVI — начале XVII века московских Кремлевских садах — Верхнем и Нижнем — примерно в 1680—1690-х годах были построены «ранжерейные палаты», отапливаемые зимой изразцовыми печами, для выращивания овощей к царскому столу. Были они и в садах царя Алексея Михайловича в подмосковном Измайлове, и в некоторых боярских усадьбах [53]. Именно оттуда Петр I велел привозить в Петербург первые оранжереи для «заморских растений, цветов и плодовых деревьев». В декабре 1715 года он пишет в Москву своему бывшему учителю Никите Зотову: «...ежели найдутся продажные оранжереи по сходной цене осведомиться про то и напишите, а не написавши не покупайте» [9]. Началось строительство

*В. С. Садовников. Панорама Невского проспекта. 1830—1835.
(Фрагмент)*

Склонность некоторых состоятельных петербуржцев к разведению экзотических растений была заметна по облику их домов, строившихся с застекленными балконами или небольшими оранжереями, как, например, дом на углу Невского проспекта и Садовой улицы.

оранжереи и в Петербурге, причем садовники-иностранцы, естественно, пользовались в основном опытом Западной Европы, где к тому времени оранжерейное дело было достаточно развито — стоит вспомнить хотя бы королевские оранжереи Трианона в Версале. Уже в 1710—1711 годах при доме Петра I в Летнем саду была «круглая оранжерея» с несколькими лимонными, апельсинowymi и лавровыми деревьями и садовником-голландцем [100].

Слово «оранжерея», как известно, происходит от французского «orange» — «апельсин». Какими же были эти «дома для апельсинов» (точнее — «для апельсиновых деревьев») в Петербурге? В принципе, оранжереей могло служить любое помещение, в котором теплолюбивым растениям в холодные сезоны было обеспечено достаточно света и тепла. Первые петербургские оранжереи представляли собой скромные деревянные постройки, по мере возможности в разной степени остекленные. Наряду с амбарами, банями, каретными сараями, они были непременной принадлежностью городских дворянских усадеб. Упоминания о них встречаются в описаниях усадеб Меншикова, Юсупова, Бестужева и других вельмож. Оранжереи имелись и при Сухопутном Шляхетском кадетском корпусе; в 1740-х годах ими пользовалась Академия наук, пока в 1752 году не построила свою — «из соснового лесу», весьма скромных размеров (Академия наук всегда была беднее вельмож...).

Поскольку по своей сути оранжереи были связаны с «роскошной» стороной дворянского быта, роль их и назначение к концу XVIII века постепенно расширились.

При дворцах знати стали строить каменные оранжереи, которые становились уже не просто подсобным хозяйственным помещением, но престижным признаком богатства и вельможности. Их демонстрировали почетным гостям, устраивали в них приемы и прогулки с «приятными беседами», в ходе которых можно было щегольнуть ученостью и продемонстрировать коллекцию заморских растений. Порой прямо в оранжереях накрывали столы для парадных обедов.

Оранжереи стали проектировать и строить известные архитекторы, причем не только в составе дворцовых усадебных комплексов, но и в виде отдельных зданий. Достаточно вспомнить Оранжерею в Нижнем парке Петергофа (архитекторы И. Браунштейн и М. Г. Земцов), Лесную оранжерею (ныне полуразрушенную) в Гатчинском парке (архитектор А. Ринальди), Большие каменные оранжереи при Каменноостровском дворце наследника Павла Петровича (архитектор Л. Руска), оранжереи при Фонтанном доме Шереметевых (архитектор С. И. Чевакинский). Комплекс оранжерейных зданий длиной почти двести метров построил в Царском Селе Дж. Кваренги и затем перестроил В. П. Стасов. До наших дней сохранилась оранжерея, построенная рядом с дворцом на Елагином острове (архитектор К. И. Росси). В ней, как и в некоторых других оранжереях были и жилые помещения; а на Каменном острове в начале XIX века в виде оранжерей с большой площадью остекления строили летние дачные домики [28]. Еще совсем недавно можно было видеть скромную усадебную оранжерею на одной из дач постройки Н. А. Львова (ныне Уткин проспект, 2); теперь ее уже нет.

Обилие и разнообразие растений, которые выращивали в оранжереях, и в целом развитие оранжерейного дела в старом Петербурге были таковы, что сейчас могут вызвать у нас лишь завистливое изумление. Так, из оранжерейных видов, предлагавшихся в 1863 году в каталоге «торгового садовника» Клаусена, половина отсутствует в наши дни даже в Ботаническом саду Академии наук [161].

В практике петербургской оранжерейной культуры просматривается несколько направлений. В XVIII веке, пока в столице еще не было регулярной торговли при-

Оранжерея при Елагином дворце. Архитектор К. И. Росси.
1818—1822. Фото 2001 г.

возными фруктами и овощами, приусадебные и дворцовые оранжереи выполняли роль внутридомовых садов, где можно было выращивать к барскому (или царскому) столу теплолюбивые «плоды заморские». Такой сад, например, был создан в оранжереях Таврического сада по указу Екатерины II (после смерти бывшего владельца, Г. А. Потемкина, она сама занялась устройством садовых дел). В этих оранжереях выращивались в кадках («горшках») персики, абрикосы, вишни, сливы и груши. Только яблони сажали на открытом воздухе. Еще раньше целый «оранжерейный сад» существовал при Ораниенбаумском дворце А. Д. Меншикова. В нем были отдельные оранжереи — виноградные, вишневые, персиковые, померанцевые и другие — общим числом 15.

Владельцы оранжерей могли позволить себе и такую роскошь, как зрелые ягоды, фрукты и овощи среди зимы и ранней весной. Вот что, к примеру, поставляли оранжереи в саду графа И. И. Шувалова на Мойке (из описания сада в «Санкт-Петербургских ведомостях» в 1756 году): «Всегда в начале марта — земляника, клубника, а скоро после того малина, вишня, сливы, огурцы в нарочитом изобилии поспевают»; к Пасхе «как белые, так и синие наилучшие виноградные кисти бывают совершенно зрелы» [9]. Также собирали в оранжереях зрелые абрикосы и персики. Здесь были свои маленькие хитрости: например, на даче архитектора Н. А. Львова по его повелению садовники пригибали ветви оранжерейных деревьев так, чтобы они держались перпендикулярно к солнечным лучам, то есть получали как можно больше света и тепла.

Были наверняка и другие практические секреты, ныне забытые. Так, садовник Императорских садов Г. Эклебен знал некий «новоизобретенный способ», позволявший заставить деревья плодоносить два-три раза в год.

Герб города Ораниенбаума

Одна из любимых культур, которую выращивали в оранжереях загородного дворца А. Д. Меншикова, — апельсиновое дерево — сохранила о себе память в гербе Ораниенбаума, как и в самом названии города.

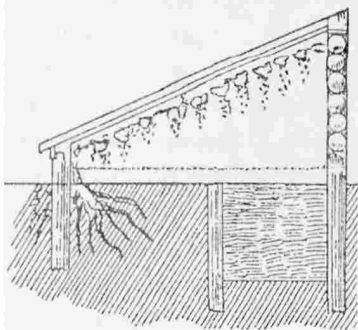
А поскольку были в том сомневающиеся, он просил «высоких шефов» — князя П. Н. Трубецкого и сановника И. И. Бецкого — удостоверить его успехи приложением печати к плодоносящим деревьям [174].

Неудивительно, что в литературе можно встретить описания обедов с десертом, подобным тому, которым в 1800 году некий вельможа угощал «весь Синод»: «...ананасы, абрикосы, арбузы, дыни, бергамоты и проч. преисполняли стол, а вишня шпанская, усыпанная плодами, поставлена была деревом посреди гостиной» [30].

Порой в барских оранжереях плодов выращивали столько, что появлялись даже избытки, и тогда в газетах можно было прочесть: «В оранжереях Его Сиятельства гр. Орлова на бывшем Елагином острове продается зрелый виноград» (1815 г.) [96]. В других объявлениях пред-

лагались персики, сливы, ананасы. Садовник Елерс, арендовавший в 1790-х годах сад с оранжереями у тогдашнего владельца Крестовского острова графа К. Г. Разумовского, продавал даже целые «деревья плодоносные — персиковые, абрикосовые, померанцевые» и другие, «все по сходной цене» [9].

Оранжереи нужны были и садовникам — устро-

Виноградная теплица в разрезе.
Чертеж 1905 г.

ителям парков. В эпоху распространения парков регулярного стиля их неизменным украшением были стриженные деревья в кадках. Летом их выставляли в парк и на веранды дворца или загородного дома, зимой же содержали в умеренно отапливаемых оранжереях. Это были обычные для регулярных парков Западной Европы стриженные лавры, тисы, кусты букса (самшита), а также померанцевые, апельсиновые и лимонные деревья. На первых порах все эти древесные экзоты выращивать в Петербурге в достаточном количестве не умели, даже в оранжереях, а привозили взрослыми из европейских стран. Первые же иностранные корабли, приходившие из Гамбурга и Голландии, имели на борту привезенные «на пробу» изрядные деревья, «пирамидами зделанные» и «кругом обрезанные» [175]. В последующие годы с открытием навигации на Биржевой набережной, где шла торговля деревьями, лавки превращались «в целые импровизированные померанцевые и лимонные рощи, с роскошными пальмовыми, фиговыми и вишневыми деревьями в полном цвету» [147]. Некоторые редкие экземпляры заморских деревьев были предметом особой гордости владельцев; так, у вельможи екатерининского времени князя Н. Б. Юсупова в оранжерее было необычайно толстое и пышное померанцевое дерево, возрастом якобы не в одну сотню лет. Куплено оно было за 3000 рублей [149].

Любопытно, что использование деревьев в кадках для украшения нашло отражение даже в такой царской затее, как знаменитый «Ледяной дом», построенный по распоряжению императрицы Анны Иоанновны на Неве и описан-

ный в 1741 году академиком В. Крафтом: «В перилах, кроме главного входа, находились еще двое сторонние ворота и на них горшки с цветами и померанцевыми деревьями, а подле них простые ледяные деревья, имеющие листья и ветви ледяные ж, на которых сидели птицы, что все изрядным мастерством сделано было» [78].

Роль своеобразных зимних складов заморских теплолюбивых растений оранжереи продолжали играть и позже, в конце XIX века, когда стало модным украшать загородные парки «знатных особ» иноземными растениями. Например, в парке вокруг дворца великого князя Константина Николаевича в Стрельне каждое лето на лужайках как бы заново вырастали группы пальм, кордилины, драцен, а в их тени располагались тропические папоротники и роскошно цветущие бегонии; все эти растения выносили на лето из оранжерей. Придворные оранжереи служили также «санаториями», куда время от времени отправляли на поправку декоративные растения, украшавшие интерьеры императорских дворцов и дошедшие до «болезненного состояния».

Еще одна линия оранжерейного дела в старом Петербурге — выращивание редких видов растений. Вспомним, что XVIII век — время особого пристрастия к раритетам, подобным тем, которые собирали в Кунсткамере. Вероятно, сам основатель города проявлял интерес не только к чужеземным видам, полезным в озеленении, но и к прочим заморским растительным диковинкам. В оранжереях любимого детища Петра I — Летнего сада — уже цитированный Дешизо видел многие растения «из обеих Индий»,

«как в лучших ботанических садах», в том числе алоэ, опунции, фикусы, кофейное дерево, пальмы, ливанский кедр и другие. Многие владельцы частных оранжерей имели склонность к собиранию и разведению ботанических редкостей. Как уже упоминалось, одним из таких коллекционеров экзотической оранжерейной флоры был владелец уральских заводов П. А. Демидов (недаром на его парадном портрете кисти Д. Г. Левицкого в числе прочих символических атрибутов присутствуют вазоны с растениями).

Редкие растения для оранжерейной культуры любители выписывали из-за границы, из известных европейских торговых домов. Но был и свой, петербургский источник заморской флоры — оранжереи Аптекарского огорода (затем Императорского Ботанического сада). С самого основания ему вменялось в обязанность не только выращивать лечебные травы, но и заводить разные «куриозные и чуждые планты», что он и делал, а также успешно торговал ими. Судя по объявлениям, помещаемым в газетах в 1750—1760-х годах, полученный посадочный материал шел в продажу: «В оранжереях С.-Петербургского Медицинского огорода желающим покупать Африканские, Американские и другие чужестранные деревья и произращения... явиться у определенного при том огороде аптекаря» [175].

Стоит отдельно рассказать о некоторых особо примечательных оранжерейных редкостях, удивлявших петербуржцев. Речь пойдет о плодах, ныне встречающихся на любом фруктовом прилавке, а в XVIII веке бывших невиданной заморской диковиной. В 1756 году «Санкт-Петербургские

ведомости» сообщили, что в саду графа Шувалова на Мойке есть «особливо смотрения достойное произращение с плодом», «столь славна Муза, банана, или бананиера (Musa — научное латинское название рода банан. — Т. Г.), которая никогда еще не цвела и плода не приносила в России». Этот банан был привезен в 1754 году «из Немецкой земли, яко небольшая годовая планта» и через два года (зимой, в феврале!) дал 24 «совершенных» (то есть зрелых) плода, которыми и приглашали полюбоваться петербуржцев. А особо любознательным рекомендовали обратиться к «ученому разсуждению о Музе славного королевского шведского лейб-медика Карла Линнея». Газетное объявление, впрочем, не упоминало о том, что еще за несколько лет до того бананы цвели и плодоносили в большой придворной оранжерее, построенной по приказу Петра I на берегу Фонтанки, близ нынешнего Михайловского сада. А в 1758 году газеты оповестили жителей о том, что упоминавшийся нами выше садовник Г. Эклебен получил уже по 60—70 плодов с растения — как на родине в Индии, тогда как в «знатнейших садах» Германии собирали всего по 10—30 плодов. В зарубежных журналах обиженные немецкие садовники выразили сомнения, и Эклебен вынужден был подтверждать свои сообщения в печати, ссылаясь, в частности, на то, что он неоднократно «подносил плоды Ея Императорскому Величеству».

Успешной была и попытка Эклебена получить в придворной оранжерее плоды финиковой пальмы. Пыльцу для опыления (или, как тогда говорили, «семенную пыль») пришлось привезти из Германии. И вскоре «Ведомости»

объявили: «По средам и субботам дозволяется всякому охотнику смотреть сие дерево с его плодами» [169].

В 1735 году один из иностранных путешественников как о «самом замечательном» растении императорских оранжерей писал о плодоносящих кофейных деревьях. Плодов было достаточно для того, чтобы императрица Анна Иоанновна несколько раз сварила из них себе кофе [17].

Не меньшей диковиной были для Петербурга и первые ананасы. В 1719 году по особому указу Петра I из Гамбурга среди прочих растительных диковин были выписаны «4 горшка ананасов». Неясно, были ли они доставлены, поскольку в литературе по садоводству есть сведения о том, что первые ананасы прибыли в Императорские (Летние) сады в 1731 году. Там они были размножены «через искусство и труды» садовников. Как сообщалось в газетах, императрица Анна Иоанновна, посещая оранжереи, осматривала «иностранные плоды с превеликим удовольствием, а особливо понравился Ее Императорскому Величеству из сих плодов ананас называемый, который Ее Императорское Величество сама снять изволила». Правда, как подметил уже цитированный выше иностранец, сама императрица этого фрукта не ела из-за его сильного запаха, но желала, чтобы в ее саду было изобилие столь редкого растения; сам же автор считал, что у ананаса «вкус самых лакомых фруктов, вместе взятых» [17].

Бананы в качестве плодовой культуры не получили распространения в оранжерейной практике. В середине XIX века даже столичные жители знали их только по картинкам. А. И. Гончаров увидел бананы лишь во время

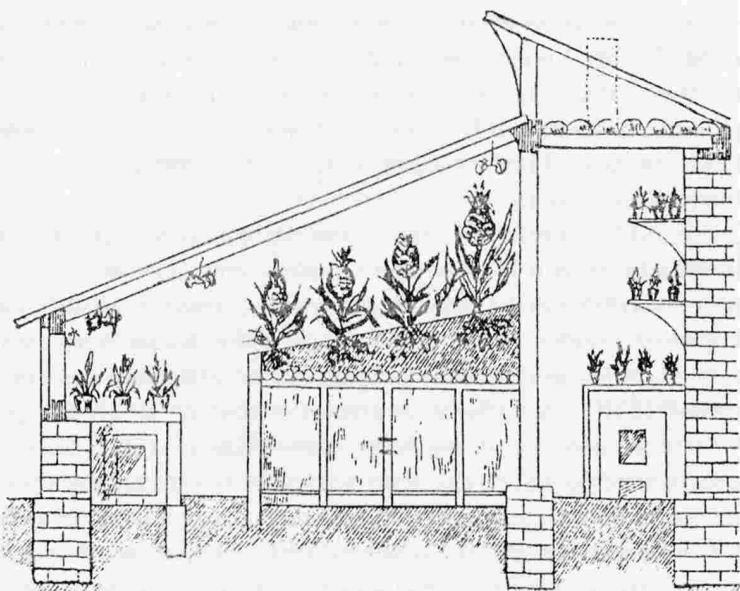
своего путешествия на фрегате «Паллада», на острове Мадейра — и не одобрил их вкуса, «вялого, приторного, мучнистого, без аромата». Зато бананы охотно выращивали из-за их огромных листьев в качестве декоративного растения для зимних садов.

Ананасы же, напротив, быстро завоевали популярность. Так, в 1748 году в оранжереях Царского Села было более ста растений ананаса, а затем началось настоящее «победное шествие» этого заморского фрукта. Прошло немного лет, и в ананасной теплице оранжереи при Таврическом дворце росло уже около четырех тысяч растений. Ананасы стали быстро проникать в дворянский быт. Историки отмечали, что в XVIII веке во всяком уважающем себя дворянском доме непременно была ананасная теплица. Особо искусные садовники ухитрялись получать с апреля до января двухфунтовые (800 граммов) плоды от однолетних растений. Множество сообщений о выращивании ананасов публиковалось в тогдашних «экономических» журналах, где давались также советы по их агротехнике, вплоть до выращивания их без почвы (водной культуры). Да и в беллетристике, и в мемуарной литературе ананасы упоминаются довольно часто (есть даже упоминание о какой-то «очень вкусной ананасной каше» [149]). Ананас проник и на страницы русской поэзии — вспомним, чем угощали Онегина в ресторане Talon:

И Страсбурга пирог нетленный
Меж сыром лимбургским живым
И ананасом золотым.

А у поэта XVIII века В. И. Майкова есть басня «Роза и ананас». Все это говорит о том, что в быту богатых петербуржцев ананас стал фруктом вполне обычным. В конце XVIII века в Петербурге хороший ананас стоил 2—3 рубля (примерно такова же была цена букета цветов, горшка с розой, грушевого дерева или пакета с цветочными семенами ста сортов).

Мода на ананасы не ограничивалась Петербургом. В повести А. Ф. Вельтмана «Эротида» (1835) один вель-

Ананасная теплица в разрезе. Чертеж 1905 г.

можно екатерининского времени вспоминает, как в подмосковном имении графов Шереметевых Кускове после званных обедов дамы прогуливались в саду, где «деревья от маковки до корня унизаны ананасами, апельсинами, персиками...» (конечно же, выращенными в оранжереях). Ананасы не были редкостью и в оранжереях провинциальных помещиков.

В следующем веке ананасы стали в больших количествах разводить в торговых заведениях на продажу. Московский «Журнал садоводства» в 1856 году хвастался: «У нас в России воспитание ананасов достигло совершенства. Многие иностранные садоводы даже завидуют нам в этом искусстве. В последние годы разведение ананасов усилилось до того в России, что они большим количеством привозятся на Нижегородскую ярмарку и доставляют значительный доход».

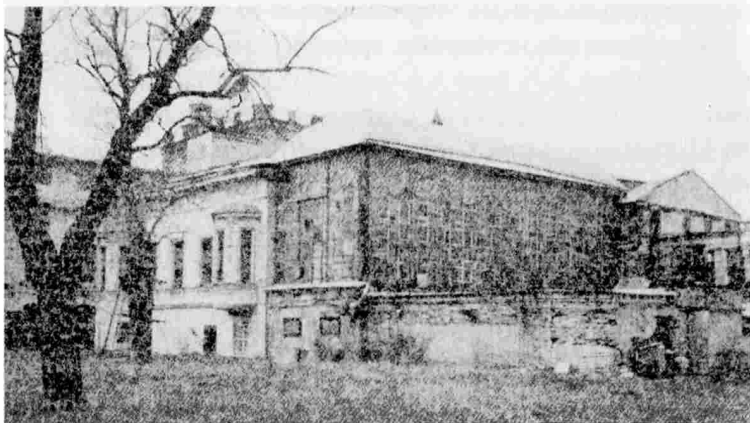
В XIX веке, с исчезновением городских усадеб, оранжерейное дело в Петербурге не было утрачено, поскольку в состоятельных слоях общества продолжал сохраняться спрос на свежие фрукты и ягоды в любое время года. Вот впечатления одного из иностранцев, посетившего столицу зимой 1858 года, о быте богатых петербуржцев: «К десерту всегда подают корзину фруктов. Виноград... наливается соком до цвета светлого янтаря в лучах калориферов на занесенной снегом земле хозяина дома. В январе я ел в Санкт-Петербурге землянику» [40]. Не переводились и любители пышной заморской флоры и растительных диковинок, которые можно было выращивать у себя дома. При постройке богатых особняков иногда проектировали и уст-

раивали, как бы мы теперь сказали, «встроенные» оранжереи, которые затем превращали в настоящие зимние сады (о них мы скажем в одной из следующих глав). Так, в предреволюционные годы дома с оранжереями были построены для известного петербургского богача и мецената Авраамия Ушакова на углу Малой Садовой и Невского проспекта (напротив Елисеевского магазина), на углу Владимирского и Невского проспектов, на нынешнем проспекте Стачек, 45; оранжереи в этих домах до наших дней, конечно, не сохранились. Из числа старых зданий с оранжереями, сохранивших свой первоначальный облик, можно назвать, пожалуй, лишь особняк заводчика Брусницына на Кожевенной линии (д. 27) и особняк купца П. П. Фосторовского на 4-й линии Васильевского острова (д. 9).

И совсем уж необычная оранжерея недолго существовала в начале XX века в Соляном переулке, 13-15, в здании Центрального училища технического рисования барона Штиглица (ныне Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия), а точнее — в огромном стеклянном куполе, перекрывающем выставочный зал (архитектор М. Е. Месмахер). Уникальная система отопления позволяла не только иметь в здании теплый каменный пол, но и выращивать бананы, ананасы, лимоны в пространстве между наружным и внутренним остеклением купола.

Обширные оранжерейные здания строили на загородных дачах владельцев особ, проявлявших склонность к коллекционированию редких и красивых растений. Известно было «лучшее в Петербурге собрание декорацион-

ных пород» (агавы, саговники, юкки и др.) в оранжереях сада Г. Сапожникова на Аптекарском острове. Их владелец непременно посещал все выставки декоративных растений и покупал экземпляры, получившие премии [42]. В оранжереях великой княгини Елены Павловны на ее каменноостровской даче было богатейшее в Петербурге собрание пальм, большая коллекция пестролистных бегоний и многие другие диковинки. Развитию оранжерейного дела способствовали технические новинки XIX века: в журналах по садоводству, наряду с чисто «ботаническими» объявлениями, стала появляться реклама петербургского завода Ф. К. Сан-Галли, который наладил выпуск спе-

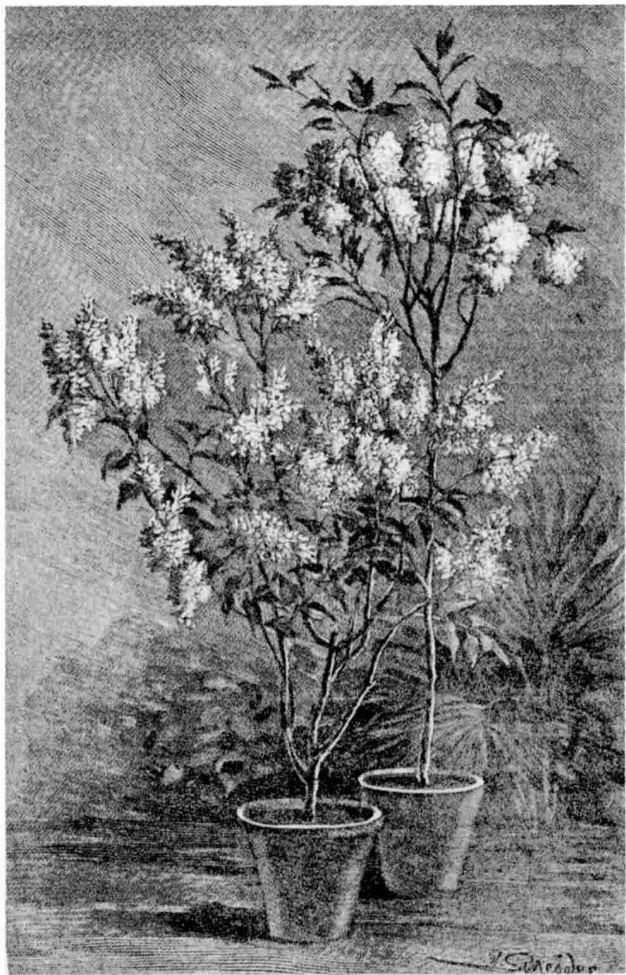

Особняк с оранжереей, принадлежавший заводчику Брусницыну
(Кожевенная линия Васильевского острова, 27).
Построен во второй половине XIX в.

циальных печей с водяным отоплением для оранжерей. Они быстро завоевали популярность, облегчив труд садовников, поскольку могли сохранять тепло в оранжереях круглые сутки. А в 1914 году на обложках журналов появилась уже реклама целого завода «Геншт и К^о», который специализировался на постройке оранжерей и устройстве зимних садов с центральным отоплением.

В XIX веке в петербургском оранжерейном деле усилилось коммерческое направление: появилось немало торговых оранжерей при садовых заведениях. В них разводили для продажи зимой и ранней весной овощи и ягоды, а в плодовых теплицах выращивали фруктовые деревья, также для ранней выгонки плодов. Судя по специальной литературе конца XIX — начала XX века, популярны для выгонки были косточковые плодовые деревья — персики, абрикосы, сливы, а особенно выгодной культурой считался виноград. Оранжерейным деревьям придавали такую форму, которая позволяла получать как можно больше солнечного тепла: плоская крона «пальметта» распластывалась под наклонной стеклянной крышей, расположенной под наиболее выгодным углом к солнечным лучам.

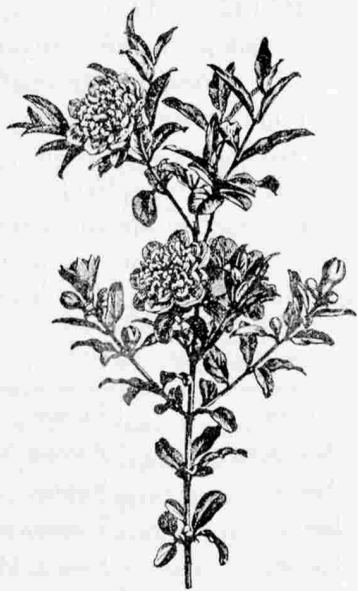
Среди известных оранжерейных хозяйств можно назвать Стрельнинское дворцовое садоводство, которое уже в середине XIX века не только снабжало фруктами дворец, но и выращивало их на продажу. В годы, когда им руководил известный садовод Ф. И. Рукк, в вишневых, сливовых и других оранжереях росли взрослые и даже старые фруктовые деревья, которые при ранней выгонке давали отличные урожаи. К сожалению, после смерти Рукка

Сирень и карликовая махровая слива

Стрельнинское садоводство пришло в упадок; в 1895 году от оранжерей осталась лишь одна треть [66].

Кроме овощей, плодовых и ягодных культур, в коммерческих оранжереях выращивали декоративные растения для комнатного озеленения. В одном из руководств по «комнатному садоводству» конца XIX века дается такой простой совет: «Ничего нет легче, в особенности для людей со средствами, как украсить свое жилище зимою, когда снег и выюга удерживают нас дома, всякого рода покупными цветущими растениями» [34]. Среди зимы можно было купить цветущие кусты калины «Буль-де-неж» («снежный шар») или покрытое цветами деревце карликовой махровой сливы. А как хороша была зимняя белая сирень! Ее выращивали для выгонки в торговых заведениях в виде небольших кустов, вырезая все ветви без цветочных почек. Старые справочники для «комнатных садовников» поражают обилием видов, рекомендуемых для выращивания в оранжереях.

Ветка граната с махровыми цветами

Очень многие из них нынешним специалистам уже, увы, не знакомы.

Наглядное представление о широте и разнообразии ассортимента оранжерейных растений дает опубликованный в 1907 году список видов, которые выращивались в оранжереях известной Стрельнинской дворцовой школы садоводства. Его, по-видимому, можно считать достаточно типичным для солидных торговых заведений. В списке 130 видов тепличных растений, требующих зимой $10\text{--}14^{\circ}\text{R}^*$ ($12,5\text{--}17,5^{\circ}\text{C}$), из них 13 орхидей; 51 вид оранжерейных растений, зимующих при $3\text{--}5^{\circ}\text{R}$ ($4\text{--}6^{\circ}\text{C}$), а также множество декоративных кустарников и красивоцветущих многолетников, которые заранее выращивали для высадки в открытый грунт. А всего этот список занимает 110 страниц [167].

Интересно проанализировать географическое происхождение наиболее любимых в старом Петербурге оранжерейных культур. Вот несколько примеров:

Вид растений	Родина
Аралия	Япония
Араукария	Южная Америка, Восточная Австралия
Аукуба	Япония
Банан	Тропики восточного полушария
Гранат	Кавказ, Малая и Центральная Азия, Иран
Гризелиния	Чили, Новая Зеландия

* По принятой тогда шкале Реомюра.

Драцена	Тропическая и субтропическая Африка, Канарские о-ва
Камелия	Китай, Япония, Корея
Камфорный лавр	Китай, Япония, Корея, Вьетнам
Кордилина	Тропическая Азия, Австралия, Новая Зеландия
Кофейное дерево	Тропическая Африка
Лавровишня	Средиземноморье, Закавказье, Балканы
Латания	Маскаренские о-ва (близ о. Мадагаскар)
Мимоза стыдливая	Антильские о-ва, Бразилия
Олеандр	Средиземноморье
Плющ	Западная Европа
Саговник	Тропики восточного полушария
Филодендрон	Тропики Америки
Финиковая пальма	Тропики и субтропики Африки и Азии
Циперус (папирус)	Египет, Эфиопия, о. Мадагаскар
Циссус	Южная Австралия

Поражает разнообразие тех «заморских стран», откуда попали в северную столицу перечисленные (и многие другие) декоративные растения. Таким образом, если в городскую флору включать растения не только «наружных» местообитаний, но и закрытого грунта, можно сказать, что оранжерейные растения добавили значительную (а точнее — бóльшую) часть к той «чужеземной струе» в петербургской флоре, о которой шла речь в главе «Приглашенные иноземцы».

Большое место в деятельности торговых оранжерей занимало выращивание цветов «на срезку» (выражаясь

профессиональным языком цветоводов). Цветы как одна из реалий петербургского прошлого занимали особое место в быту столичного населения, точнее — его состоятельной верхушки, и потому заслуживают отдельного рассказа.

В Петербурге любили цветы. На смену простому быту петровских времен, в котором цветам практически не находилось места (кроме торжественных случаев), уже с середины XVIII века пришла мода на украшение интерьеров «пукетами» срезанных цветов и цветами в вазонах. Живые цветы, наряду с драгоценностями, были украшением бальных платьев и причесок. Так, высокие замысловатые «куафюры» придворных дам эпохи расцвета барокко бывали увиты свежими цветами, поставленными в склянки с водой, которые приходилось прятать внутри громоздкой прически. В эпоху более сдержанного в украшениях ампира и позже цветочное убранство дам стало лаконичнее. Вспомним, как, отправляя на бал, украшает своих героинь Л. Н. Толстой: у Наташи и Сони — по одной розе в волосах, у Кити — «роза с двумя листками», а у Анны — «в черных волосах... маленькая гирлянда анютиных глазок и такая же на черной ленте пояса». Особый случай украшения прически цветами — убранство невесты, непременно включавшее *fleur d'orange* (белые цветы померанцевого дерева); впрочем, в XVIII веке это мог быть и венок из красных роз [149].

Без разнообразных и иногда весьма затейливых цветочных украшений не обходилось ни одно празднество или сколько-нибудь заметное общественное событие. Вот любопытный пример: когда картину К. П. Брюллова

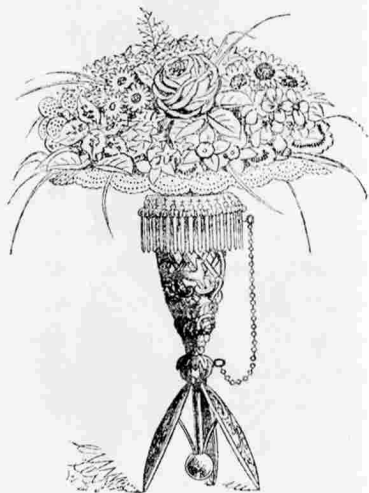
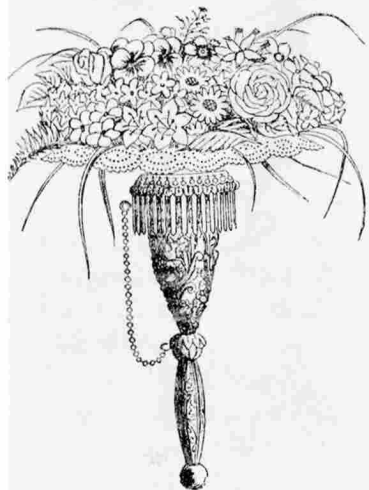
«Последний день Помпеи» впервые выставили в Академии художеств, она была обрамлена живыми цветами (а периметр ее составляет 22 метра) [2]. Ну и, конечно же, постоянным «потребителем» цветов была концертно-театральная жизнь Петербурга. Одно время, следуя моде, дамы являлись в зрительные залы (как и на балы) с букетами, для чего даже существовал специальный предмет

Дамские прически (куафиоры), украшенные живыми цветами.
Рисунок из журнала «Модное ежемесячное обозрение» 1779 г.

ювелирного искусства — портбукет. А обычай публики выражать свой энтузиазм в форме цветочных подношений своим любимцам порой принимал такие размеры, что дирекция Императорских театров вынуждена была запрещать забрасывать сцену цветами. Писатель В. А. Соллогуб изобрел в связи с этим выразительный термин — «петербургское цветобесие» (так называется один из его водевилей).

Много цветов шло на украшение петербургских интерьеров. Конечно, наиболее пышным и изысканным было убранство дворцов. В апартаментах последней русской

Портбукет с закрытой и раскрытой ручкой (в раскрытом виде он превращался в миниатюрный цветочный столик).

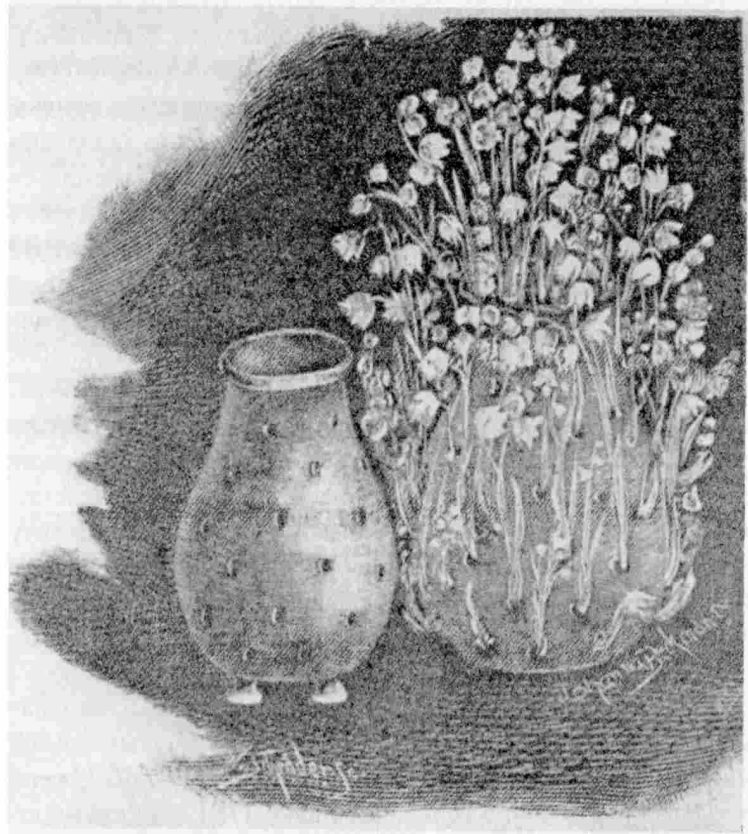
Середина XIX в.

императрицы, по воспоминаниям ее фрейлины А. А. Вырубовой, цветы подбирались так, что в каждой комнате был свой устойчивый букет запахов [88]. Но и в более скромных помещениях, облик которых сохранила для нас живопись прошлых веков, вазы с букетами были обычным украшением.

О том, какие цветочные культуры выращивали в оранжереях Петербурга, некоторое представление дают специальные руководства, публикации и торговые рекламы в «Вестнике садоводства, плодоводства и огородничества» и других журналах. Популярны были розы, лилии, анемоны, туберозы, гиацинты, нарциссы и другие цветы. Была освоена зимняя выгонка таких многолетников — нынешних обитателей летних клумб, — как дицентра («разбитое сердце»), аквилегия (водосбор), функия и другие. Особенной симпатией пользовались ландыши, которые, по словам одного из старинных руководств, петербургские садовники в оранжереях «получали в миллионах экземпляров» [34]. На рубеже XIX и XX веков к ассортименту любимых цветов добавились фрезии, ирисы, фиалки (вспомним корзину пармских фиалок, которые в марте получает Даша в романе «Хождение по мукам» А. Н. Толстого) и даже орхидеи.

В XVIII веке торговлю цветами, луковицами, семенами вели «садовые заведения», садовники богатых домов, мелкие лавочники, а также уличные разносчики. Цветы продавались только в горшках, лишь с 1791 года стали появляться объявления о продаже «пукетов». В следующем веке торговля переместилась в цветочные магазины. Их

было немало. Например, придворный садовод Г. Эйлерс был владельцем пяти таких магазинов. Многие цветочные магазины круглый год украшали центральные улицы рос-

Зимние ландыши в специальном сосуде

кошными витринами-выставками — одной из примет «города пышного». Перед такой витриной остановился зачарованный поэт С. Я. Надсон:

И я спешил... А ночь была темна...
Чуть фонарей струилося мерцанье...
Вдруг сноп лучей, сверкнувших из окна,
Прорезав мрак, привлек мое вниманье:
Там, за зеркальным, блестящим стеклом,
В сияньи ламп, горевших мягким светом,
Обвеяны искусственным теплом,
Взлелеяны оранжерейным летом,
Цвели цветы...

«Цветы» (1883)

Надо полагать, что в те годы, когда все резче проступали петербургские социальные контрасты, такие витрины вызывали не только восхищение: недаром в том же стихотворении есть строки о их «наглой красоте».

Годы наивысшего расцвета оранжерейного дела в Петербурге в начале XX века были и годами его конца. Ведь это не просто отрасль растениеводства, но и одна из разновидностей материальной культуры, хотя она и имеет дело с живыми организмами. После 1917 года возник новый быт, новая материальная культура, в которой не оказалось места предметам «растительной роскоши». Исчез спрос на продукцию «садовых заведений», исчезли и они сами, вместе со своими оранжереями, садовниками и их секретами. Одни секреты оранжерейного дела утеряны навсегда, другие — например, способы зимней выгонки цветущих деревьев — ушли из практики и перекочева-

ли в учебники физиологии растений в качестве иллюстраций к теоретическим положениям. Так возникла еще одна трещина между прошлым и настоящим петербургского быта, вызванная социальными потрясениями.

Нынешнее оранжерейное дело по сравнению с прошлым выглядит более чем скромно, хотя, заметим, и обладает куда более совершенными техническими возможностями. Вряд ли оно переживет у нас когда-нибудь такой же расцвет, как в Петербурге прошлых веков.

Домашние растения петербуржцев

Растительный мир города — это не только деревья, кустарники, травы, растущие «на вольном воздухе». Есть и еще одна его разновидность — зеленые сообитатели горожан в жилищах, составляющие их наиболее близкое и повседневное «растительное окружение». Иными словами — комнатные растения, называемые еще попросту «цветами».

С одной стороны, это предметы убранства интерьеров, наряду с вазами, светильниками, часами и т. д. В этом качестве они представляют интерес для архитекторов, искусствоведов, а еще более — для исследователей быта ушедших веков. А с другой — они живые, они пришельцы из другого мира, живущего по своим законам, и потому, естественно, привлекают внимание ботаников, которых интересуют и видовой состав флоры, и «самочувствие» растений (категория, непривычная для неодушевленных предметов убранства), и реакция на пленение в четырех стенах, и потребности, привычки, даже капризы живого существа. Как писал поэт И. Л. Сельвинский,

Стул деревянен, деревянен стол,
Но дерево — оно не деревянное.

1967

Попытаемся посмотреть на растительный мир в жилищах старого Петербурга с этих разных сторон. Но сначала — взгляд в прошлое.

Издавна человек стремился иметь растения в своем жилище. В древности это были просто срезанные травы, ветви, цветы, которыми устилали полы; зимой их заменяли солома и сено. Например, в средневековой Франции такие «растительные ковры» были и в королевских покоях, и в аудиториях Сорбонны [23]; также и стены украшали травой и ветками. В Московской Руси иностранных гостей иногда принимали во дворцовых покоях, устланных сеном.

Что касается живых растений, то поселить их в комнатах в давние времена не было возможности, ибо жилищные условия людей не отвечали одной из главных жизненных потребностей растений — им не хватало света. На картинах старых мастеров мы видим обычно небольшие окна с мелкими переплетами. В них вставлялась промасленная бумага или мелкие толстые стекла, оправленные в свинец. Крупные, по-настоящему прозрачные стекла в Европе научились делать лишь в XVI веке, и они были очень дороги.

В допетровской Руси, в XVI—XVII веках, дорогое оконное стекло, доставляемое из-за границы, редко применялось даже в царских дворцах. Обычно же в окна вставляли куски слюды, часто расписанные изображениями

трав, зверей и птиц, фигурками людей. Да и сами окна были небольшими. Можно себе представить, какой полумрак царил во дворцовых покоях. И недаром, подробно и даже дотошно описывая быт царей в ту эпоху, историк И. Е. Забелин перечисляет живших в комнатах птиц и зверей (попугаи, канарейки, перепелки; горностаи, белки), но ни разу не упоминает о комнатных растениях [52]. Видимо, не приходила мысль поселить живые растения даже в самом освещенном месте комнаты — на подоконниках: соответственно принятому в домашнем убранстве обычаю «все укрывать и покрывать», сюда клали специальные наоконники, в будни — простые коврики, в праздники — шелковые ткани, вышитые золотом [70]. Были в царских дворцах «комнатные сады», но располагались они вовсе не в комнатах: так называли небольшие садики, примыкавшие снаружи к дворцовым покоям.

Тем более невозможно представить себе живые комнатные растения в простонародном быту тех времен. В небогатых домах и крестьянских избах узкие и низкие окна были затянуты бычьими и свиными пузырями или вовсе задвигались ставнями (кстати, такие волоковые окна предназначались не для освещения, а для выпуска дыма, и обычно были закрыты, то есть в избе среди бела дня было почти темно).

Но все же, видимо, хотелось порой и в жилище остановить взор на травах, листьях, цветах, особенно в долгую осеннюю и зимнюю пору. Недаром столь любимы были на Руси живописные и резные «травные узоры», покрывавшие стены в боярских теремах, царских дворцах и даже

церквах. Иногда были во дворцах и такие забавы, как в комнате царицы Натальи Кирилловны, — «рай, в нем поставлено древо разцвечено розными краски», а у царевича Алексея Алексеевича (рано умершего сына царя Алексея Михайловича) — целый искусственный «сад с груши и с розными цветы шолкового дела» [52].

Живые же «зеленые соседи» еще ждали своего часа.

Впервые комнатные растения как предмет убранства интерьеров стали проникать в жилища горожан в Петровскую эпоху. Вначале это были лишь временные гости, доставлявшиеся из оранжерей для украшения покоев и парадных столов в торжественных случаях. Так, на гравюре Биргера, изображающей убранство зала к торжеству бракосочетания дочери Петра I Анны и голштинского герцога в 1725 году, среди весьма лаконичной сервировки стола можно различить небольшие горшки с растениями. В 1730—1740-х годах, в залах, где проходили дворцовые празднества, столы, накрытые на несколько сотен персон, непременно украшались померанцевыми деревьями и цветами. Как вспоминал Ф. Б. Растрелли, на свадьбе великих князей Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны (будущих Петра III и Екатерины II) убранство зала, сделанное по его проекту, включало статуи, вазы и фонтаны, а также померанцевые и миртовые деревья, «образовавшие прекрасный сад» [195]. Но до постоянного интерьерного озеленения было далеко — в петербургских постройках для него все еще не хватало света. Не потому ли в первом петербургском домике Петра I, любившего цветы, растительное убранство ограничивалось «травной» рос-

писью оконных и дверных наличников? Как недавно выяснили реставраторы, там были изображены розы, лилии, нарциссы, сирень. Цветочные узоры украшают и Зеленый кабинет Летнего дворца Петра I.

Во второй половине XVIII века условия для растений в комнатах изменились: совершенствование строительных приемов позволило значительно увеличить размеры окон. Во дворцах и богатых домах входило в обиход большое стекло (в 1716 году в Усть-Ижоре был построен первый российский завод для производства «бемского» стекла). Стало возможным впустить в помещения больше дневного света. Недаром в украшениях интерьеров с тех пор охотно используют хрусталь, стекло, зеркала, блеск которых создает дополнительный декоративный эффект. Поскольку в жилищах стало светлей, появилась возможность поселить в комнатах «живые украшения», чем не замедлили воспользоваться петербуржцы.

А в XIX веке интерьерное озеленение достигло в Петербурге такого расцвета, что можно было с полным правом говорить об особом «внутреннем» растительном мире города, соперничающем с «наружной» растительностью — если не по массе, то уж, во всяком случае, по разнообразию и пышности. Представление о нем нам дают различные источники — это и специальные руководства по разведению комнатных растений, и упоминания о них в разнообразных описаниях быта петербуржцев (от впечатлений иноземцев до беллетристики), и архитектурные рисунки интерьеров, где растения часто служат деталями стаффажа, и в особенности — изображения интерьеров

в живописи. Последний из перечисленных источников во многих случаях можно считать документальным: тщательность, с которой художники прошлых веков изображали подробности убранства комнат, часто позволяет рассмотреть такие детали облика растения (форма и жилкование листьев, цвет и форма лепестков и др.), по которым ботаник без труда определит его название.

Подобно тому, как историки анализируют состав населения Петербурга в ту или иную эпоху, можно сделать попытку разобраться в ассортименте зеленых сообитателей петербуржцев в XIX веке. К этому времени уже сложился основной набор видов комнатной флоры, удовлетворяющий определенным требованиям. Во-первых, эти растения хорошо переносили довольно трудные для них условия чужого экологического оптимума, то есть условия жилых комнат, приспособленные человеком для себя, а не для своих зеленых соседей. Так, с привычным для нас зимой сочетанием слабого света и сухости воздуха (в нагретых комнатах) растения в природе не встречаются: если уж воздух сухой, то и света обилие (в степях, пустынях), а если освещенность слабая, то влажность воздуха повышена (под пологом лесов). Во-вторых, поскольку растения должны были украшать помещения, им надлежало быть декоративными в любое время года, поэтому в комнатах преобладали растения вечнозеленые; популярны были виды с крупными листьями, с красивыми цветами, а также вьющиеся лианы. Ну и наконец, это были растения по преимуществу иноземные, ценимые не только за красоту, но и за необычность (ибо кто же стал бы украшать

жилище растениями пусть даже выносливыми, но самыми обычными, какие видишь под ногами каждый день!).

В специальной литературе прошлых лет не раз отмечалось особое пристрастие петербуржцев к пышным заморским растениям в комнатах. Видимо, основная причина этого — петербургский климат с его долгой, темной и холодной осенне-зимней порой. Это отметил и французский писатель Теофиль Готье, посетивший Россию в 1858 году. Он писал: «Наверное, при помощи такого изобилия зелени глаз стремится отдохнуть, утешить себя от неизменной зимней белизны. Желание увидеть что-нибудь не белого цвета должно быть вроде некоей болезненной ностальгии в этой стране, где снег покрывает землю более чем на половину года... Если бы не старались здесь квартиры превратить в сады, зимой можно было бы подумать, что зеленый цвет навсегда исчез из природы» [40].

Растения — пришельцы из дальних стран попадали в Петербург, как и многие другие новинки убранства жилищ, из Западной Европы, комнатная флора которой в то время была уже весьма богатой. Ведь еще раньше, в эпоху великих географических открытий, в Европу хлынул поток флоры с других континентов, и впоследствии многие привлекательные экзоты были «приручены» в оранжереях и домах (об этом шла речь в предыдущей главе). Но и в XVIII—XIX веках набор комнатных растений продолжал пополняться усилиями ученых и профессиональных «охотников за растениями». Вот что писал Майн Рид в одном из своих романов: «Вы, конечно, удивитесь, услышав, что рядовой торговец семенами, продаю-

щий вам корневища, луковицы и рассаду, содержит целый штат охотников за растениями — опытных ботаников, рыскающих по земному шару в поисках новых растений и цветов, которые могли бы порадовать взор любителя... Охотник за растениями — это человек, посвятивший все свое время и силы собиранию редкостных растений и цветов — словом, тот, кто сделал это занятие своей профессией» («Охотники за растениями», 1857).

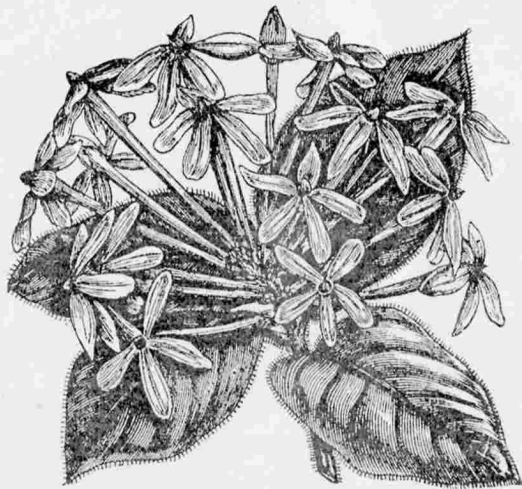
Мода на зеленые украшения в интерьерах рождала спрос, а спрос — предложение. В Петербурге XIX века комнатные растения выращивали и продавали многие «садовые заведения» со специальными оранжереями. Многолетние крупномерные растения в кадках также сдавались во временное пользование. Распространена была и торговля в разнос. Судя по старинным гравюрам и картинам, одной из типичных фигур на улицах старого Петербурга был разносчик горшечных цветов. Труд его был нелегок: на одном из петербургских пейзажей Б. Патерсена среди других стаффажных фигур помещен такой разносчик, на голове которого устроен целый помост, а на нем — кадки с цветущими кустарниками (вряд ли художник сам сочинил эту фигуру).

Поиск новых растений, пригодных для комнат, проводился и в оранжереях Императорского Ботанического сада на Аптекарском острове. В течение многих лет бессменный директор сада Э. Регель исправно информировал петербуржцев о новинках в специальном разделе журнала Императорского Российского общества садоводства. Конечно, далеко не все новинки использовались на практике;

Шенберг. Уличный продавец цветов. Гравюра. Конец XVIII в.

и все же, просматривая каталоги «садовых заведений» и списки видов, рекомендовавшихся в XIX веке руководствами по комнатному цветоводству, поражаешься обилию и разнообразию флоры петербургских интерьеров. Среди многих десятков и сотен видов — такие комнатные экзоты, как магнолии, мирты, кофейное дерево, гранаты, сирень, акации, саговники, канны и многие другие, с уже непонятными нам ныне названиями (кто, кроме специалистов, может сейчас представить себе, как выглядели, например, теофраста императорская или фернандуза пре-

Цветущий зимой кустарник — рандия длиннолистная

На этой и следующих двух иллюстрациях представлены некоторые экзотические растения, украшавшие интерьеры богатых петербургских жилищ.

восходная?). Однако много было и более скромных, хорошо знакомых нам и сегодня растений — таких, как бегонии, традесканции, герани и прочие.

Как и население Петербурга, комнатная флора тоже была неоднородна по «социальному составу». Комнатные растения имели одно довольно необычное и далекое от ботаники свойство: они довольно точно отражали социальное и имущественное положение владельца, и поэтому можно говорить об их своеобразной «классовой дифференциации». На одном полюсе — пышное зеленое убранство дворцов и богатых особняков. Вот, например, как изощрялся в устройстве «райских кущей» царский двор при Александре II, по воспоминаниям графа Д. А. Толстого: «Двор давал блестящие балы... Ужин подавали рядом, в Николаевском зале, где ставили в кадках, замаскиро-

Комнатные лианы — родохитон и маурандия барклеана

ванных растениями и цветами, громадные пальмы чуть ли не до потолка двусветной залы; из них то устраивались аллеи посреди залы, то они расставлялись среди окружающих их лавровых деревьев и других декоративных растений, причем их ствол возвышался над столом, за которым ужинали, как бы вырастая из него и осеняя своими кудрявыми листьями сидящих перед ними разодетых гостей...» [26].

Цитированный выше писатель Т. Готье, посещавший в Петербурге «приличные дома» (богатые особняки), писал: «Цветы (имелись в виду в основном комнатные растения. — Т. Г.) — вот поистине русская роскошь! Дома полны ими. Цветы встречают вас у двери и поднимаются по лестнице. Исландский плющ вьется по перилам... В амбразуре окон виднеются банановые пальмы*, магнолии и древовидные камелии своими цветами касаются позолоченных завитков карнизов, орхидеи бабочками летают вокруг лепных плафонов... Они живут здесь, как в теплице», в комнатах «неизменно царит температура минимум 15—16^{о**}».

В то же время на другом полюсе, в скромных чиновничьих и мещанских домиках и квартирах комнатная флора была совсем иной. Фикус в кадке считался уже целым деревом, а наибольшей любовью пользовались неприхот-

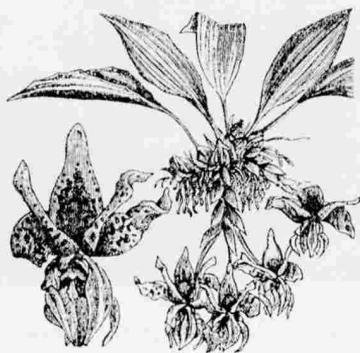
* Простим гостю из Франции некоторые ботанические неточности. В Исландии плющ не растет; очевидно, имеется в виду или плющ обыкновенный, или лиана из рода циссус. Банан не имеет ничего общего с пальмами.

** По шкале Реомюра; по Цельсию это 19—20°.

ливые обитатели подоконников. Вспомним, какие растения посылает Макар Девушкин Вареньке в «Бедных людях» Ф. М. Достоевского: «Я там купил парочку горшков с бальзаминчиком и гераньку — недорого. А вы, может быть, резеду любите? Так и резеда есть...»

Изображая в романе «Обломов» провинциальный быт тихой окраины города — Выборгской стороны, И. А. Гончаров использует такую деталь: «...зашевелится кисейная занавеска и из-за ерани выгянет чиновница...» Эта «ерань» за кисейной занавеской надолго стала символом мещанского Петербурга. Уже в 1921 году поэт Н. А. Агнiewicz вспоминал:

В том домишке, что сутулится
На углу Введенской улицы —
Позади сгоревших бань,
Где под окнами — скамеечка,

Орхидеи — лелия майская и стенхопея тигровая

А на окнах — канареечка
И — герань!

В домах и квартирах «средней руки» также почти всегда присутствовала комнатная зелень. Вот, например, интерьер начала XX века, описанный Л. Леоновым в романе «Русский лес»: «...уютная барская квартирка... уставлен-

Б. М. Кустодиев. Купчиха с зеркалом. 1920. (Фрагмент)

На фоне окна — фикус упругий, который был особенно популярен в купеческом и мещанском быту.

ная развесистыми пальмами, меж которых с ловкостью золотых рыбок сновали сочные, неслышные горничные...»

И еще — из воспоминаний С. М. Городецкого о композиторе А. К. Лядове: «На ломберном столе несколько листов нотной бумаги с начатыми кое-где начертаниями нот. У окон же, в правом углу, сильно разросшиеся кусты. Ан. К. говорил про них, что когда он смотрит в их листву, то видит в ней всяческие физиономии, „рожицы“ разной твари» [37]. (Не было ли среди них знаменитой «Кикиморы»?)

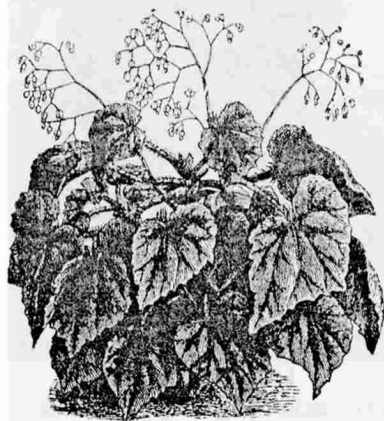
Любопытно, что даже на дачах, в окружении «настоящей» природы, петербуржцы порой не в силах были расстаться со своими зелеными любимцами и привозили их из города с собой, о чем не раз свидетельствовали бытописатели: «...по реке (Неве. — Т. Г.) уплывала большая

Герань (пеларгония зональная)

На этой и следующей иллюстрациях представлены обычные обитатели скромных и бедных жилищ.

лодка, нагруженная цветами и деревьями в кадках: перевозили с выставки или уезжали дачники; зелень, темным столбом, не колыхаясь, отражалась в воде...» (Н. Д. Хвоцинская. «После потопа», 1881). Упоминание о выставке здесь не случайно: это могла быть ежегодная выставка Императорского Общества садоводства, на которой комнатные растения (конечно, наиболее пышные и декоративные экземпляры) всегда занимали почетное место. А возможно, это была одна из торгово-промышленных выставок, также обычно обильно украшенных растениями. Вообще, озеленение общественных интерьеров в Петербурге не отставало от озеленения жилых помещений. При этом широко использовались временные композиции, составленные из растений, доставлявшихся напрокат из

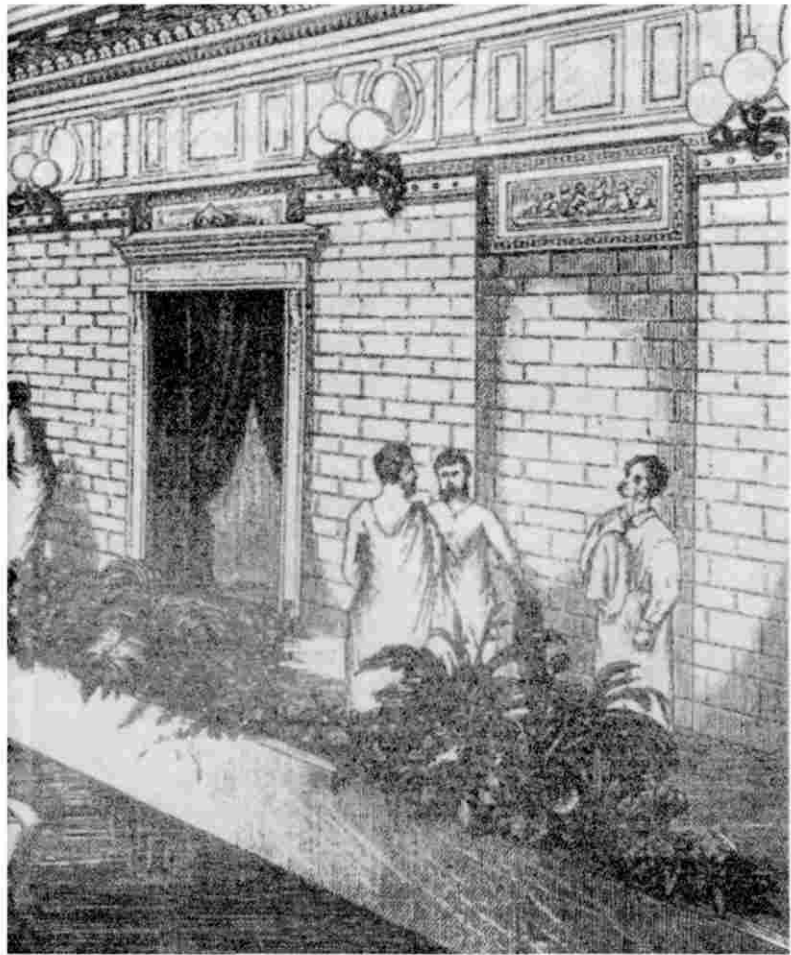
Бегония манжетная и гелиотроп

специальных оранжерей и «заведений». М. И. Пыляев приводит любопытный пример украшения зала в доме Нарышкина на Фонтанке, где в 1834 году петербургское дворянство праздновало совершеннолетие наследника престола: «...при входе в обеденный зал была устроена из редких растений беседка» с решеткой, «по которой извивались свежие виноградные лозы, зрелые плоды винограда висели сверху» [147]. Крупные деревья и кусты в кадках, лианы и цветы украшали и залу петербургского Дворянского собрания, когда в ней давались зимние балы, и интерьеры дорогих ресторанов и кафе, и выставку трофейных германских и австрийских знамен в 1915 году. Пальмы и лавры проникали даже под церковные своды, когда происходили великосветские венчания в церкви св. Николы Морского [15].

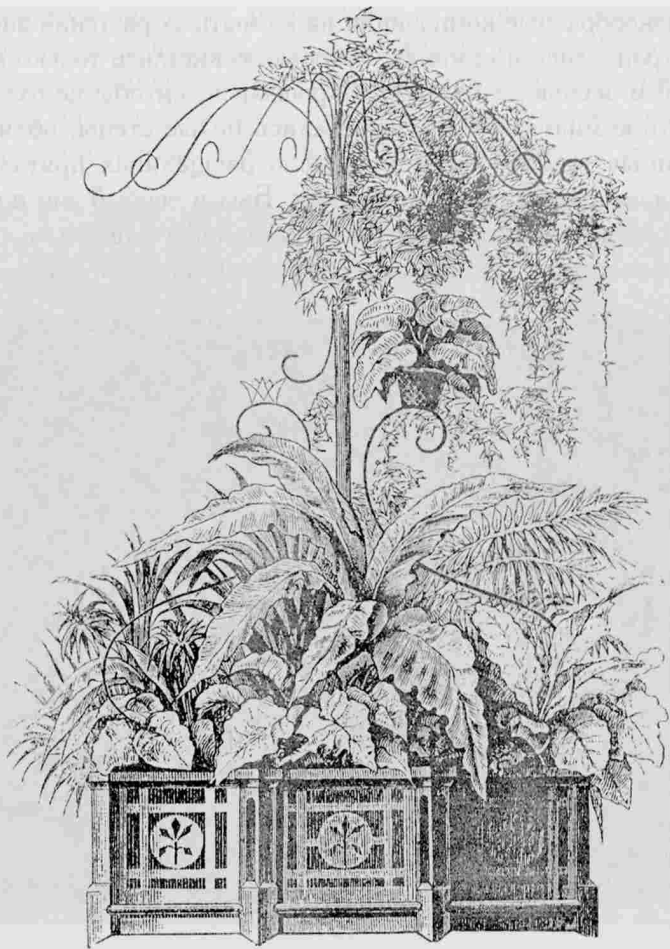
Как видим, на долю комнатных растений — этих осколков живой природы в замкнутых стенах — выпало сразу несколько ролей: служить отрадой для души, но также быть предметом роскоши и престижа. Далеко не последней была и еще одна роль — служить для украшения и отделки интерьеров.

Судя по изображениям и описаниям интерьеров петербургских домов, в XIX — начале XX века комнатная зелень была непременной составной частью их убранства (на что еще мало обращали внимание искусствоведы). Архитекторы охотно использовали ее как своеобразный декоративный и отделочный материал; даже при малом количестве прочих украшений она придавала помещению нарядный вид. Применялись разные способы размещения

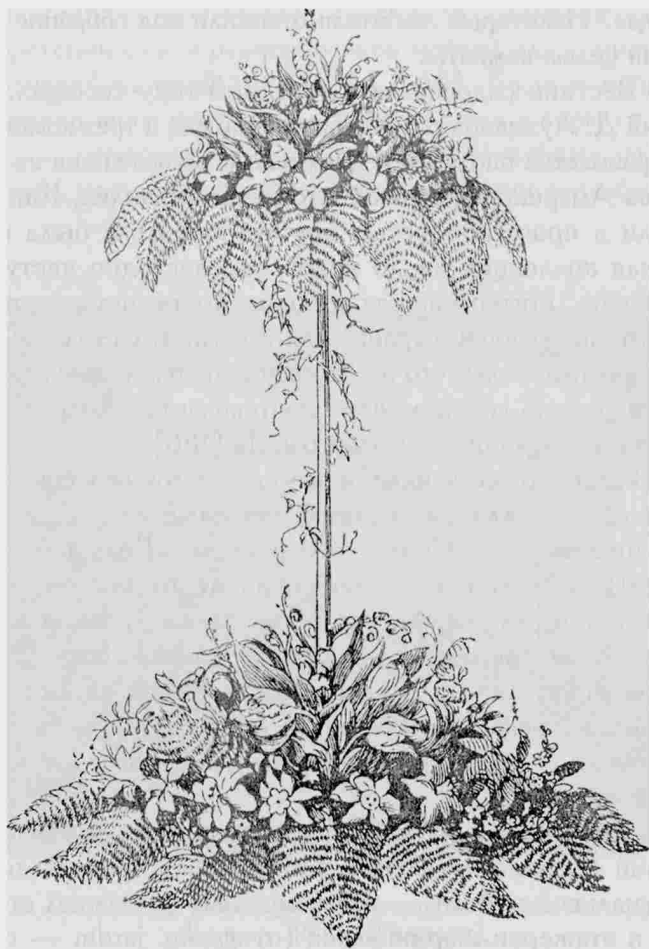

Интерьер бассейна украшен пышной тропической растительностью.

Устройство для крупной напольной композиции с использованием
ампельных (висячих) растений. Гравюра. 1870-е гг.

Цветочные украшения для парадных обеденных столов.

Гравюра. 1870-е гг.

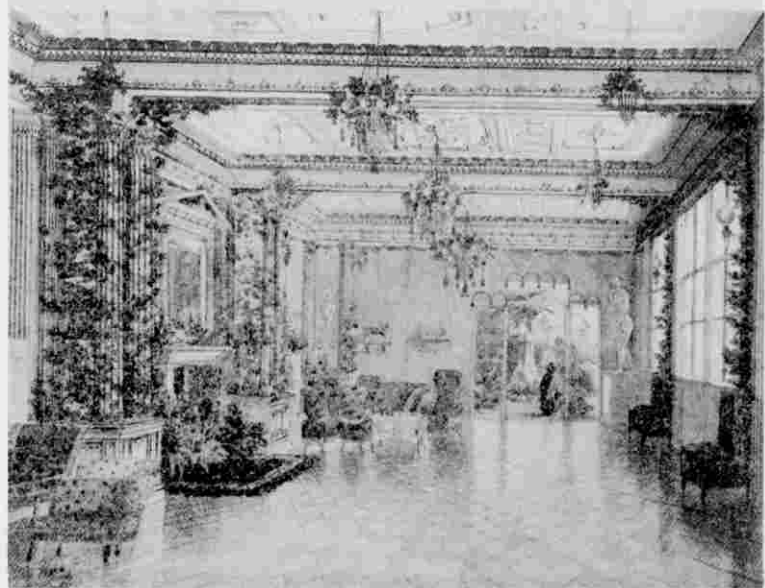
ранда». Некоторые любители отводили под собрание растений целые комнаты.

«Вестник садоводства...» в 1860 году сообщал, что некий Д. Лухманов создал настоящий сад в трех комнатах, где разместил около 50 редких пальм, много видов из тропиков Америки и Африки, из Новой Зеландии, Капской земли и проч. Гордостью другого любителя была комнатная коллекция из 30 видов «превосходно цветущих орхидей». Интересна такая подробность: петербургские любители орхидей выращивали в комнатах столь редкие и капризные виды, что их успешное цветение приходилось подтверждать специальными протоколами, чтобы не слышать восклицаний «не может быть!» [186].

В дни торжественных приемов и балов особенно роскошно украшали растениями парадные лестницы. Вот что пишет В. А. Соллогуб в повести «Большой свет» (1840): «Лестница, устланная пестрым ковром, была с низа до верха покрыта душистым лесом растений и цветов — целое лето среди трескучих морозов. На ступеньках чинно стояли по два в ряд разряженные лакеи в бархатных ливреях, с княжескими гербами». (Здесь то ли растения — такое же непременно украшение, как лакеи, то ли наоборот...)

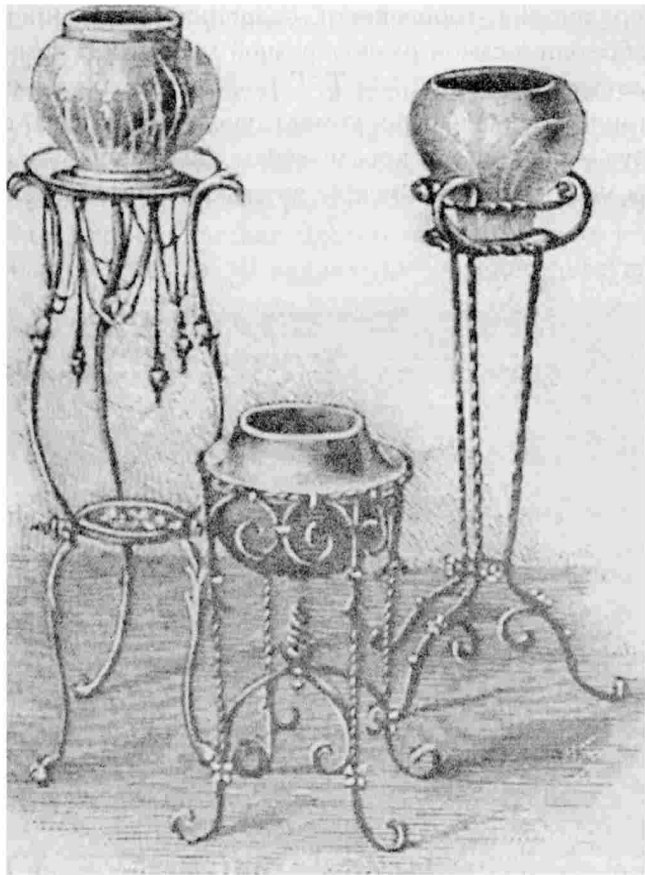
Мода на обильное украшение растениями жилых помещений вызвала появление в интерьерах богатых домов специальной мебели — всевозможных цветочных столиков и этажерок-жардиньерок (от *франц.* *jardin* — сад), в том числе и для аквариумов с водными растениями. По словам одного из авторов «Вестника садоводства...»,

«корзинщики, горшечники, садовники... соперничают в изобретении самой разнообразной мебели для комнатной культуры (растений. — Т. Г.)» [156]. Была и мебель, органично включавшая комнатную зелень в свою структуру, — например, кресло «сиамские близнецы» на две персоны, на котором между двумя сидящими вполоборота

И. А. Гох. Салон в доме барона Штиглица на Каменном острове. Акварель. 1850. (Фрагмент)

Слева — напольная композиция из крупных растений, закрывающая устье камина. В глубине виден вход в зимний сад.

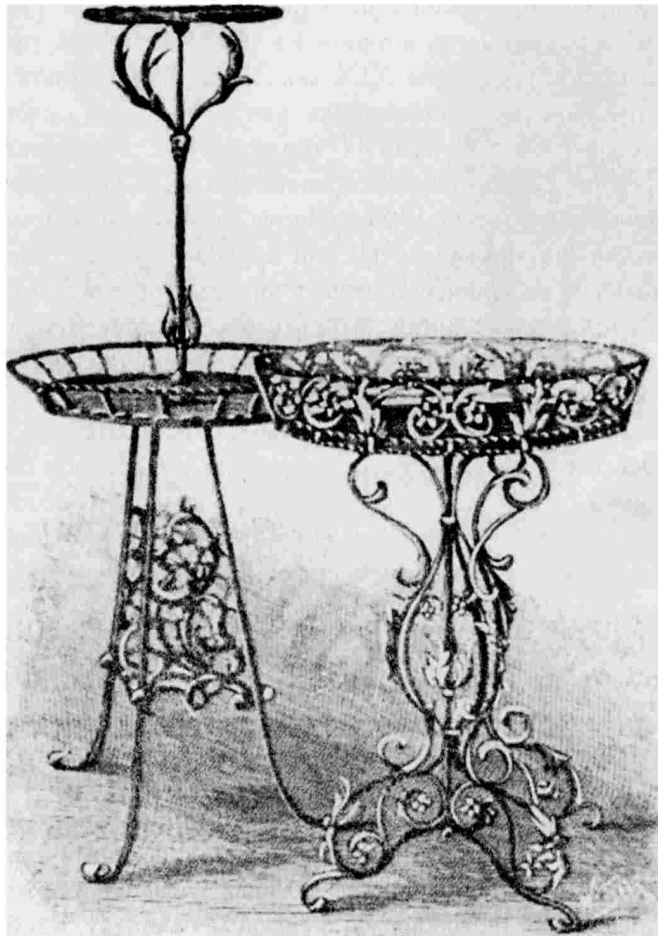

Подставки для вазонов. Гравюра. 1880-е гг.

друг к другу помещались цветущие куст или дерево (такое кресло можно увидеть в одном из залов Эрмитажа, представляющих интерьеры XIX века). Или такой диковинный предмет мебелировки, как «патэ» из трех сидений с боковыми «таблетками» (столиками) и цветочниками посередине. Или предметы, рассчитанные на «эффект осенения»: круговой диван вокруг невысокой колонны, с которой ниспадали ветви или крупные листья; диван, за которым возвышались осеняющие сидящих ветви растений; кресло, в спинку которого были вставлены вазоны для крупных растений. Появилась и специальная керамика: различные декоративные вазы, кашпо, подставки и прочее.

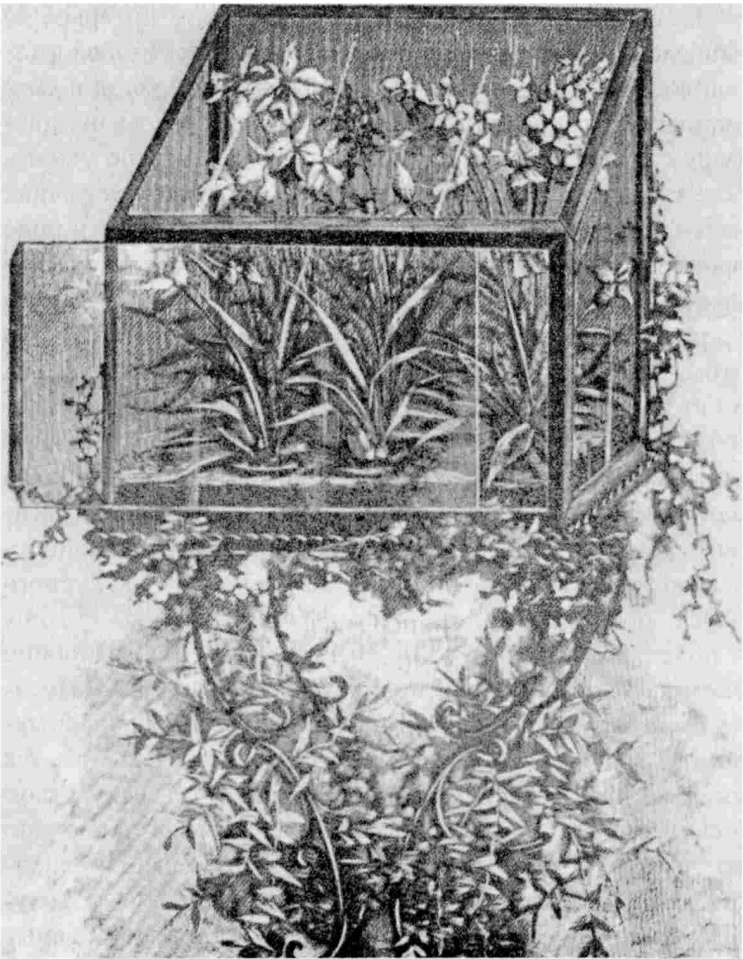
Особенно популярны в украшении интерьеров были вьющиеся растения — лианы, а среди них наиболее любим был плющ. Им бывали сплошь увиты стены и колонны, а также специально для него предназначенные трельяжи, ширмы, решетки. С их помощью можно было отгородить часть комнаты, создать уютный интимный уголок или даже беседку.

Стоит отметить, что, разместив комнатную зелень на всех этих устройствах, обычно весьма удаленных от окон (да еще при тяжелых оконных драпировках), владелец апартаментов должен был время от времени заменять страдающие от недостатка света растения свежими экземплярами, так что содержание зеленых украшений обходилось недешево, не говоря уж о самой мебели. Ну, а в бедных домах комнатные растения приносили к оконным стеклам, довольствуясь лишь подоконниками.

Столики-жардиньерки. Гравюра. 1880-е гг.

Судя по изображениям петербургских интерьеров, наиболее охотно и пышно они украшались комнатной флорой во второй половине — конце XIX века, когда в смешанных стилях круга эклектики множество лиан, цветущих кустарников и других растений прекрасно уживалось с обилием других украшений. Однако последовавший затем модерн перевел растительный мир — уже в виде орнаментов и росписей — на стены, потолки, декоративные вазы и прочее, за что и заслужил репутацию самого «ботанического» стиля. Изобилие живых растений при этом оказалось излишним, и они стали использоваться в интерьерах весьма лаконично. На фотографиях того времени, запечатлевших внутреннее убранство особняков в стиле модерн, можно видеть в комнатах и вестибюлях одну-две композиции из папоротников и ампельных (висячих) растений — и не более. Пышная растительность в комнатах стала восприниматься как признак дурного вкуса, российского купеческого размаха. Г. В. Иванов в повести «Третий Рим» (1929—1931) не без иронии упоминает об особняке, принадлежащем некоему Ванечке Савельеву, «недавно получившему после папеньки-мукомола многомиллионное наследство и переселившемуся из постылой Самары в столицу для занятий искусством и светской жизнью». Поскольку Ванечка вычитал в одном из «руководств хорошего тона», что «изысканное жилище должно быть освещено и полно цветов», его голубые, розовые, зеленые, китайские и прочие гостинные «убраны были со всевозможной затейливостью и... сверх меры уставлены цветами»; даже швейцарская наполнена

Комнатная тепличка для влаголюбивых растений. Гравюра. 1880-е гг.

цветущими олеандрами «посреди развешанных и разложенных шуб».

А теперь перенесемся в нынешнее время и зададимся вопросом: как в целом изменилось интерьерное озеленение по сравнению с прошлыми веками? Оказывается, наши «зеленые соседи» — неплохие индикаторы социальных перемен в обществе. Современный состав комнатной флоры совсем не тот, что прежде: на нем сказалось изменение имущественного положения, и прежде всего — жилищных условий петербуржцев. Вышли из употребления такие предметы роскоши, как дорогостоящие и трудоемкие при выращивании кадочные деревья и кустарники, некоторые выгоночные культуры, требующие для зимнего цвете-

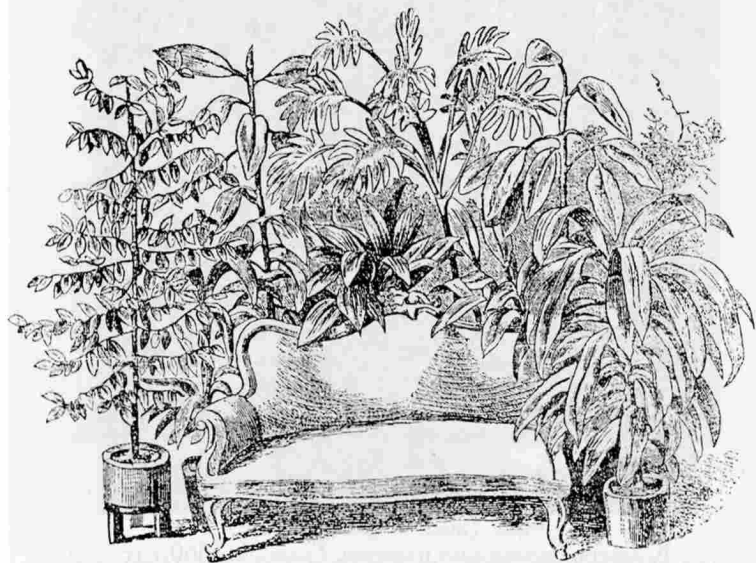

Декоративный керамический цветочный вазон. 1870-е гг.

Кашпо для крупного вазона с пальмой. 1870-е гг.

ния специальной обработки. Исчезли крупные, развесистые растения — ибо кто же теперь отважится отвести полкомнаты под пальмы и драцены! Зато появились и стали любимы многие малорослые и компактные (и, кстати, сравнительно дешевые) обитатели подоконников, вовсе не знакомые старинным руководствам по комнатному озеленению. Это сенполия (узамбарская фиалка), некоторые кактусы и толстянки, много почти не занимающих места ампельных видов. Однако и поныне сохраняется с прошлых времен стойкая группа постоянных любимцев: все та

Диван среди «райских кущей». 1860-е гг.

Комната, украшенная плющом. Гравюра. 1860-е гг.
Среди домашних растений особенно любим был плющ,
придававший нарядный вид даже скромным помещениям.

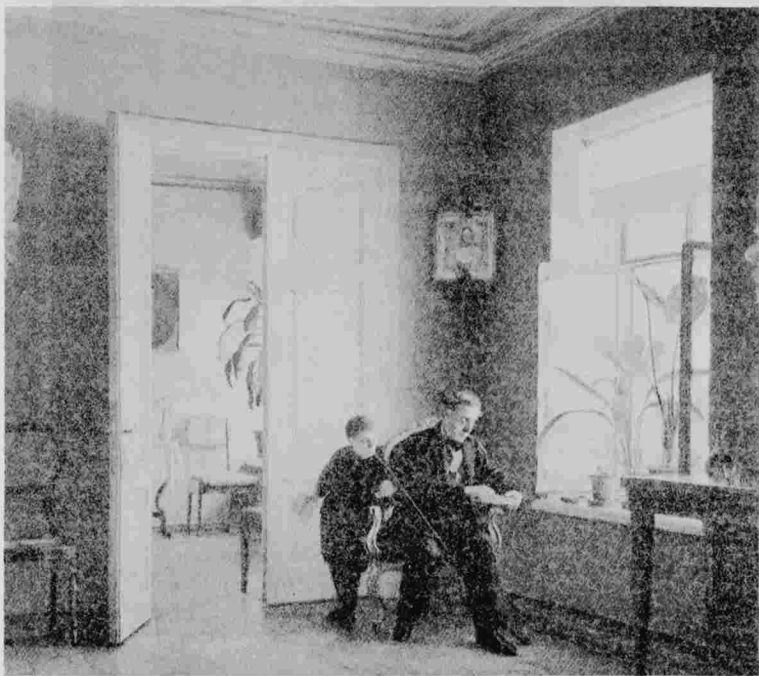

И. Т. Хруцкий. В комнате (Мальчики, рассматривающие альбом с картинками). 1854

В жилищах небогатых петербуржцев озеленение ограничивалось небольшой горкой с самыми неприхотливыми растениями.

же герань (точнее, пеларгония), фуксия, бегония, колокольчик и другие.

Напомним, что комнатные растения размножаются в основном вегетативным путем: любители обычно друг от друга получают — и даже воруют (есть такая примета:

А. А. Бобров. В комнатах. 1869

Иногда довольствовались всего двумя-тремя горшочками с растениями на подоконнике.

украденное лучше растет) — черенки, отводки и листья приглянувшихся видов. А поскольку вегетативное размножение (в отличие от семенного) — это, по существу, продление жизни одного и того же организма с неизменным генотипом, то наши современные герани и бегонии — прямые клоновые потомки тех, что жили когда-то за «кисейными занавесками». Биологический возраст многих современных комнатных растений — конечно, из тех клонов, которым посчастливилось пережить блокаду, — очевидно, насчитывает не одну сотню лет! Немногие жители города могут похвастаться столь древней «петербургской» родословной и тем более возрастом.

В целом, ассортимент комнатной флоры стал в наши дни несравненно беднее. Правда, и сейчас его пытаются пополнить — но уже не майн-ридовские «охотники за растениями», а солидные ботанические сады, в том числе и наши — академический и университетский, где многие растения из дальних стран исследуются с прицелом их введения в комнатную культуру.

На смену старинным способам содержания растений в комнатах («купил или взял в аренду — подержал — выбросил или сдал обратно») пришли более современные и недорогие. На границе между ботаникой и архитектурой сформировалось понятие «фитодизайн». Так называют научно обоснованное использование растений в интерьере, учитывающее не только их особенности как декоративного материала, но и их биологические свойства, взаимную совместимость, способность приспособиться к условиям закрытых помещений, а также их влияние на среду обита-

ния, здоровье и настроение человека. И все же до старопетербургского комнатного озеленения нам далеко...

В самое последнее время у живого комнатного озеленения в нашем городе появился неожиданный соперник — цветочные магазины заполнили импортные искусственные растения для интерьеров. Они проникли не только в офисы, банки и прочие учреждения (приходилось видеть их в школах и детских садах), но и в жилые наши комнаты, несмотря на высокие цены (что подделаешь — престижно!). Некоторые из них весьма искусно имитируют настоящие растения, вплоть до повреждений на листьях. И тем не менее все эти подделки прежде всего наводят на размышления о сомнительном вкусе их хозяев. Да, эти растения не требуют ухода и тем удобны; но разве могут они заменить прелесть живого зеленого листа, растущего побега, распускающегося бутона? Думается, эта мода скоро пройдет (или выродится в какие-нибудь абстрактные композиции), тогда как привязанность горожан к живым посланцам природы в своих жилищах останется столь же неизменной, как вечна сама природа.

Зимние сады Петербурга

Совершенно особой и наиболее пышной формой интерьерного озеленения в старом Петербурге были зимние сады во дворцах, особняках и некоторых общественных зданиях. О них стоит рассказать особо.

Не довольствуясь отдельными растительными украшениями жилых помещений, архитекторы стремились создать в четырех стенах своеобразные островки живой природы с прекрасной экзотической растительностью и особым микроклиматом. И пусть эта растительность, составленная из чуждых друг другу видов — зачастую выходцев с разных континентов, — была вовсе не похожа на естественную (разве что отдаленно напоминала некие условные «тропические заросли»); пусть микроклимат был иногда, с точки зрения людей, слишком «оранжерейным», с избытком тепла и влаги, — все равно зимние сады под тусклым петербургским небом воспринимались как одно из высших проявлений комфорта, красоты и роскоши в быту.

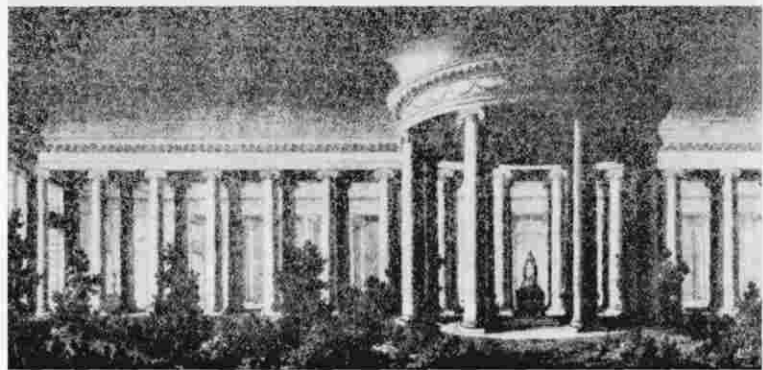
Первые зимние сады в столице стали заводить вельможи екатерининского времени. Правда, у них были свои предшественники в Западной Европе, и притом весьма почтенного возраста. Сохранились сведения о первой попытке создать зимний сад, сделанной прославленным средневековым ученым-схоластом Альбертом Великим. Зимой 1240 года он принимал в Кёльне голландского короля Вильгельма и угощал его в небольшом зале, полном цветущих кустарников. Вид растений, покрытых цветами в зимнее время, настолько поразил короля и его приближенных, что они заподозрили ученого в колдовстве и сношениях с нечистой силой [65]. Действовать наперекор природе было в те времена небезопасно...

Но в XVIII веке устройство зимних садов уже не грозило подобными неприятностями. Роскошный зимний сад площадью 500 квадратных саженей (более 2200 квадратных метров) был создан в 1791 году в Таврическом дворце. Архитектору И. Е. Старову пришлось преодолеть немалые трудности, чтобы перекрыть столь обширную площадь. В центре зала он установил ротонду с восемью колоннами, поддерживающую потолок, а также колонны и вдоль стен.

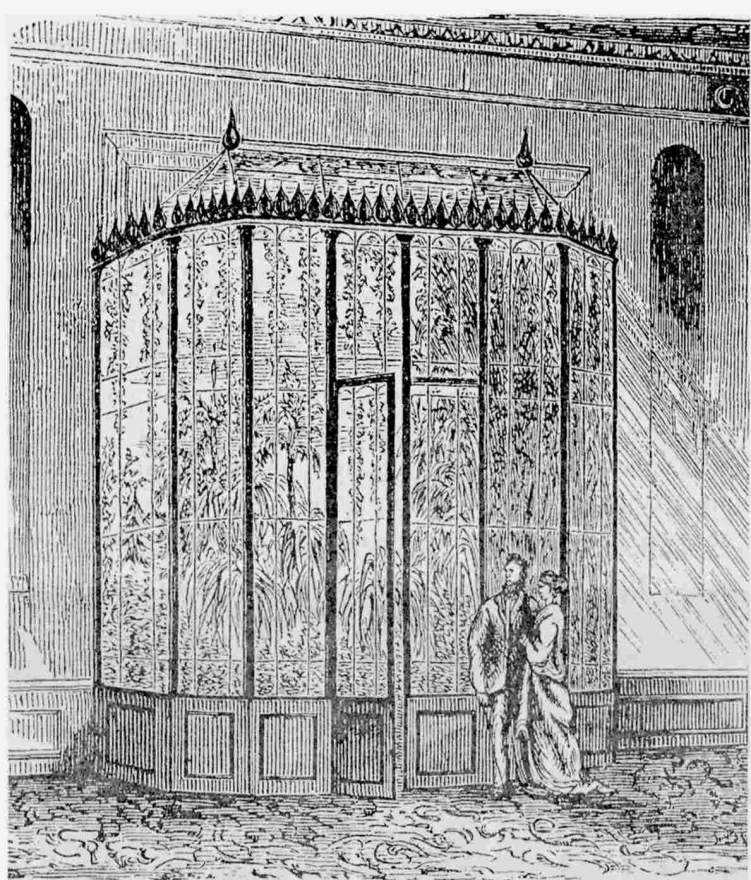
Сад был предназначен для пышного празднества, которое князь Г. А. Потемкин (тогдашний владелец дворца) устроил для Екатерины II в честь взятия Измаила. Описание этого чуда принадлежит перу Г. Р. Державина, который присутствовал на празднике. Вот его впечатления: «С первого взгляда усомнишься и помыслишь, что сие есть действие очарования или, по крайней мере, живописи

и оптики; но, приступив ближе, увидишь живые лавры, мирты и другие благорастворенных климатов дерева, другие плодами обремененные. Под мирною тению их инде бархат стелется дерн зеленый, там цветы пестреют, здесь излучистые песчаные дороги пролегают. Везде царствует весна, и искусство спорит с прелестями природы. Плавает дух в удовольствии» [48].

А вот еще цветистые детали из других описаний этого сада: «целье лесочки, а по окружавшим их решеткам вились душистые розы и жасмин»; «аллеи, обсаженные чужестранными деревьями, сросшимися между собой так густо, что и днем было довольно темно». К «натуре» были добавлены и затей: всюду цветные лампы, «изображавшие яблоки, груши и виноградные гроздья», из них же сделаны дыни, арбузы, ананасы. Деревья были, кроме

*Ф. Данилов. Зимний сад в Таврическом дворце.
Акварель. 1790-е гг.*

Зеленый кабинет. Гравюра. 1870-е гг.

Часть комнаты, отгороженная застекленными перегородками, примыкавшая к широкому окну и наполненная декоративными растениями, — это уже был миниатюрный зимний сад.

натуральных плодов, увешаны искусственными, изготовленными из драгоценностей [185].

Этот зимний сад, первый в Петербурге и по времени возникновения, и по размаху роскоши, просуществовал в Таврическом дворце более ста лет. Из подробного описания истории создания сада и всех превратностей его судьбы мы узнаем, что постепенно он терял былое величие, пока не был в 1905 году перестроен в зал заседаний для Государственной думы [25].

В XIX веке зимние сады у состоятельных петербуржцев стали модой (тем более, что появились новые технические возможности для сплошного остекления стен и перекрытий). Одно из руководств по внутренней отделке квартир и особняков советовало иметь в доме, наряду с «танцевальной залой в греческом вкусе, гостиной в новофранцузском, столовой в византийском», непременно также и «роскошный садовый зал в помпейском стиле» [98].

В провинции старались не отстать от столицы, хотя «садовые залы» устраивали в более скромных формах. В. А. Соллогуб в повести «Сережа» пишет о размышлениях и хлопотах помещика, собирающегося жениться: «Для молодой жены нужны все утонченности роскоши: нужны диванная, чайная, а в особенности боскетная*... Вскоре появилась и боскетная с ужасными растениями...»

* Боскеты — густые группы деревьев или кустов, выстриженные шпалерой. В парках регулярного стиля применялись для создания аллей, «зеленых кабинетов», лабиринтов. В применении к комнатной зелени звучит несколько иронически.

(Оставим этот эпитет на совести хозяина, наверняка сожалевшего об истраченных средствах.)

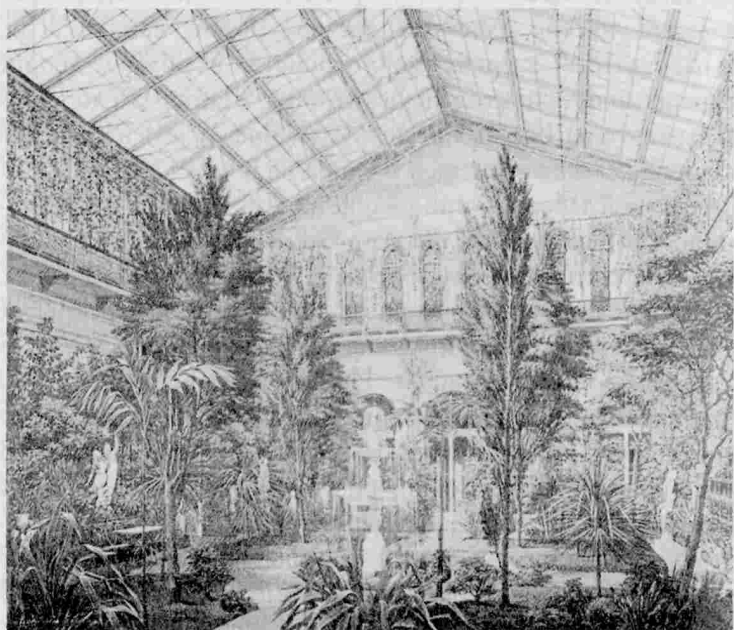
В распространении среди состоятельных петербуржцев моды на устройство зимних садов явно не обошлось без западных ветров, в том числе — из столицы мод. В эпоху Второй Империи — время безудержного обогащения пришедшей к власти крупной буржуазии — в Париже один за другим появлялись роскошные особняки нуворишей с зимними садами. Один из таких садов описывает Э. Золя на нескольких страницах романа «Добыча» (1871). В этом саду, «где кипели пламенные соки тропиков», вокруг бассейна с «розовыми звездами кувшинок», с фонтаном, опоясанным высокими зелеными султанами циклантусов, — аллеи с грациозными пальмами и высокими индийскими бамбуками, колючими свечами абиссинских молочаев; в углах — «зеленые гроты, скрытые завесами лиан», «уголки девственного леса, воздвигавшие целые стены листвы, непроницаемую чащу стеблей»; причудливые цветы орхидей в висячих корзинах; «длинные горизонтальные листья бананов, где свободно могли улечься двое влюбленных», и т. п. По сравнению с этим буйством зелени зимние сады Петербурга, судя по дошедшим до нас описаниям и перечням растений, выглядели гораздо скромнее — и дело тут, наверное, совсем не в том, что столичная аристократия располагала меньшими средствами, чем парижские нувориши, а, без сомнения, в более строгом, петербургском вкусе.

Тем не менее и в зимних садах северной столицы росло немало редких видов, происходивших из субтропиков и тропиков. Не исключено, что именно благодаря этому

в конце XIX века и позже во флору русской поэзии стали проникать неведомые ей раньше экзоты. Вот несколько примеров: у А. А. Фета «герой» одного из стихотворений — «рододендрон, пышный цвет оранжереи» (1856); у В. Я. Брюсова встречаем «лопасти латаний на эмалевой стене» (1895; латания — один из родов семейства пальмовых); у К. Д. Бальмонта — «гроздь жадных орхидей» со стеблями «точно змеи» (1905).

В проектировании и устройстве зимних садов принимали участие известные петербургские зодчие. Так, в 1827—1830-х годах при устройстве в Зимнем дворце личных апартаментов императрицы Марии Федоровны (архитекторы К. И. Росси и О. Монферран) небольшой зимний сад был размещен в одной из комнат анфилады — Цветочной. Позже, при реконструкции дворца после пожара 1837 года В. П. Стасов создал зимний сад площадью 110 квадратных метров над Посольским подъездом, применив такие технические новшества, как перекрытие стеклянным потолком и замена крупных растений в кадках с помощью домкратов. А. И. Штакеншнейдер при постройке Мариинского дворца в 1843—1845 годах создал двухэтажный зимний сад, который стал одной из главных достопримечательностей дворца. В просторном помещении нижнего этажа росли пальмы, саговники и другие тропические растения, а в центре бил фонтан восьмиметровой высоты, брызги которого орошали мраморный мозаичный пол. Был и еще один, устроенный по типу бахчисарайского «фонтана слез»: вода в нем переливалась тонкой струйкой, падая из одной раковины в другую. На галерее второго

этажа было множество кустарников и цветов, 30 широких мраморных вазонов с цветами украшали лестницу. Сад был залит светом, льющим из 24 окон и застекленного просвета в потолке. Зимнее тепло обеспечивалось паровым отоплением. Современники называли сад «настоящим миражом весны среди январских морозов» [14; 116]. В 1850-х годах Штакеншнейдер при перестройке Малого Эрмитажа расположил рядом с Павильонным залом двух-

Э. П. Гау. Зимний сад в Малом Эрмитаже. Акварель. 1865

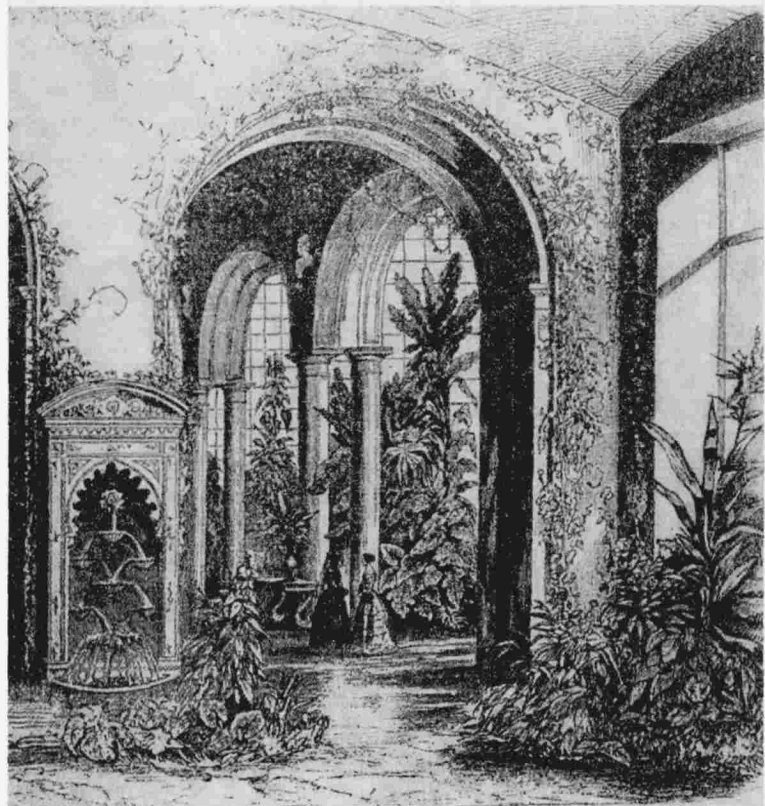
этажный зимний сад с фонтаном и балконами, как и в Мариинском дворце.

Ни один из этих садов не сохранился, остались лишь их изображения. Когда Мариинский дворец приспособляли для заседаний Государственного совета, зимним садом пришлось пожертвовать, и на его месте в 1906—1907 годах по проекту Л. Н. Бенуа был устроен большой зал заседаний. Так что ныне депутаты Санкт-Петербургского городского законодательного собрания заседают там, где раньше был уголок экзотического леса с фонтаном.

Прекрасный зимний сад устроил Штакеншнейдер и в своем особняке на Миллионной улице, выходящем также на Мойку. Расположение сада было необычным: сразу же из парадного подъезда вошедший попадал в царство зелени, а затем уже в анфиладу комнат. Как вспоминала дочь архитектора Елена, «эффект был совсем очаровательный. Зимний сад был освещен... все листья играли золотом и, тихо колеблясь под падающими на них светлыми каплями, роняли их на удивленных гостей, недоумевающих, откуда сей дождь» [188].

Упоминания о зимних садах (или их уголках) попадают в беллетристику прошлого века, так же как их «портреты» — в изображениях петербургских интерьеров. Пышный зимний сад со стеклянной крышей виден на акварельном «Семейном портрете» Э. Гау (1853), изображающем молодую мать с детьми в богатом интерьере; сад со множеством цветущих растений в особняке Юсуповых — на акварелях К. Кольмана (1831) и А. А. Редковского (1867).

На рубеже веков зимние сады стали непременным атрибутом богатых столичных особняков. Так, в особняке фабриканта Ф. К. Сан-Галли, построенном в 1889—

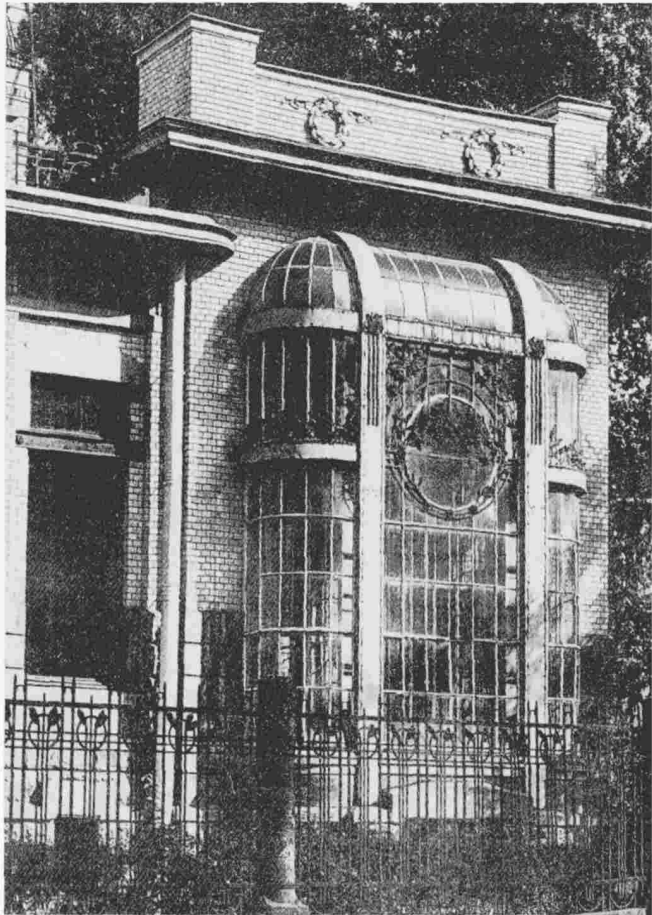

Зимний сад в Мариинском дворце. Гравюра. 1845

1890 годах (Лиговский пр., 62), анфилада комнат заканчивалась зимним садом, что, по отзывам тогдашней прессы, производило «чарующее впечатление». Один из наиболее известных примеров — сад в особняке известной балерины Матильды Кшесинской, в котором ныне помещается Музей политической истории России (ул. Куйбышева, 4). На фасаде здания для зимнего сада был специально спроектирован большой застекленный эркер. Сохранились воспоминания одного из деятелей революции, занявших особняк в 1917 году, об украшавших сад громадных пальмах и деревянных трельяжных конструкциях, увитых зеленью.

Зимние сады были не только в частных домах, но и в общественных зданиях — например, в известном Русском купеческом клубе (ныне Театр им. Ленсовета на Владимирском пр., 12). Писатель Б. К. Зайцев в повести «Петербургская дама» (1915) упоминает о таком саде на крыше известной петербургской гостиницы (вероятно, «Европейской»): «Павел Иванович прошел в зимний сад. Тут устроили подобие оранжереи, с покатою стеклянною крышею, с цветами... Предполагалось, что здесь всегда лето».

В Петербурге мог бы быть еще один зимний сад. В начале 1850-х годов на участке между Фонтанкой и проездом к главным воротам Инженерного замка предполагалось построить здание, включавшее различные помещения увеселительного характера (клуб, ресторан, кафе); бо́льшая часть здания отводилась под огромный удлиненный зал с зимним садом. Проект сада был выполнен в 1851—1852 годах архитектором Н. Л. Бенуа с примене-

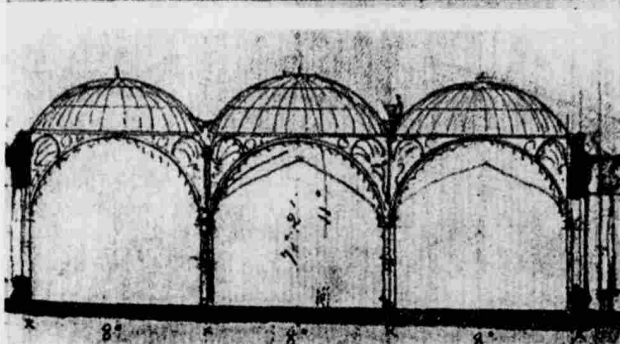
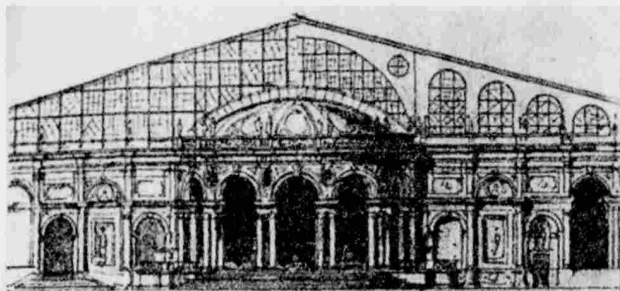

Особняк балерины М. Ф. Кшесинской (ул. Куйбышева, 4).
Эркер с зимним садом (со стороны Кронверкского пр.).
Архитектор А. И. фон Гоген. 1904—1906

М. Ф. Кшесинская в своем зимнем саду.
Фото начала XX в.

нием тогдашней новинки — «железно-стеклянной текстуры» (металлических конструкций для остекления куполов). Внутреннее «наполнение» сада должны составлять пальмы и другие тропические растения, в числе лианы, вьющиеся по стенам. Этот проект Бенуа был реализован, как и проект всей застройки [11].

Проект зимнего сада перед Инженерным замком (не реализован)
Фрагмент интерьера и конструктивная схема.
Архитектор Н. Л. Бенуа. 1851—1852

В послереволюционные годы зимние сады частично ушли в небытие, частично перекочевали в интерьеры общественных зданий — кинотеатров, домов культуры, санаториев — правда, в основном в виде скромных «зеленых уголков» и «зеленых гостиных». Хотя случалось и по-другому. Одной из первых раскрытых «кремлевских тайн» было опубликованное в 1963 году в журнале «Цветоводство» описание зимнего сада в Кремле. Он был создан в 1959 году и занимал площадь 320 квадратных метров. Его постоянными обитателями были крупные тропические и субтропические растения — пальмы, монстеры, лавр камфарный, магнолии, пестролистный антуриум и другие, а рядом с ними всегда присутствовали различные цветущие виды из специального сменного фонда. Были там и дорожки, и уютные уголки отдыха, и бассейн [182].

Но это уже не Петербург...

А в Петербурге несколько осколков этой необычной реалии старого быта уцелели и до наших дней: зимний сад в бывшем дворце великого князя Владимира Александровича на Дворцовой набережной, 26 (ныне Дом ученых), остатки зимних садов в бывшем особняке Кшесинской, в Аничковом дворце, в бывшем доме купца Форостовского (Васильевский остров, 4-я линия, 9), в бывшем особняке Половцова на Каменном острове. Правда, в этих реликтовых уголках комнатная зелень ныне сильно изменила свой облик — нет ни высоких пальм, ни цветущих экзотических видов, древесные и кустарниковые кущи «тропического» облика уступили место лаконичным напольным

композициям из более или менее обычных комнатных растений, только крупных размеров.

В середине XX века в нашем городе создавались и новые зимние сады. Об одном из лучших садов, созданных в 1960-е годы при Дворце культуры им. Ленсовета, писали, что он «по своей идее чуть-чуть (на грани воспоминания) перекликается с зимним садом Таврического дворца» [25].

В наши дни также славится Зимний сад при Дворце молодежи на Петроградской стороне.

Что касается частных зимних садов в жилищах петербуржцев, то в последние годы как будто стали появляться признаки возрождения интереса к ним. В газетных рекламных объявлениях иногда мелькают предложения о строительстве и продаже «элитных» квартир с зимними садами, и даже где-то есть фирма «Зимний сад». Что ж, ничего удивительного: с возобновлением имущественного расслоения общества возобновляются и прежние социальные различия в озеленении жилищ.

Возродится ли когда-нибудь в Петербурге искусство создания зимних садов — таких, какими они были в прошлые века, — покажет время.

Заключение

Из трех веков существования Петербурга наши очерки охватили два с небольшими века. За это время не только сам город, но и городская природа претерпели много изменений. Как будто несколько разных городов сменяли друг друга на одном и том же месте. Вначале — скромное по размерам поселение на «мшистых, топких» берегах Невы и ее протоков; леса и болота не только окружают его, но еще не вышли полностью за его пределы. Затем — небольшой город, благоустроенный в центре, а по окраинам утопающий в садах, больших и малых; он уже потеснил окрестные болота и заменил их огородами. И наконец — разросшийся столичный город (будущий мегаполис) с «каменными джунглями» и острым дефицитом зелени на основной территории.

Увидеть эту двухвековую динамику петербургского зеленого мира не составляет труда. Но, как уже говорилось в самом начале книги, растительный мир города имеет двойственный характер: с одной стороны, это природное явление (составная часть города как сложной экосистемы), а с другой — элемент городской культуры и городского быта, поскольку он создается при участии челове-

ка — намеренном и (или) невольном. Попробуем оценить его судьбу и место в жизни города по этим двум линиям.

Какие изменения произошли в растительном мире Петербурга «с точки зрения» природы (то есть по сравнению с допетербургской растительностью)? Если бы была возможность, используя некие фантастические весы, взвешивать всю городскую растительность, то в первую очередь мы, несомненно, отметили бы уменьшение ее общей массы на территории города. Вспомним первоначальное сведение лесов и все последующие приемы «войны» с природой при закладке и строительстве города, в результате которых появились и заняли большие площади места, полностью (или почти полностью) лишенные растительности. Правда, возникли и отдельные участки более густой массивной зелени — парки, сады, скверы; но они лишь в небольшой мере восполнили потери «растаявшего» первоначального растительного покрова.

Существенные изменения претерпел и состав городских растений. Точных подсчетов числа видов растений на территории Петербурга в разные века нет, однако общий характер изменения флоры (включая и флору культурную) дает основания говорить о том, что она со временем стала богаче и разнообразнее. Хотя часть первоначально обитавших здесь видов исчезла, зато появилось множество самых разных «пришельцев» — от обычных спутников человеческих поселений до завезенных издалека чужеземных экзотов. В отличие от предыдущих времен, когда одни и те же виды веками росли в одних и тех же лесах и болотах, видовой состав растений стал весьма

динамичным. Растения уходили и приходили, осваивали новые, уже типично городские местообитания (вспомним пустыри и гранитные стены), изгонялись из центра на окраины и возвращались.

Важно отметить, что некоторые из видов, не встречавшихся ранее в данной местности (или встречавшихся изредка) не просто «проникли в список», но и по массе заняли почетное место в зеленом мире города. Пример первых — декоративные цветочные культуры и некоторые сорняки, пример вторых — широколиственные древесные породы (липа, клен, дуб, вяз и другие), ныне составляющие основу петербургских парков и уличных насаждений. (Кстати, если судить по преобладанию этих видов в растительном мире города, Петербург в настоящее время как бы сместился из подзоны южной тайги в зону лиственных лесов, то есть на несколько сотен километров южнее.)

По сравнению с допетербургской природой в городе появились новые формы растительного покрова, новые растительные сообщества с не совсем обычным сочетанием растений. Например, в городских парковых и уличных посадках мы заставляем расти вместе деревья, привыкшие к лесным условиям, и светолюбивые луговые травы (на газонах), которые плохо выносят близкое соседство с деревьями из-за затенения, погребения под опадающими листьями и т. д. Ясно, что такие искусственные сочетания растений с разными «характерами» неустойчивы и требуют постоянного ухода для их поддержания.

Здесь мы подходим к еще одному существенному отличию, которое приобрел городской зеленый мир. Впро-

чем, если говорить точнее, это не приобретение, а потеря — а именно, потеря «самостоятельности», способности видов растений и растительных сообществ к устойчивому существованию без помощи человека. В самом деле, далеко не все растения в городе — и прежде всего древесные породы и кустарники — могли бы самостоятельно возобновляться, то есть давать жизнь следующим поколениям. То семена падают на асфальт и не могут прорасти, то всходы появляются в неподходящих условиях и быстро гибнут или попадают под метлу дворника и щетки уборочных машин. Приходится выращивать саженцы в питомниках, чтобы обеспечить смену дряхлеющим деревьям или создать новые посадки.

Поддержание постоянного видового состава растительных сообществ, которое в природе в результате различных хорошо сбалансированных процессов происходит само собой, в городе тоже переходит в руки человека. Ему приходится регулировать взаимоотношения между видами и устранять нежелательных конкурентов. (Нетрудно представить себе, во что превратились бы городские цветники и газоны, если бы дать волю сорнякам и другим малопривлекательным и агрессивным видам.)

Можно привести еще много примеров того, что само существование городской растительности (не говоря уж о пышном ее развитии) непременно предполагает участие человека — ну, хотя бы создание необходимых для нее экологических условий (почвенных и других). Уместен вопрос: а что будет, если это участие исключить? Один из петербургских примеров мы уже видели — возвращение

дикой флоры в город в годы социальных бедствий. В литературе есть и примеры (к счастью, весьма редкие) того, что делается с растительностью городов, по каким-либо причинам оставленных населением: вначале наступают сорные травы, затем кустарниковые заросли, и лет через 50—60 восстанавливается первоначальная лесная растительность (в лесной зоне). Так что будем заботиться о том, что посадили...

А теперь попробуем посмотреть на двухвековые изменения петербургского зеленого мира с другой стороны — с точки зрения его роли в жизни горожан и города. Если во времена основания города это — враждебная стихия, которую пришлось преодолевать с большими трудами и муками (чего только стоило осушение болот!), то в дальнейшем растительный мир приобретает для горожан иное значение. Жители города создают его новые, рукотворные формы, которые удовлетворяют разнообразные потребности горожан. Городскую растительность начинают ценить с точки зрения красоты, городского комфорта, возможности физического и душевного отдыха от натиска урбанизации (сады, парки, уличное и интерьерное озеленение); но также и по причинам более материальным — как источник пищи и заработка (сады с торговым уклоном, огороды). Таким образом, городская растительность становится все меньше природным явлением и все больше — составной частью материальной культуры города и быта горожан. (И это не только в Петербурге.)

Примечательно постепенное изменение отношения горожан к природе в городе. В эпоху городских усадеб и

многочисленных придомовых садов повседневные контакты с зеленым миром были делом обыкновенным, само собой разумеющимся и не вызывали особых эмоций (а если возникала потребность в общении с нетронутой природой, то и до нее было рукой подать). Но по мере натиска урбанизации и «бегства» растений из города все более привлекательными становились даже небольшие участки городской зелени, «как клочки лазури в тюрьме», а загородные дачные садики притягивали все больше желающих отдохнуть от города. Клочки зеленого мира стали необходимы горожанам, утратившим связь с природой, не только для физического, но и для душевного комфорта (как теперь говорят — для психофизиологической разгрузки).

Отрадно отметить, что в наши дни у основной массы петербуржцев сложилось достаточно бережное и уважительное отношение к своим зеленым соседям. Вспомним, сколько звонков и писем обрушивается в редакции газет и на радио, если где-нибудь без основания (по мнению горожан) рубят городские деревья... И вот совсем недавний пример: ведь так и не дали уничтожить аллею старых лип на Большой Конюшенной улице, где собирались было убрать их, чтобы расширить проезжую часть.

Но — увы! — есть и другие настроения (и, к сожалению, действия) — настоящий вандализм по отношению к городской растительности, который проявляется то в предновогодней порубке декоративных елей, то в опустошении цветочных клумб, то в устройстве на отдых личного автотранспорта на газонах и т. п. Приходится ставить вопрос об охране городской растительности и принимать необхо-

димые меры — хотя, казалось бы, уж в городе-то растения должны быть надежно защищены.

Конечно же, главная мера охраны — это то почетное место, которое растения — наши сообитатели, украшающие город и облагораживающие городскую среду, должны занимать в душе каждого горожанина, в его системе ценностей. Именно оно может надежнее всего обеспечить нашим зеленым соседям понимание, любовь и защиту. Автор надеется, что в результате знакомства с этой книгой читатель не только получит интересную историческую информацию, но и более внимательно и бережно будет относиться к городским растениям.

Список литературы

1. Александров В. Практическое огородничество. М., 1903.
2. Алянский Ю. Рассказы о Русском музее. Л., 1984.
3. Антонов В. Адмиралтейская аллея — Александровский сад // Невский архив. Историко-краеведческий сборник. 1997. Вып. III. С. 324—393.
4. Ануфриев Г. И. Строение болот Ленинградского района // Труды НИ Торфяного ин-та. 1931. Вып. 9.
5. Анциферов Н. П. Душа Петербурга. Пг., 1922.
6. Анциферов Н. П. Непостижимый город. СПб., 1923.
7. Ардикуца В. Е. Стрельна. Л., 1967.
8. Ахматова А. А. Листки из дневника (1963) // Серебряный век. Мемуары. М., 1990.
9. Базилевская Н. А. Из истории декоративного садоводства и цветоводства в России // Труды Института истории естествознания и техники. 1958. Т. 24. С. 107—150.
10. Баранов П. А. Ботаника в Аптекарском огороде и в Академии наук (XVIII в.) // От Аптекарского огорода до Ботанического института. М.; Л., 1957. С. 7—24.
11. Бартенева М. И. Николай Бенуа. Л., 1985. С. 140—145.
12. Бекетова М. А. Александр Блок и его мать. Воспоминания и заметки. М.; Л., 1925.
13. Беляев О. Кабинет Петра Великого. СПб., 1800. Ч. 1. С. 189—190.
14. Белякова Э. И. Марининский дворец. СПб., 1996.
15. Бенуа А. Н. Мои воспоминания: В 2 т. 2-е изд. М., 1990. Т. 1.
16. Берхгольц Ф.-В. Записки камер-юнкера... СПб., 1721.
17. Берк К. Р. Путевые заметки о России / Пер. со швед. // Беспятовых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 111—302.

18. *Билярский П. С.* Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865.
19. *Бобров Е. Г.* Сад в Горенках и последние годы Сада Академии наук // От Аптекарского огорода до Ботанического института. М.; Л., 1957. С. 25—31.
20. *Богданов А. И.* Историческое, географическое и топографическое описание Санктпетербурга от начала заведения его с 1703 по 1751 год, сочиненное г. Богдановым, дополненное и изданное Василием Рубаном. СПб., 1779.
21. *Болотов А. Т.* Петербург при Петре III. СПб., 1901.
22. *Боч М. С., Смагин В. А.* Флора и растительность болот Северо-Запада России и принципы их охраны. СПб., 1993.
23. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв. М., 1986. Т. 1.
24. *Буш Н. А.* Южные растения, занесенные в Петроградскую губернию // Журнал Русского ботанического общества. 1917. Т. 2.
25. В садах Петербурга... / Сост. А. Л. Рейман. СПб., 1994.
26. *Варшавский С. П., Рест Б.* Билет на всю вечность: Повесть об Эрмитаже / 3-е изд. Л., 1986.
27. *Вебер Ф.-Х.* Преображенная Россия (ч. 1). Приложение о городе Петербурге и относящихся к этому замечаниях (1721 г.) // *Беспятых Ю. Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 102—138.
28. *Витязева В. А.* Каменный остров. Л., 1991.
29. *Воронова О. П.* Куинджи в Петербурге. Л., 1986.
30. Выдержки из дружеских писем Евгения (впоследствии митрополита Киевского) к Воронежскому приятелю его Василию Игнатьевичу Македонцу // Русский архив. 1870. Т. 8. С. 769—880.
31. *Гампель К.* 125 небольших садов: Планы разбивки садов, описание устройства их и посадки / Пер. с нем. СПб., 1905.

32. *Гаршин В. М.* Петербургские письма (1882) // Петербург в русском очерке XIX века. Л., 1984.
33. *Георги И. Г.* Описание российско-императорского города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб., Ч. I—III. 1794.
34. *Гесдёрфер М.* Комнатное садоводство / Пер. с нем. СПб., 1898.
35. *Голицын С. В.* К вопросу об антропохорных миграциях растений // Советская ботаника. 1945. Т. 13. № 6. С. 19—29.
36. *Горбачевич К. С., Хабло Е. П.* Почему так названы? О происхождении названий улиц, площадей, островов, рек и мостов Ленинграда. Л., 1985.
37. *Городецкий С. М. А. К. Лядов* // Жизнь неукротимая: Статьи, очерки, воспоминания. М., 1984.
38. *Горышина Т. К.* Растение в городе. Л., 1991.
39. *Горышина Т. К., Игнатьева М. Е.* Ботанические экскурсии по городу. СПб., 2000.
40. *Готье Т.* Путешествие в Россию / Пер. с франц. М., 1990.
41. *Гребенка Е. П.* Петербургская сторона (1846) // Физиология Петербурга. М., 1984.
42. *Грибанов В. И., Лурье Л. Я.* Аптекарьский остров. Л., 1988.
43. *Григорьев В. В.* Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870.
44. *Гусев Ю. Д.* Изменение рудеральной флоры Ленинградской области за 200 лет // Ботанический журнал. 1968. Т. 53. № 11. С. 1569—1579.
45. *Гусев Ю. Д.* Расселение растений по железным дорогам Северо-Запада европейской России // Ботанический журнал, 1971. Т. 56. № 3. С. 347—360.
46. *Гусев Ю. Д.* Растительность // Природа Ленинградской области и ее охрана. Л., 1983. С. 85—89.

47. *Даль В. И.* Петербургский дворник (1844) // Петербург в русском очерке XIX века. Л., 1984.
48. *Державин Г. Р.* Описание торжества в доме князя Потемкина по случаю взятия Измаила // Державин Г. Р. Соч.: В 9 т. СПб., 1864. Т. 1. С. 377, 383.
49. *Дешизо П.* Записка, написанная с целью доставить сведения о натуральной истории растений России и для устройства ботанического сада в Санкт-Петербурге. Париж, 1725. (На франц. яз.)
50. *Доктуровский В. С., Ануфриев Г. И.* Материалы по стратиграфии ленинградских торфяников // Труды НИТорфяного ин-та. 1931. Вып. 9.
51. *Достоевский Ф. М.* Преступление и наказание // Достоевский Ф. М. Соч.: В 15 т. М., 1989. Т. 5.
52. *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Кн. 1. СПб., 1990.
53. *Забелин И. Е.* Московские сады в XVII столетии. М., 1856.
54. *Залесский Д. М.* Некоторые данные для истории организации Ботанического сада при Петербургском — Ленинградском университете 1833—1969 гг. (Рукопись. 1975. Санкт-Петербургский государственный университет, биолого-почвенный факультет, кафедра ботаники).
55. Записки о России при Петре Великом, извлеченные из бумаг графа Бассевича // Петр Великий: Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. СПб., 1993.
56. *Ильин М. М.* Ботанические экскурсии на Крестовский и Елагин острова // Естественно-исторические экскурсии по Петрограду. Пг., 1923.
57. *Ильинский А. П.* Растительность Земного шара. М.; Л., 1937.
58. *Иммер А. Э.* Культура огородных и цветочных растений. М., 1876—1877. Вып. 1-2.

59. Исаченко А. Г. Ландшафты // Природа Ленинградской области и ее охрана. Л., 1983. С. 164—165.
60. Кайгородов Д. Н. Дневник петербургской весенней и осенней природы за десятилетие 1888—1897 гг. СПб., 1899.
61. Калязина Н. В. Меншиковский дворец-музей. Л., 1982.
62. Канн П. Я. Петропавловская крепость. Л., 1955.
63. Канн П. Я. Площадь Труда. Л., 1981.
64. Карлсон А. Летний сад при Петре I. Пг., 1923.
65. Кернер фон Марилаун. Жизнь растений / Пер. с нем. СПб., 1906. Т. 1.
66. Кичунов Н. И. Стрельнинское дворцовое садоводство и Стрельнинская дворцовая школа садоводства // Вестник садоводства, плодородства и огородничества. 1908. № 2. С. 57—64.
67. Кожанчиков В. И. Водная флора Ленинграда и его ближайших окрестностей // Вестник Ленинградского университета. 1964. № 15. С. 144—145.
68. Корелякова И. Л. Особенности флоры высших растений Невской губы Финского залива // Сб. науч. трудов ГосНИИ озерного и речного рыбного хозяйства. 1987. Вып. 266.
69. Короленко В. Г. Полтавские празднества (1909) // Наше наследие. 1988. № 3. С. 52.
70. Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях / 3-е изд. М., 1887.
71. Курбатов В. Я. Гатчина. Л., 1925.
72. Курбатов В. Я. Зеленые памятники Петербургской старины // Старые годы. 1909. Март. С. 150—151.
73. Курбатов В. Я. Сады и парки. Пг., 1916.
74. Курбатов В. Я. Уничтожение Петроградских садов // Старые годы. 1915. № 1/2. С. 95—98.
75. Кученева Г. Г. Жемчужины зеленого мира. Калининград, 1975.

76. Кючарианц Д. А. Антонио Ринальди. Л., 1984.
77. Кючарианц Д. А., Раскин А. Г. Гатчина: Художественные памятники. Л., 1990.
78. Лажечников И. И. Ледяной дом. М., 1993. С. 82, 161.
79. Липский В. И. Исторический очерк Императорского С.-Петербургского Ботанического сада (1713—1913 гг.). СПб., 1913. Т. 1.
80. Лихачев Д. С. Поэзия садов. Л., 1982.
81. Лотман Ю. М. «Евгений Онегин»: Комментарии // Пушкин. СПб., 1995.
82. Лотман Ю. М., Погосян Е. А. Великосветские обеды. СПб., 1997.
83. Лукина Т. А. Иван Иванович Лепехин. М.; Л., 1965.
84. Луппов С. П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.; Л., 1957.
85. Лурье Л., Хитров А. Крестьянские землячества в российской столице: ярославские «питерщики» // Невский архив. Историко-краеведческий сборник. М.; СПб., 1995. С. 307—354.
86. Любименко И. И. Торговля в Петербурге // Петербург Петровского времени. Л., 1948.
87. Мавродин В. В. Основание Петербурга / 2-е изд. Л., 1983.
88. Масси Р. К. Николай и Александра // Роман-газета, 1995, № 2.
89. Медерский Л. Архитектурный облик пушкинского Петербурга // Пушкинский Петербург, 1799—1949 / Под ред. Б. Б. Томашевского. Л., 1949.
90. Миняев Н. А., Шмидт В. М. Высшие растения / Природа Ленинградской области и ее охрана. Л., 1983. С. 81—84.
91. Назаров М. И. Адвентивная флора средней и северной части РСФСР за время войны и революции // Известия Главного Ботанического сада. 1927. Т. 26. № 3. С. 223—234.

92. *Нартов А. К.* Достопамятные повествования и речи Петра Великого // *Петр Великий: Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты.* СПб., 1993.
93. *Некрасова В. Л.* К истории Ботанического сада Академии наук. (На Васильевском острове, 1735—1812) // *Советская ботаника.* 1945. Т. 13. Вып. 2.
94. *Некрасова В. Л.* Флора города Санкт-Петербурга и его ближайших окрестностей в XVIII в. // *Ботанический журнал.* 1959. Т. 44. Вып. 2. С. 249—261.
95. *Немиров Г. А.* Опыт истории С.-Петербургской биржи в связи с историей С.-Петербурга как торгового порта. Вып. 2: Построение биржевого здания 1724 года. СПб., 1889. С. 1—34.
96. *Немчинова Д.* Елагин остров. Л., 1982.
97. *Никитенко Г. Ю., Соболев В. Д.* Большой проспект Васильевского острова. Л., 1981.
98. Новые комнатные декорации: Альбом. СПб., 1850.
99. Описание древесных насаждений гор. С.-Петербурга: Парки, сады, скверы, бульвары, аллеи. История их возникновения и дальнейшего развития / Сост. И. П. Медведев / (Бесплатное приложение к «Известиям С.-Петербургской гор. Думы». № 16). СПб., 1907.
100. Описание Санктпетербурга и Кроншлота в 1710 и 1711 гг. (1713) / Пер. с нем. // *Русская старина.* 1882. Т. 36. С. 33—60, 293—312.
101. Описание ... столичного города С.-Петербурга... (1716—1717 гг.) / Пер. с нем. Публ. Е. Э. Либталь и С. П. Луппова. // *Белые ночи.* Л., 1975. С. 197—295.
102. От Аптекарского огорода до Ботанического института. М.; Л., 1957.
103. *Отрадин М. В.* Петербург в русской поэзии XVIII — начала XX века // *Петербург в русской поэзии (XVIII — начало XX века).* Л., 1988. С. 5—32.

104. Очерки растительности особо охраняемых территорий Ленинградской области / Под ред. М. С. Боч, В. И. Василевича // Труды Ботанического института РАН. СПб., 1992. Вып. 5.
105. Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1990.
106. Павленко Н. И. Петр Первый и его время / 2-е изд. М., 1989.
107. Паллас П. С. Каталог растениям, находящимся в саду Проккопия Акинфиевича Демидова. СПб., 1781.
108. Памятник из законов, руководствующий к познанию приказного обряда, собранный по азбучному порядку трудами надворного советника Федора Правикова. М., 1806. Ч. III.
109. Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870.
110. Пекарский П. П. Петербургская старина // Современник. 1860. Т. 6. С. 311—338.
111. Переписная окладная книга по Новгороду Вотьской пятины. 7008 года (2-я половина) // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. 1851. Кн. 11. С. 1—464.
112. Петербург в русской поэзии (XVIII — начало XX века): Поэтическая антология / Сост. М. В. Отрадин. Л., 1988.
113. Петербург — Петроград — Ленинград в русской поэзии / Сост. К. А. Афанасьев, В. В. Захаров, Б. Б. Томашевский. Л., 1975.
114. Петров А. Н. Савва Чевакинский. Л., 1983.
115. Петров П. Н. История Санктпетербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления (1703—1782 гг.). СПб., 1885.
116. Петрова Т. А. Дворец великой княгини Марии Николаевны. СПб., 1997.
117. Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л., 1950. Т. 3. С. 42, 93, 666.

118. Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л., 1950. Т. 9. С. 96.
119. Подлинные анекдоты о Петре Великом, собранные Яковом Штелиным // Петр Великий: Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. СПб., 1993.
120. Полное собрание законов Российской Империи. (Далее — ПСЗ). СПб., 1930. Т. 4. С. 228 (№ 1950, 19 ноября 1703).
121. ПСЗ. Т. 4. С. 283—284 (№ 2017, 19 января 1705).
122. ПСЗ. Т. 5. С. 150 (№ 2890, 28 февраля 1715).
123. ПСЗ. Т. 5. С. 152 (№ 2895, 28 марта 1715).
124. ПСЗ. Т. 5. С. 484 (№ 3058, 3 января 1717).
125. ПСЗ. Т. 5. С. 533 (№ 3149, 31 января 1718).
126. ПСЗ. Т. 5. С. 680 (№ 3329, 16 марта 1719).
127. ПСЗ. Т. 5. С. 715 (№ 3386, 8 июня 1719).
128. ПСЗ. Т. 5. С. 716 (№ 3391, 17 июня 1719).
129. ПСЗ. Т. 5. С. 736 (№ 3433, 14 октября 1719).
130. ПСЗ. Т. 5. С. 770 (№ 3467, 11 декабря 1719).
131. ПСЗ. Т. 5. С. 771 (№ 3469, 13 декабря 1719).
132. ПСЗ. Т. 6. С. 125 (№ 3499, 1 февраля 1720).
133. ПСЗ. Т. 6. С. 127 (№ 3509, 9 февраля 1720).
134. ПСЗ. Т. 6. С. 169—172 (№ 3548, 14 марта 1720).
135. ПСЗ. Т. 7. С. 805 (№ 5096, 14 июня 1727).
136. ПСЗ. Т. 8. С. 808—810 (№ 6049, 11 мая 1732).
137. ПСЗ. Т. 8. С. 810—813 (№ 6050, 11 мая 1732).
138. ПСЗ. Т. 8. С. 871 (№ 6111, 30 июня 1732).
139. ПСЗ. Т. 8. С. 887—888 (№ 6128, 13 июля 1732).
140. ПСЗ. Т. 8. С. 925—926 (№ 6186, 18 сентября 1732).
141. ПСЗ. Т. 14. С. 338 (№ 10381, 28 марта 1755).
142. ПСЗ. Т. 26. С. 40—41 (№ 19284, 19 февраля 1800).
143. ПСЗ. Т. 26. С. 233 (№ 19486, 17 июля 1800).
144. *Полынов Б. Б., Юрьев М. М.* Лахтинская впадина. Л., 1925.
145. *Предтеченский А. В.* Население и быт Петербурга // Петербург Петровского времени. Л., 1948.

146. *Пушкарев И.* Описание Санкт-Петербурга и уездных городов Санкт-Петербургской губернии. СПб., 1839—1842.
147. *Пыляев М. И.* Старый Петербург / 2-е изд. СПб., 1889.
148. *Райков Б. Е.* Город как объект естественно-исторических экскурсий // Естественно-исторические экскурсии по Петрограду. Пг., 1923.
149. Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанных и собранных ее внуком Д. Благово / (Лит. памятники). Л., 1989.
150. *Регель А. Э.* Изящное садоводство и художественные сады. СПб., 1896.
151. *Регель А. Э.* О тротуарных, дворовых и кровельных насаждениях в больших городах // Вестник садоводства, плодородства и огородничества. 1898. Вып. 1.
152. *Регель А. Э.* Руководство к уличным посадкам // Вестник садоводства, плодородства и огородничества. 1898. Вып. 4.
153. *Регель Р. Э.* О колонизации растений в Петербургской губернии. // Труды Санктпетербургского общества естествоиспытателей. 1888. Т. 19. Вып. 2. С. 8.
154. *Регель Э.* Огородное заведение г. Грачева в С.-Петербурге // Вестник садоводства, плодородства и огородничества. 1860. Вып. 7.
155. *Регель Э.* Петербургские садовые заведения // Вестник садоводства, плодородства и огородничества. 1861. Вып. 5—6.
156. *Регель Э.* Содержание и воспитание растений в комнатах // Вестник садоводства, плодородства и огородничества. 1864. Вып. 2. С. 83—107.
157. *Рождественский Вс.* Петербург — Петроград — Ленинград // Петербург — Петроград — Ленинград в русской поэзии / Сост. К. А. Афанасьев, В. В. Захаров, Б. Б. Томашевский. Л., 1975.
158. *Рудницкая И.* Открытие Северной Венеции // Белые ночи. Л., 1973.

159. Ружже В. Л. Архитектурно-планировочные идеи городов-садов России в конце XIX — начале XX века // Известия вузов. Строительство и архитектура. 1961. Вып. 5. С. 27—32.
160. Рытов М. В. Русское огородничество. СПб., 1914.
161. Сааков С. Г. Оранжерейные и комнатные растения. Л., 1983.
162. Санкт-Петербург, Петроград, Ленинград в русской поэзии: Антология / Сост. М. Синельников. СПб., 1999.
163. Синдаловский Н. А. Легенды и мифы Санкт-Петербурга. Л., 1994.
164. Смирнов Н. П., священник. Несколько новых заносных растений Петроградской флоры // Журнал Русского ботанического общества. 1917. Т. 2. С. 138—139.
165. Соболевский Г. Г. Санктпетербургская флора, или Описание находящихся в Санкт-Петербургской губернии природных растений: В 2-х т. СПб., 1801—1802.
166. Соколов С. Я. Ботанический сад и его интродукционная и культурно-просветительная работа // От Аптекарского огорода до Ботанического института. М.; Л., 1957. С. 216—240.
167. Список растений, культивируемых в Стрельнинской дворцовой школе садоводства. СПб., 1907.
168. Список садовых и огородных заведений в Санктпетербурге (из сведений Губернского статистического комитета) // Вестник садоводства, плодоводства и огородничества. 1864. Вып. 2. С. 121—144.
169. Столпянский П. Н. Петербург. Как возник, основался и рос Санкт-Петербург. Пг., 1918.
170. Столпянский П. Н. Сады старого Петербурга // Зодчий. 1913. Т. 42. Вып. 19. С. 222—223.
171. Столпянский П. Н. Среди архивов // Старые годы. 1915. Янв.-февр. С. 54—60.
172. Столпянский П. Н. Старый Петербург. Адмиралтейский остров. Сад трудящихся. Пг., 1923.

173. *Столпянский П. Н.* Старый Петербург. Аптекарский, Петровский, Крестовский острова. Пг., 1916.
174. *Столпянский П. Н.* Старый Петербург. Садовник Эклебен и первая в С.-Петербурге школа садоводства // Вестник садоводства, плодоводства и огородничества. 1914. Вып. 5. С. 410—435.
175. *Столпянский П. Н.* Старый Петербург. Садоводство и цветоводство в Петербурге в XVIII веке // Вестник садоводства, плодоводства и огородничества. 1913. Вып. 7—8.
176. *Танфильев Г. И.* О болотах Петербургской губернии // Труды Вольного экономического общества. 1888. Вып. 5.
177. *Танфильев Г. И.* Торфяники Петербурга и его ближайших окрестностей // Торфяное дело. СПб., 1897. С. 57—64.
178. *Титов А. А.* Дополнения к историческому, географическому и топографическому описанию Санкт-Петербурга с 1751 по 1762 г. СПб., 1803.
179. *Тулинцев В.* Как выращивать овощи в комнате. Л., 1942.
180. *Фомичев С.* Год 1818: Прогулки по Невскому проспекту / Публикация рукописи В. Г. Масловича (1793—1841) // Белые ночи. Л., 1974. С. 326—344.
181. *Цингер А. В.* Занимательная ботаника / 6-е изд. М., 1954.
182. *Шадрин Г. Г.* Зимний сад Московского Кремля // Цветоводство. 1963. № 2. С. 18—20.
183. *Шварц В. С.* Архитектурный ансамбль Марсова поля. Л., 1989.
184. *Шварц П. И.* О заложении и содержании огородов и парников. СПб., 1837.
185. *Шишкин И. А.* Праздник у князя Потемкина-Таврического (9 мая 1791 г.) // Легенды старого Петербурга. М., 1992. С. 122—131.
186. *Шрейбер А. Ф.* Содержание и воспитание орхидей в комнатах // Вестник садоводства, плодоводства и огородничества. 1915. Вып. 9-10.

187. Шрейдер К. Планы и расположение садов, натуральных и комнатных, и дворов, устраиваемых наподобие садов... СПб., 1853—1860.
188. Штакениншейдер Е. А. Дневники и записки. М.; Л., 1934.
189. Штелин Я. Записки о петербургской архитектуре середины XVIII века / Пер. с нем. и публ. К. В. Малиновского // Белые ночи. Л., 1978. С. 335—349.
190. Щербаков А. А. Андрей Николаевич Бекетов — выдающийся русский ботаник и общественный деятель. М., 1958.
191. Эдельштейн В. И. Выращивание овощей на балконах, окнах и крышах. М., 1943.
192. Экономический магазин. 1780. Ч. III. С. 86.
193. Экономический магазин. 1780. Ч. IV. С. 364.
194. Эренмальм Л. Ю. Описание города Петербурга, вкуче с некоторыми замечаниями / Пер. со шведского // Беспя-тых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 91—101.
195. Эрмитаж: История и архитектура зданий. Л., 1974.
196. Яковлев С. А. Наносы и рельеф города Ленинграда и его окрестностей. Л., 1925.
197. Яремич М. Вступ. ст. к альбому: М. В. Добужинский. Петербург в двадцать первом году. Пг., 1923.

Список использованных карт, планов, атласов

1. Карта бывших губерний Иван-Города, Яма, Копорья, Нэтеборга штабс-капитана Бергенгейма, показывающая состояние одного края в 1676 г. Стокгольм, 1676. (На швед. яз.)
2. Петербург. План местности, занимаемой ныне Санкт-Петербургом, до завоевания ее Петром Великим, снятый в 1698 г. СПб., 1872.

3. План города С. Петербурга в царствование государя императора Петра Великого около 1714 и до 1725 года. СПб., 1839.
4. План города Петербурга около 1762 года. СПб., 1839.
5. План города С. Петербурга 1777 года. СПб., 1839.
6. План города С. Петербурга 1796 года. СПб., 1839.
7. Исторические планы С. Петербурга с 1714 по 1839 г. СПб., 1843. Листы II (1738 г.), VI (1806 г.), VII (1839 г.).
8. Планы, объясняющие постепенное распространение Санкт-Петербурга. СПб., Изд. при Мин-ве внутренних дел, 1836.
9. План Санкт-Петербурга. СПб., 1868.
10. План района выезда... СПб., 1881—1884.
11. Атлас р. Невы от С. Петербурга до Ладожского озера. СПб., 1864.
12. Возгрин В. Е., Шаскальский И. П. Шведская карта низовьев Невы 1640-х годов // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1981. Т. 12.
13. Петербург — Ленинград. Историко-географический атлас. Л., 1957. (Карты Санкт-Петербурга: 1716 г., 1821 г., 1828 г., 1840 г., 1887 г., 1903 г.).
14. Петров П. Н. Санктпетербургский план. 1738 год. СПб., 1883.
15. Устрялов Н. Карты, планы и снимки к четвертому тому «Истории царствования Петра Великого». СПб., 1863. (Карты 1700 г., 1705 г., 1706 г.).
16. Федотов Н. П. Исторический очерк г. С.-Петербурга и его окрестностей. Исторические планы: устья Невы в 1700 г., С.-Петербурга в 1705—1777 г. СПб., 1903.

Оглавление

Предисловие	3
Глава 1. Растительный покров Приневской низменности до основания Санкт-Петербурга	6
Глава 2. О судьбе дикой растительности в городе	22
Глава 3. Город на болотах	65
Глава 4. О петербургской флоре	98
Глава 5. Приглашенные иноземцы	135
Глава 6. Из истории уличного озеленения	155
Глава 7. Петербургские сады и садики	199
Глава 8. Ботанические сады Петербурга	248
Глава 9. Петербургские огороды и огородники	281
Глава 10. Оранжерейное дело	308
Глава 11. Домашние растения петербуржцев	339
Глава 12. Зимние сады Петербурга	377
Заключение	393
Список литературы	400
Список использованных карт, планов, атласов	412

Горышина Т. К.

Г67 Зеленый мир старого Петербурга. — Санкт-Петербург: «Искусство—СПБ», 2003 г. — 416 с., ил.

ISBN 5-210-01564-5

Книга повествует о растительном мире старого Петербурга (XVIII начало XX в.). Автор показывает городскую флору не только с традиционной для ботаника точки зрения, но и представляет ее роль и место в жизни петербуржцев в разные исторические эпохи. О многогранности содержания книги говорят наименования глав: «О судьбе дикой растительности в городе», «Из истории уличного озеленения», «Ботанические сады», «Оранжерейное дело» и др. Книга написана живым и ярким языком, привлечены любопытные архивные и литературные сведения, относящиеся к рассматриваемой теме, использован богатый иллюстрированный материал. Рассчитана на самый широкий круг читателей.

УДК 71

ББК 85.118.7

26.891

Научно-популярное издание

Тамара Константиновна Горышина

ЗЕЛЕНЬЙ МИР СТАРОГО ПЕТЕРБУРГА

Редактор *О. Н. Нечипуренко*

Технический редактор *Н. Н. Баранова*

Компьютерная верстка *С. Л. Пилипенко*

Компьютерный набор *Г. П. Жукова*

Корректор *Т. М. Кулагина*

ЛР № 000024 от 09.10.98.

Подписано в печать 04.03.03. Формат 70 x 108 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура Academy. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,20. Усл. кр.-отт. 18,55. Уч.-изд. л. 15,18.

Тираж 3000 экз. Заказ № 885.

Издательство «Искусство—СПБ». 191014 Санкт-Петербург, Саперный пер., 10, оф. 8.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ФГУП ИПК «Лениздат» (типография им. Володарского) Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. 191023 Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 59

ISBN 5-210-01564-5

9 785210 015648

